

- [Питер Гиллквист](#)

- [Предисловие к русскому переводу](#)
- [Введение](#)
- [Часть первая: От Эрроухед Спрингс к Антиохии](#)
- [1. Никогда не говори «никогда»](#)
- [Брошенный вызов](#)
- [Наше растущее разочарование](#)
- [2. На пути к совершенной Церкви](#)
- [Новый обет](#)
- [Годы подготовки](#)
- [«Труба»](#)
- [Исход](#)
- [Начало путешествия](#)
- [Мемфис](#)
- [Снова вместе: 1973 год](#)
- [Больше, чем исследование](#)
- [3. Неделя, которую мы не забудем](#)
- [Доклад о богослужении](#)
- [Доклад об истории Церкви](#)
- [Доклад о вероучении](#)
- [4. В поисках Церкви Нового Завета](#)
- [1054: Как был потерян Запад](#)
- [Развилка на нашем пути](#)
- [Запад: реформация и контрреформация](#)
- [Православная Церковь сегодня](#)
- [Часть вторая: Православие и Библия](#)
- [5. Слово на букву «п»](#)
- [Две стороны Предания](#)
- [Позднее предание](#)
- [В поисках семьи](#)
- [Семейное Предание](#)
- [6. Почему наше богослужение является литургическим](#)
- [Литургическое богослужение в Писании](#)
- [Образ небесного богослужения](#)
- [Видение](#)
- [Слышание](#)
- [Прикосновение](#)

- [Запах](#)
- [Богослужение как миссия](#)
- [7. Не называйте никого отцом](#)
- [Проблема интерпретации](#)
- [Другие титулы](#)
- [Что имели в виду фарисейские учителя?](#)
- [Личные качества учителей](#)
- [Решение Христа](#)
- [Как следует поступать нам?](#)
- [8. Воздаяние должного почитания Деве Марии](#)
- [Свидетельства Нового Завета](#)
- [Ветхий Завет и Дева](#)
- [Другие предания – истинные и ложные](#)
- [Мария и спасение](#)
- [Изменение наших представлений о Марии](#)
- [9. Знак для всех христиан](#)
- [Знак победы](#)
- [Знак для всех времен](#)
- [Знак, которым пренебрегли](#)
- [Знак, обладающий силой](#)
- [Знак на нас самих](#)
- [Часть третья: Великий вход](#)
- [10. Решающее десятилетие](#)
- [Первые контакты](#)
- [Расширяя круг дружбы](#)
- [Византийская интрига](#)
- [Паломничество в Константинополь](#)
- [Новое посещение семинарии Святого Креста](#)
- [11. Добро пожаловать домой!](#)
- [Встреча с антиохийцами](#)
- [Уточнение деталей](#)
- [Встреча с митрополитом](#)
- [Нью-йоркский уикенд](#)
- [12. На пути в третье тысячелетие](#)
- [К другим приходам](#)
- [Национальный съезд](#)
- [Начало](#)
- [Эпилог](#)
- [Шесть лет спустя](#)

- [Новые православные миссии](#)
- [Печатные издания](#)
- [Попытки миссионерской деятельности](#)
- [Открытие богослужения и духовной жизни](#)
- [Впечатления от пребывания в «этнической» церкви](#)
- [Почему мы стали православными](#)
- [Движение Духа](#)

[Примечания](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)

Введение

Содержание

Питер Гиллквист

Возвращение домой. От протестантизма к православию

Предисловие к русскому переводу

Книга американского православного священника о. Питера Гиллквиста замечательна во многих отношениях. Прежде всего, это глубоко искренний рассказ о личных поисках истинной веры, яркий документ возрождения человеческой души, открывшей Православие и вошедшей в Церковь после преодоления многих, иногда очень серьезных препятствий. Но оказывается, что обращение автора книги – одно из тысяч обращений к Православию, совершившихся одновременно. Книга открывает перед нами удивительное чудо бурного роста православных общин в Соединенных Штатах Америки – стране, которую у нас в России многие привыкли считать как бы полностью бездуховной, погрязшей в стяжательстве и погоне за земными благами.

Но вот, на фоне далекого от нас земного благоустройства, в мире великих достижений современной индустриальной цивилизации раскрывается неопишуемая, волнующая картина пробуждения многих человеческих сердец, их постепенного восхождения по духовной лестнице вопреки всей окружающей их культурной, религиозной, бытовой обстановке. Особенно замечательно, что этот переход в Православие не был вызван деятельностью внешних миссионеров. Обычно бывает так, что в какую-либо местность прибывают миссионеры и начинают проповедовать, стараясь убедить людей в истинности своей веры. В данном случае все происходило не так. О. Питер Гиллквист и его друзья шли от внутренней потребности обретения истинной веры в предельно честном поиске. Они тщательно и скрупулезно исследовали историю Церкви с апостольских времен, проанализировали все основные богословские аспекты христианства. С логической последовательностью они пришли от протестантизма к Православию, ведомые, поистине, Духом Святым, Который дышит, где хочет. И это свидетельство особенно ценно для нас сегодня, когда в России, стране древних православных традиций, ныне действуют сотни и тысячи пропагандистов всех религий и сект, существующих на свете. Такого нашествия Россия еще никогда не испытывала. Но, – у нас есть упование на Утешителя, Духа Истины, Который хранит Церковь и помогает всем, желающим в нее войти, – как в Америке, так и в России.

Автору этих строк довелось немного познакомиться с жизнью одной из упоминаемых в книге новых православных общин, недалеко от Анкориджа

(Аляска), на Игл-Ривер. Было неожиданно и радостно убедиться, что американцы читают Отцов Церкви, соблюдают посты, пишут иконы и молятся перед ними, стремятся жить литургической жизнью.

Издавая книгу о. Питера Гиллквиста, мы надеемся, что она поможет многим нашим соотечественникам разобраться в духовных вопросах, обрести подлинно церковную жизнь, использовать золото духовного опыта, которым так богата Россия.

Протоиерей Александр Салтыков

Введение

Что могло побудить группу из двух тысяч Североамериканских христиан перейти от самой жизнерадостной разновидности евангелического протестантизма к древнейшей, возможно, форме апостольской веры – и притом всего за десятилетие?

Как могли люди, прошедшие школу «Студенческого крестового похода в поисках Христа», «Юности для Христа» и «Молодой жизни», войти в Православную Церковь? По какой причине христиане, получившие образование в Витон колледже, Даллаской семинарии, Фуллеровской семинарии, Юго-западной баптистской семинарии, Сиэтлском университете Пасифик, университете Орал Роберте, Линкольновском христианском колледже и университете Биола, должны были сперва собраться вместе и затем завершить свой путь принятием исторической экклесиологии, литургического богослужения и таинств?

С февраля по апрель 1987 года вся эта группа «Евангелическая православная церковь», духовенство и миряне, была введена – приход за приходом – в полное литургическое общение с Православной Церковью Митрополитом Филиппом Салибой – архиепископом Североамериканской епархии Антиохийской православной церкви. (Термин митрополит означает здесь – епископ, возглавляющий церковь провинции или страны, а не одной епархии. Архиепископ – это епископ, который обычно осуществляет руководство несколькими епископами. Данные термины часто взаимозаменяются).

Эта книга излагает шаг за шагом хронику пройденного пути, разбирая один за другим сложные и подчас запутанные библейские и богословские вопросы, с которыми нам приходилось сталкиваться в процессе продвижения.

Помимо нашей собственной истории, мы рассмотрим начало христианской Церкви, как оно описано в Новом Завете, и от него совершим путешествие через века к Церкви нашего времени. Это моя личная история, но в то же время насколько возможно подробный отчет о том, что происходило с каждым участником нашего «паломничества».

Я хочу выразить признательность о. Джону Брауну за участие в работе над главой 4 «В поисках Церкви Нового Завета», о. Ричарду Бэлью – над главой 7 «Не называйте никого отцом» и о. Уэлдону Харденбуку над главой 9 «Знак для всех христиан».

Мне приятно поблагодарить отцов Джозефа Аллена, Гордона Уолкера, Джека Спаркса, Грегори Роджерса, дьякона Майкла Хиатта, а также Тома и Джо – Энн Уэбстер за просмотр окончательного варианта рукописи. И, наконец, я благодарю Миссис Шерли Диллон за терпеливую перепечатку нескольких вариантов рукописи.

*Питер Е. Гиллквист,
Санта-Барбара, Калифорния.*

Часть первая: От Эрроухед Спрингс к Антиохии

1. Никогда не говори «никогда»

Ни я, ни вы не были никогда в своей жизни свидетелями такого массового обращения в Святое Православие, – сказал митрополит Филипп Салиба, начиная свою проповедь в соборе Св. Николая в Лос-Анджелесе февральским утром 1987 года.

По правде говоря, это был полдень. Вместе с рукоположением шестидесяти из нас в диаконство и священство, а также принятием в члены Церкви около двухсот мирян, служба продолжалась около четырех часов!

Духовенство и активисты из прибыли со всей Северной Америки, чтобы увидеть это событие. Друзья и знакомые собрались вместе, чтобы принять в нем участие. На последовавшем за службой банкете присутствовал и выступил с речью епископ Максимос, возглавляющий Питсбургскую епархию Греческой Православной Церкви.

Празднество продолжалось целую неделю. Принятие новых членов и посвящения начались за неделю до этого, 8 февраля, в церкви Св. Михаила в пригороде Лос-Анджелеса Ван-Нуйс. Те, кто должен был быть рукоположен в священники в этот день, 15 февраля, были посвящены в диаконы неделей раньше. В Православной Церкви нельзя перейти из мирян в священство за один шаг.

– На прошлой неделе я сказал евангеликам: Добро пожаловать домой! – продолжал архиепископ. – Сегодня я говорю: Прииди домой, Америка. Вернись к вере Петра и Павла!

Я смотрел через обширное пространство алтаря на собор и в глаза тех шестидесяти, кто, подобно мне, только что удостоился чести посвящения в духовный сан. Еще чувствовался запах ладана после совершения божественной литургии, и свечи в огромном мраморном алтаре по-прежнему горели.

У многих православных священников, проделавших огромный путь, чтобы принять участие в торжестве, были слезы на глазах, также как и у многих новопринятых в Церковь.

– Наши отцы принесли православие в Америку, – сказал старый священник Джеймс Мина о своих предках – арабских христианах. Потом он улыбнулся и добавил: – Теперь ваша очередь привести Америку к Православию.

Почему Америка должна нуждаться в православном христианстве или

хотя бы в малой мере интересоваться им? Оно так старо, так чуждо, так «кафолично», так сложно.

И еще более интересный вопрос: что могло так захватить две тысячи верующих в Библию, искупленных Кровью Христа, проповедующих Евангелие, всю жизнь исповедующих свою веру евангелических протестантов, которые ринулись в объятия этой православной веры с таким энтузиазмом? Является ли это новой формой религиозного мятежа? Оказались ли по непонятной причине энергичные и исполненные Духа христиане на ложном пути безжизненного, очерствелого, ритуального мрака? Или, того хуже, не есть ли это одна из тонких уловок врага?

Те из нас, кто участвовал в этом необычном путешествии, встретились в «Студенческом крестовом походе в поисках Христа». Хотя мы были детьми пятидесятых годов, но в то же время в нас предчувствовались, по-видимому, грядущие бурные шестидесятые: мы были разочарованы или, лучше сказать, неудовлетворены своим церковным положением, которое воспринимали как скучное, сектантское американское христианство. Нам – порывистым, прямым, радикально настроенным, оптимистичным максималистам – не нравилась церковь в виде формальной организации, не нравилось и устройство общества, и мы надеялись изменить их.

Это были великие дни! Мы не променяли бы их ни на что. Так же как ни на что не променяли бы то, чем обладаем теперь. Одно, несомненно, привело нас к другому.

Брошенный вызов

С чего все начиналось?

– В Америке есть один кампус¹, который вам, ребята, никогда не одолеть, – сказал мне мой приятель, бизнесмен, протестант, за ленчем в Чикаго в конце 1965 года.

– Который? – поинтересовался я, уже решив для себя, что он будет у меня следующим.

– Нотр-Дам, – ухмыльнулся он.

– Держу пари, что мы справимся, – сказал я. Мы закончили еду за светским разговором и распрощались.

Я сразу же отправился домой и позвонил в офис капеллана в Саут Бенд.

– Я хотел бы увидеться с ним как можно скорее, – попросил я секретаря, представившись.

– Я записываю вас на девять часов завтра утром, – сообщила она, сверившись с расписанием.

– Хорошо, я приеду.

Вот такими мы были. Чем сильнее вызов, чем выше планка, тем больше нам это нравилось. И тем успешнее мы действовали. Я наскоро собрал чемодан, попрощался с женой и детьми, вырулил из нашей забитой снегом дороги в Эванстоне и взял курс на Аутер Драйв по направлению к Саут Бенд. Я остановился в мотеле, расположенном рядом с кампусом, молясь, чтобы двери Нотр-Дама как-нибудь открылись для чужака.

Спустя несколько месяцев, около двух с половиной тысяч студентов Нотр-Дам и соседнего с ним колледжа Св. Марии в течение двух вечеров подряд заполняли до отказа только что построенный Центр собраний кампуса, чтобы послушать Джона Брауна и Нью Фолк – нашу проповедническо-концертную команду. Я обещал капеллану: «Мы приедем не с целью сделать из них протестантов, но чтобы побудить их к более глубокому единению с Иисусом Христом». И я имел в виду именно это.

Отклик был потрясающим. В те дни мы распространяли карточки размером 3x5 дюймов и просили ребят написать на них свое имя, если они молились с нами об открытии их жизни для Христа. Подписалось более двухсот человек.

Итак, мы одолели Нотр-Дам.

Затем пришел черед Кэл Беркли. «Берклеевский блицкриг» – назвали мы его. Это было зимой 1966–67 учебного года. Мы решили, что с нас достаточно разъездов с общими проповедями. «Давайте ударим по кампусу и перетряхнем его до основания», – сказали мы друг другу. Сотни студентов – студентов Беркли! – пожертвовали временем ленча, чтобы услышать выступление Билли Грэма в греческом театре кампуса, состоявшееся после его встречи за завтраком с большим количеством представителей факультета. На следующее утро со ступеней Спраул Холла говорил Джон Браун и сумел буквально подавить критические замечания из толпы. Никто не решился бросить ему вызов, и мы победили.

Хотя эти результаты не оправдали в полной мере наших надежд на Беркли, но по крайней мере мы вынудили радикалов сыграть на их собственном поле и преуспели в том, что наметили.

Мы одновременно любили и ненавидели это занятие. Менталитет ударной группы – захватывающая вещь, но он может приводить и к глубокому разочарованию. Хотя мы продемонстрировали, как нам казалось, нечто похожее на дерзновение, которое мы видели у ранних христиан в книге Деяний, мы не приобрели ничего похожего на их устойчивую внутреннюю силу. Большинство обязательств, принятых во имя Христа, честно говоря, не выполнялось.

Наше растущее разочарование

Нашим лозунгом было: «Выиграй кампус для Христа сегодня – выиграй мир для Христа завтра». Но, как ни горько нам это признать, пока мы были заняты завоеванием кампуса, мир становился хуже. Мы создали отделения «Крестового похода» во многих ведущих кампусах Америки в течении десятилетия шестидесятых, но именно в те же шестидесятые кампусы нашей нации расклеились. Они деградировали морально, политически и культурно. Мы делали свое дело, а ситуация изменялась к худшему, а не к лучшему. Мир кампусов в 1970 году был намного менее христианским в культурном отношении, чем за десять лет до этого.

«То, что мы делаем, не приводит к успеху, – признались мы друг другу. – Мы принимаем решения, даем обеты Христу, создаем организацию и вербуем штат, но наша деятельность не вызывает реальных изменений. Мы терпим поражение среди нашего собственного успеха».

Доктор Джек Спаркс не мог расстаться с мыслью о Беркли. Он был профессором, преподавая статистику и планирование эксперимента в Пенн Стейт и в университете Северного Колорадо перед тем как вступил в штат «Студенческого Крестового похода в поисках Христа», чтобы проводить программу систематического контроля за компьютеризованным распределением литературы. Теперь, после «блицкрига», он попросил себе в помощь и получил несколько ведущих сотрудников из штата «Крестового похода» и отправился в кампус Беркли.

В своем радикализме он превзошел нас всех. Он сменил свой деловой костюм на комбинезон из грубой хлопчатобумажной ткани и рабочую рубашку, отпустил бороду и ошеломил кампус большей, чем у кого-либо из радикалов, устремленностью ко Христу. Он даже окрестил нескольких им обращенных в знаменитом фонтане берклеевского парка!

Практикуемая им школа, выпускаемая им литература, и его образ жизни преодолели барьеры новой контркультуры и начали создавать нечто, дающее надежду на постоянство. Это было похоже на что-то из книги Деяний. И это все менее и менее напоминало «Студенческий крестовый поход в поисках Христа» и все более и более походило на начало христианской общины или, я возьму на себя смелость сказать, Церкви.

2. На пути к совершенной Церкви

Я был воспитан в протестантской церкви в Миннеаполисе. Среди моих самых ранних желаний было желание следовать за Богом. Воскресная школа и посещение церкви были непременной частью воскресного утра. Даже недисциплинированные дети их редко пропускали. Сколько я себя помню, я никогда не отступал от веры в Бога. Мне лишь бывало временами скучно.

В начальной школе мы сидели вместе с родителями. Во время пребывания в средне-начальных классах «милые молодые люди», как нас часто называли взрослые, сидели вместе. И по мере того как мы становились старше, мы отодвигались все дальше и дальше назад.

В средней школе я был избран президентом молодежной группы. Это означало, что я должен был проводить молебны по воскресным вечерам, а я ощущал внутреннюю пустоту.

– Я даже не уверен, что я по-прежнему христианин, – сказал я своему другу, который был президентом в классе на год старше моего.

– Тебе далеко до меня, – ответил он. – Я вообще не верю, что есть Бог. – И он был одним из самых энергичных и активных ребят во всей конгрегации!

В 1956 году, по окончании средней школы, я поступил в университет Миннесоты, Год спустя я вступил в братство и переехал в кампус. Дом братства непосредственно примыкал к нашему конфессиональному студенческому центру и я, помнится, поклялся что моей ноги там не будет, и сдержал свое обещание. Не то чтобы я не ненавидел Бога или даже церковь. Просто церковь перестала что-либо для меня значить. Она оставила царапину, которая не болела. Поэтому я перестал ее посещать. И никто ни разу не пришел за мной.

Кроме «Студенческого крестового похода в поисках Христа».

Местный представитель «Крестового похода» систематически выступал во всех братствах кампуса, в том числе и в нашем. Шел 1959 год и председатель нашего братства, римо-католик, в течение Великого поста приглашал вечером по понедельникам различных религиозных ораторов-проповедников для того чтобы поднять уровень духовной жизни в братстве. Команда «Крестового похода» была частью этой программы.

Новый обет

Когда я услышал как эти люди выходили и без смущения рассказывали о том, что значил для них Христос, их слова задели меня за живое. Моя подруга, Мерилин, за месяц до этого уже приняла твердое решение посвятить свою жизнь Христу, и я знал, что должен буду сделать то же самое. Я помог руководителю «Крестового похода» начать еженедельные занятия по изучению Библии в братстве. И спустя три или четыре недели, после вечернего изучения Библии, когда все ушли спать, я во время молитвы дал обет посвятить себя Христу. Я знал, что собираюсь действительно следовать за Ним, чего бы это ни стоило.

Вскоре, я даже не могу вспомнить было ли это до или после моего обета, я взял руководителя «Крестового похода» с собой в лютеранскую церковь, а он меня в свою независимую баптистскую церковь. Он заставил меня рассказать о моем недавнем обращении перед огромной группой учащихся воскресной школы. Еще более запоминающимся было утро, когда я уговорил его пойти со мной. Мы пошли в лютеранскую церковь в деловой части Миннеаполиса и прослушали, как мне казалось, прекрасную проповедь о жизни ради Христа. Когда мы выходили, он повернулся ко мне и сказал:

- Ну, а теперь в самый раз пойти домой и поесть.
- Что ты имеешь в виду? – спросил я.
- Библия – это истинная пища для души и я до смерти проголодался, – ответил он.
- Ты хочешь сказать, что тебе не понравилась служба? – уточнил я.
- Просто в ней не было серьезной основы, никакого точного разбора Библейского текста, – сказал он, нахмурившись.
- Но ты слышал, что было сказано о Христе, – возразил я. – Мне это понравилось.
- Твоя интуиция усилится, когда лучше узнаешь Господа, – сказал он.
- Мы должны обучать глубокому знанию Библии для того, чтобы возрасти в нашей вере.

Что я мог на это возразить? Я начал усердно постигать Новый Завет.

За несколько последующих месяцев усилилась моя любовь к Христу, и уменьшились симпатии к организованной Церкви. Хотя не каждый в «Крестовом походе» верил так, как наш руководитель, под его влиянием я пришел к отрицанию причастия и крещения как таинств, через

которые мы получаем Божию благодать, и воспринял более личную веру в Бога.

Надо сказать, что год спустя я по моей собственной просьбе был перекрещен баптистским священником в Далласе. Я был уверен, что мое крещение в младенчестве не было «действительным».

Предпочтя сердечность, интимность и энтузиазм собраний в «Крестовом походе» сухости воскресных богослужений, я оказался на пути от моего прежнего опыта церкви без Христа к прямо противоположному: Христа без церкви. Только позднее мне было суждено обнаружить, что ни то, ни другое не способно довести до цели.

Тем летом я участвовал в конференции «Крестового похода» на окраине Твин Ситиз. Именно там я встретил несколько человек, с которыми мне предстояло служить Богу всю последующую жизнь. Дик Бэлью и его жена Сильвия прибыли на день позже из-за того, что их автомобиль сломался где-то между Техасом и Миннеаполисом. Он выступил и рассказал как ему удалось обратиться к гаражному механику ко Христу – прямо на месте. «Вот оно, – подумал я про себя. – Это как раз то, чему я хочу научиться».

Годы подготовки

К последнему году моего пребывания в колледже я решил посвятить свою жизнь священству, возможно даже в институциональной Церкви. В одно утро я переехал через реку в Сант-Паул и посетил кампус соседней конфессиональной семинарии. Там был старый профессор, известный своей высокой духовностью. Я пришел к нему и рассказал ему свою историю возрастания в Церкви, отпадения от нее и затем возвращения к вере во Христа в университете. «Я чувствую, что Бог призывает меня к священству и думаю прийти сюда для выполнения дипломной работы», – высказал я пожелание, закончив свой рассказ. Его глаза наполнились слезами. «Я молюсь о том, чтобы молодые подобные вам приходили сюда, – сказал он. – Но не приходите. Пойдите куда-нибудь еще. Здесь вас отвратят от всего, во что вы поверили». Я не знал тогда, что так называемый «протестантский либерализм», с которым мне пришлось впоследствии столкнуться, был в то время в расцвете во многих конфессиональных семинариях. Я поступил в Далласскую Богословскую Семинарию в Далласе, штат Техас, и, смею вас заверить, она не была либеральной!

Во время пребывания в Далласе я окончательно разрешил для себя вопрос о богодухновенности Библии. Мы узнали, почему именно она богодухновенна, что само Священное Писание говорит о себе, и как важно читать Писание и верить в его истинность. Во время этого первого года в семинарии Мэрилин (теперь моя невеста) и я жили через улицу от Южного методистского университета, где она училась на первом курсе. Я стал проводить в этом университете программу «Крестового похода».

На следующий год мне предложили подумать о переезде в Чикаго с тем, чтобы начать «Крестовый поход» в Северо-западном университете в Эванстоне усовершенствовать управление чикагским регионом и набрать штат в Витон колледже. Я попросил секретаря Даллаской семинарии – ныне ее президента – Дональда Кэмпбела перевести меня в аспирантуру Витона чтобы оправдать уход из семинарии после одного года обучения. Он дал мне свое благословение, и летом 1961 года мы переехали в Виндл Сити, чтобы приступить к нашей работе.

Находясь в Витоне, я стал вновь разочаровываться в Церкви. Образование, полученное как в «Крестовом походе» так и в Даллаской семинарии настроило меня против всего, что имело сакраментальный или

литургический оттенок. В Витоне было несколько «чудаков» или «бунтарей», которые носили очки в проволочной оправе, твидовое пальто спортивного покроя и отдавали предпочтение епископальной церкви. Большинство остальных склонялись к «Церкви Библии», все более распространявшейся в Америке. Меня в ней больше всего привлекала проповедническая деятельность и толкование Библии. И пение было, по крайней мере, энергичным и живым. Временами и Мерилин, и мне хотелось немного больше достоинства, может быть даже величия, в воскресных службах, но отказ от более выразительных и наполненных смыслом богослужений был платой за проповедование Библии.

Один из членов братства, перед тем как я покинул колледж, обвинил меня в «христианском консерватизме». Я испугался, когда он сказал это, так как почувствовал, что он мог быть прав. Но какова была альтернатива? Чем больше я узнавал о «либерализме» в церквях основных вероисповеданий, тем больше я опасался когда-либо променять проповедование Библии на красоту богослужения.

Время от времени мы с Мерилин посещали церкви различных конфессий, таких как евангелическая, лютеранская или пресвитерианская, и возвращались к мысли о более серьезном богослужении. Но мы воздерживались от соединения с ними, поскольку через восемь или десять кварталов оказывалась другая церковь той же конфессии, где пастор подвергал сомнению воскресение Христа или Его непорочное зачатие или другие фундаментальные основы христианской веры. Мы достаточно сильно познали реальность совместного пути с Христом, радость веры и любовь к Писанию, чтобы желать быть частью чего-либо неверующего, мертвого или скучного. Было захватывающе интересно осознавать себя идейным преданным христианином, и я решил, что ничто не должно мне в этом мешать. Проведя год в Витоне, мы переехали в Эванстон, чтобы целиком посвятить себя кампусу Северо-западного Университета в течении следующих шести лет. Мы встретили сильное сопротивление со стороны религиозной общины кампуса, которая восприняла нас как угрозу для сложившихся конфессиональных студенческих групп. Ни наши евангелические убеждения, ни наша внецерковная принадлежность не приветствовались. Тем не менее, к середине шестидесятых мы в конце концов преуспели в учреждении «Крестового похода» как признанной группы в кампусе Северо-западного.

Наши команды штатных сотрудников и студентов проводили свое время, выступая в различных коллективах кампуса и разговаривая со студентами о Христе в индивидуальном порядке – за кока-колой или кофе.

Мы стали самой быстро растущей христианской группой кампуса. По отношению к нам стала проявляться некоторая терпимость, поскольку мы были намерены играть по правилам, но сильные богословские разногласия по-прежнему сохранялись. На нас смотрели как на похитителей паствы и фундаменталистов. Но евангелизм проникал в мою кровь; приведение людей ко Христу приносило невероятное, ни с чем не сравнимое чувство внутреннего удовлетворения и осязаемости результатов своего дела.

«Труба»

Каждое лето весь американский штат сотрудников «Крестового похода» собирался вместе для стажировки в Эрроухед Спрингз – неподалеку от Сан-Бернардино в Калифорнии, где находился наш штаб. Те из нас, кто был областными и региональными директорами, стали неразлучны. После ведения одиночной борьбы в кампусах в течение всего года мы считали дни до того часа, когда сможем сделать вместе передышку в Эрроухед Спрингз для осуществления летней программы. Мы вместе ели, вместе играли в гандбол, вместе проповедовали, вместе купались и парились в бане и вместе изучали Писание.

После всего этого казалось, что когда мы раскроем Писание вместе, Святой Дух будет говорить с нами как с одним человеком, непрерывно низводя на нас благодать Божию и приближая к Церкви (мы называли это ожидаемое явление – «труба»). «Почему мы не являемся Церковью? – спрашивали мы себя. – Ведь согласно Новому Завету единственная вещь, которой положил начало Иисус – это Церковь». Нам нравилось то, что мы делали, но в книге Деяний имелась в виду именно Церковь, а не ее суррогат.

Лето 1966 года оказалось поворотным пунктом. Джон Браун был нашим новым национальным координатором; Дик Белью являлся руководителем восточного региона; у Джима Креддока был Юг; у Роберта Андруса – Запад, я отвечал за Север – район «большой десятки». В своем стремлении найти христианство Нового Завета мы решили этим летом встречаться каждое утро в 6.00 за завтраком в ресторане «Сейджес» в центре Сан-Бернардино. К нам часто присоединялись Гордон Уолкер – африканский директор и Кен Бервен – наш Канадский директор. Мы ожидали, что «труба» откроется и Бог заговорит с нами через Писание, чаще всего через Послания Апостолов.

Мы вчитывались в текст Нового Завета, обращая особое внимание на те места, где говорилось о благодати Божией и о Церкви. В то лето мы пришли к убеждению, что какую бы форму это ни приняло, в конечном итоге мы должны стать Церковью. Мы рассматривали Церковь как место, где будут явлены благодать и милость Божия. Мы считали, что каждый верующий имеет дары, которые он может привнести, что должно функционировать все тело Христово, а не только один или два оплачиваемых профессионала. Церковь должна была быть общинной.

Наше внимание привлек тот факт, что в Новом Завете Церковь начиналась в домах, что специальные церковные здания появились, по-видимому, не раньше третьего века. Хотя мы никогда не придавали слишком большого значения чудесам как таковым, каждый из нас тосковал по месту, где было бы возможно подлинное исцеление и могли быть произнесены истинно пророческие слова, где каждый член общины мог бы «служить своим даром». И мы хотели иметь дом, где каждый страждущий мог бы найти заботу и где «неблагополучные» члены общества были бы так же важны, как и все остальные. Чем больше мы погружались в Новый Завет, тем больше мы становились озабочены неполнотой нашего положения оторванности от Церкви.

Осенью 1966 года мы начали создавать в кампусах группы «мобилизации студентов», организованные в насколько возможно точном соответствии с нашим представлением о Церкви Нового Завета. Мы учили об общине, преданности Христу и совместной работе, но отказывались от осуществления на практике крещения и причащения. Эти группы получили самые различные оценки: от резкой критики со стороны некоторых представителей основных христианских конфессий до щедрой похвалы от тех, кто был настроен более радикально или мистически. Сами того не желая, мы оказались на пути конфликта с философией «Крестового похода». Это не могло продолжаться бесконечно.

Исход

В конечном итоге возник ряд причин, побудивших многих из нас покинуть организацию «Крестового похода» в 1968 году. Что касается меня, я чувствовал, что полностью исчерпал свои возможности в рамках этой организации. У меня пропал энтузиазм к внецерковной деятельности. Я хотел чего-то большего. Но позволю себе заметить, что даже по сей день я скорее предпочел бы проповедовать Евангелие Иисуса Христа в студенческом братстве или женской общине, чем в любом другом месте.

Мы ощущали недостаток свободы. Мы хотели отбросить все ограничения и делать «все что делали в первом веке» – крестить наших новообращенных, служить литургию и причащаться, более открыто выступать против зла. Короче говоря, мы больше всего хотели быть Церковью Нового Завета.

Именно так – Церковью Нового Завета! За долгие годы, в основном через изучение Писания и истории Церкви, страстное влечение к Церкви Нового Завета полностью захватило нас. Я со смущением вспоминаю один случай, поскольку он создает впечатление мессианства и высокомерия, что в некоторой мере вероятно справедливо. Но мы были искренни.

В один из дней 1967 года мы с Джоном Брауном ехали на поезде надземной железной дороги из Эванстона в центр Чикаго, и я сказал ему: «Ты знаешь, кто мы? Мы – реформаторы. Так же как Лютер и Кальвин мы хотим вернуть Церковь к тому, чем она должна быть». Он кивнул в знак согласия.

– Я не говорю, что мы находимся на их уровне, – уточнил я – и не хочу показаться самонадеянным. Но то, что мы на самом деле хотим сделать – это реформировать Церковь.

– Ты прав, – согласился он.

Другой причиной нашего ухода было то, что мы просто верили, что этого хочет от нас Бог. И именно это поддерживало нас в самые трудные дни нашего «исхода». Мы оказались перед выбором бросить нечто экономически надежно обеспеченное и к этому времени даже вызывающее некоторое восхищение, чтобы снова пуститься в путь, просто положившись на веру, и начать все сначала.

В феврале 1968 года я выступал в одном из кампусов Висконсинского университета в Ла Кроссе. Возвращаясь из студенческого клуба в общежитие, где я остановился в этот вечер, я ощущал специфическое

внушение, спокойный негромкий голос, говоривший: «Я хочу, чтобы ты ушел». Придя в общежитие, я позвонил Джону домой в Калифорнию. «Я ухожу», – объявил я, не зная, что к этому добавить. Последовало долгое молчание на другом конце. Наконец он сказал: «Я тоже». На этой же неделе я отправил письмо с прошением об отставке. «Исход» начался.

Начало путешествия

Этим летом мы собрали столько бывших членов «Крестового похода», сколько смогли и начали проповедовать и рассказывать о Церкви Нового Завета – как мы ее себе представляли. Лютеранская Церковь в Ла Джолла, Калифорния, позволила нам воспользоваться ее помещениями. Мы не знали, как создать то, к чему мы призывали, но ничто не могло укротить наш энтузиазм. «Вот в чем причина того, что современный евангелизм не изменяет мир, – заявляли мы. – Он самозамкнут, не связан с Церковью. Люди не включены в Тело Христово. Их можно уподобить новорожденным младенцам, оставленным на чьем-то пороге в расчете на то, что они сами себя накормят и смогут позаботиться о себе».

Как-то утром я вышел из зала и увидел молодого человека, у которого на пуговице рубашки было написано: «Бог жив, но Церковь умерла». «Аминь, – сказал я себе, – не только новообращенные сбиваются с истинном пути, но и церкви настолько немощны, что не могут направить на него тех, которые приходят к ним. Церковь в плену у невидимого, современного Вавилона!».

Итак, мы пришли к тому, что ответом на наш вопрос является Церковь, но не любая церковь, с которой нам приходилось встречаться. Мы искали именно Церковь Нового Завета. И вскоре оказалось, что в таком же поиске пребывало бесчисленное множество других людей. Это было началом того, что по прошествии некоторого времени мы стали называть «поиском ускользающей совершенной Церкви!».

Легче всего было бы создать альтернативную организацию и «сделать как надо» на этот раз. Мы даже придумали название: «Товарищество университетских студентов-христиан». Мы предполагали превзойти все, что когда-либо делал «Крестовый поход» – и в свидетельстве, и в проповеди, и уж, конечно, в церковности.

Но, к счастью, «труба» была по-прежнему открыта. Ни у кого из нас не лежала душа к реализации этого плана. Одно было несомненно: мы должны были кормить семьи и у нас не было для этого той возможности, которую мы имели до сих пор. Поэтому большинство из нас решило заняться светской работой.

Самой трудной проблемой, с которой мы при этом столкнулись, было отношение общественности. Для наших прежних единомышленников это выглядело так, как будто мы оставили свое служение ради

удовольствий и житейского благополучия. Дик Бэлью стал продавать кофе в Атланте. Джон Браун некоторое время руководил молодежным лагерем в Вашингтоне, а затем занялся покраской домов. Я оставался в Эванстоне в течение года, а на следующий год переехал в Мемфис работать в Мемфисском государственном университете.

Все мы пробовали свои силы в организации домашних церквей – попеременно с успехом и неудачей – и поддерживали связь друг с другом через переписку и по телефону.

Мемфис

К тому времени, как Мэрилин и я прибыли в Мемфис осенью 1969 года, у нас было четверо детей. Мы купили большой старый дом в средней части Мемфиса, специально, чтобы иметь достаточно большую гостиную для христианских собраний.

Я был нанят в качестве директора по развитию университета и исполнительного вице-президента университетского фонда. Будучи главным образом связанной с расширением фонда, эта работа должна была обеспечить мне ежедневные контакты как с университетскими, так и с гражданскими руководителями. И, что более важно, на этом посту я находился в тесном контакте со студенческой средой.

В университете мы встретили группу из пятнадцати или двадцати студентов-христиан, которые держались вместе и которые, по различным причинам, не примыкали ни к одной из учрежденных в кампусе религиозных групп. Эти студенты разделяли наше расплывчатое представление о Церкви Нового Завета и желали, чтобы что-то было начато в направлении ее поиска. Воскресные вечера стали назначенным временем, а наш дом – назначенным местом. Почти единственным нашим твердым правилом было не приглашать новых людей. Будучи далеки от замкнутости в своем кругу, все мы чувствовали необходимость возрасти в нашем собственном понимании Церкви, прежде чем приглашать других принять участие.

Мэрилин и я заключили соглашение. Мы не будем подбирать лидеров из студентов, как мы делали в «Крестовом походе». Пытаясь помочь войти в Тело Христово всем, кто к этому стремится, мы просто старались сделать себя доступными для всех и каждого, кто проявлял интерес к христианскому благовестию. Кажется странным, что к концу нашей трехлетней деятельности в Мемфисе среди тех, кто решил посвятить свою жизнь Христу, наряду с наркоманами, проститутками, беглецами из дома, хиппи были президент и вице-президент студенческого совета, президент братства, а также широкий спектр лиц, не принадлежащих ни к одной из перечисленных категорий. Несмотря на все ошибки, сделанные нами, одна вещь была для нас очевидна: во Христе возможно братство всего многообразия человеческих личностей. Разнообразие даров, разнообразие служения и разнообразие достижений, несомненно, могли бы гармонично сосуществовать в христианском сообществе.

Несмотря на наше намерение не расширять круг своей деятельности в Мемфисе, нам пришлось это сделать. Одна девушка из нашей воскресной группы говорила о Христе со своей парикмахершей, и та попросила ее окрестить. Затем она стала посещать наши воскресные собрания. Несмотря на наше несовершенство, она была в восторге от ощущения себя частью тесно сплоченной группы христиан, которые любили друг друга и заботились друг о друге, и она начала приглашать всех, кого могла. Мы удвоились в размере, затем утроились и в некоторые вечера вынуждены были перемещаться во двор, чтобы вместить всех желающих.

Чем больше становилась наша численность, тем меньше и меньше мы ходили на Церковь. Как ни стремились мы к обратному, воскресные вечера превратились в шумные встречи, включающие в себя энергичное пение, чтение и толкование Писания, перемежающиеся просительными молитвами и благодарениями. В конце встречи я часто призывал «молиться и предавать свою жизнь Христу, где бы вы ни находились в комнате». Когда нас было мало, мы причащались во время большинства наших встреч, но по мере того, как группа увеличивалась, это случалось все более редко. Мы никогда не могли быть уверены во всех присутствующих и в их духовном состоянии.

В других частях страны мои коллеги также пытались реализовать идею домашних церквей в различных формах и с различными результатами. Гордон и Мери Сью Уолкер переехали из Колумбуса в Менсфилд, Охио, и получили в пользование большую работающую ферму. Вскоре на их пороге без всякой видимой причины стали появляться молодые люди, сбежавшие из дома, путешественники автостопом и другие искатели приключений. Довольно быстро вокруг них сформировалась небольшая община молодежи, и они устроили церковь в переоборудованном полуподвальном помещении. Гордон крестил каждого, кого ему удавалось привести ко Христу (был случай, когда он окрестил 26 человек в ледяной воде пруда фермы во время снежного шторма), и еженедельное причастие стало нормой воскресных утренних собраний.

Хэролд и Барбара Данавэй находились с «Крестовым походом» в Анкоридже и покинули его вскоре после нас. Хэролд сформировал группу людей, которые помогли ему купить бывший католический приют, где он организовал общину, подобную мэнсфилдской группе, но без связующей основы как таковой. Они называли себя «Маранафа² Норд». В начале семидесятых эта группа перешла от христианских дружеских собраний к начальной стадии церкви.

Джек и Эстер Спаркс продолжили свою работу по воздействию словом Христа на контр-культуру в Беркли. И из этого постепенно возникла домовая церковь.

Супруги Бэлью основали «церковь в гостиной» в Атланте, но она, в конце концов, прекратила свое существование. Они и Брауны переехали в район Санта – Барбары чтобы объединиться с бывшей группой «Крестового похода» из Калифорнийского университета в Санта-Барбаре, которая также охотилась за мечтой об Истинной Церкви. Это создало географическую близость с семьей Спарксов, которые, после окончания эры хиппи, также переместились в общину при Калифорнийском университете в 1977 году.

Снова вместе: 1973 год

К началу семидесятых годов, когда большинство из нас оказалось в разных местах и действовали независимо, мы почувствовали все возрастающее желание работать в более тесном контакте друг с другом. Проведя три года в университете, я оставил свой пост и переселился в пригород – в часе езды от Мемфиса – чтобы отреставрировать купленный нами дом, который был построен перед Гражданской войной. Этот переезд позволил мне также уделять несколько больше времени своим обязанностям мужа и отца семейства, в котором в скором времени должно было стать шесть детей. Чтобы зарабатывать на жизнь, я вернулся к свободному литературному творчеству, которым занимался в последний год пребывания в Эванстоне.

Летом 1973 года некоторые из нас были приглашены в Даллас на недельный съезд христианских издателей. Было высказано предложение собрать как можно больше прежних соратников, чтобы рассмотреть возможность создания хотя бы неформальной системы взаимодействия среди тех из нас, кто участвовал в процессе создания домашних церквей Нового Завета. Собралось около семидесяти человек.

Мы обменивались мнениями, спорили, докладывали и отстаивали свои взгляды по новым исследованиям Писания, участвовали в совместных трапезах в течение большей части недели. Каждый, казалось, относился с подозрением к разворачиванию новой «кампании». Но, с другой стороны, мы устали, крайне устали, от работы в одиночку. Когда волнения угасли, несколько человек из наших решили, по крайней мере, поддерживать неформальные отношения друг с другом.

Спустя несколько месяцев мы встретились в доме Спарксов в Беркли. Не имея почти никакой общей основы кроме желания увидеть подлинное новозаветное христианство, мы решили, что шестеро из нас, которым было сорок и больше, будут играть роль «старших» в том не совсем понятном, что мы собирались делать. Позднее я был добавлен седьмым. Эта ведущая группа должна была собираться на неделю, ежеквартально, с тем, чтобы корректировать деятельность той маленькой сети церквей, которые мы старались соединить в одно целое.

Крайне важно для нашей группы было также чувствовать потребность каждого человека в ответственности перед другими и подотчетности хотя бы в какой-то мере видимой, действенной власти. В последующие

недели и месяцы мы осознали, как мало нам было известно о том, что мы звали все чаще «Церковью Нового Завета».

– Каждый провозглашает себя Церковью Нового Завета, – пожаловался Джек Спаркс на одном из наших следующих собраний. – Католики говорят, что именно они ею являются. Баптисты – что они. Церковь Христа утверждает то же о себе – так же и как все остальные. Мы должны выяснить, кто прав?

Спаркс был очень важным дополнением к нам именно потому, что у него не было за плечами евангелического высшего образования, которое получили большинство других членов нашей группы. Он был евангелистом до мозга костей, но привносил свежий взгляд на вещи и более творческие вопросы о том, чем Церковь является – и чем могла бы быть. Он не принадлежал к кругу библеистов и слабо владел специальной терминологией.

– Что ты подразумеваешь под этим «кто прав?» – спросил кто-то с вызовом из задней части комнаты. – У нас есть Библия, разве не так? Способом, которым мы можем узнать о Церкви Нового Завета, является чтение Нового Завета.

– Нет, ты не так понял, что я имею в виду, – ответил Джек в своей сочувственной манере обсуждения деликатных вопросов. – Как протестанты, мы знаем свой путь, начиная с 1517 года и Реформации. Как евангелисты – люди Библии – мы знаем наш путь вплоть до 95 года или около того, когда апостол Иоанн закончил писать свое Откровение. Речь идет о времени между этими двумя датами.

– Он прав, – согласился Гордон Уолкер. – Хоть убей, я не могу сказать точно, куда делась эта Церковь Нового Завета.

– Я в таком же положении, – добавил Джон Браун. – Что я хочу знать, это как долго Церковь оставалась верной Христу? Совершенно искренне меня учили, что в ту минуту, когда апостол Иоанн испустил последний вздох, Церковь начала катиться под откос. Но так ли это на самом деле? И если нет, то где и когда Церковь отклонилась от истинного пути? Во всяком случае, как можно было избежать Реформации?

– Чтобы понять это, необходимо, как мне кажется, разделить области исследования, – сказал Спаркс. – Что касается меня, я хотел бы взять богослужение. Я могу вести изучение Библии и поддерживать пение, но мне поистине с трудом удается проводить богослужение. По сути, я даже не знаю точно, что такое настоящее богослужение. Правы ли харизматики? Должны ли мы хвататься за спонтанный порыв и следовать за ним? Или существует другой способ, которым христиане были призваны участвовать

в богослужении?

– Тогда мне позвольте взять историю Церкви, – сказал Браун. – Я хочу обнаружить историческую непрерывность Церкви – что есть истинная Церковь, и что – церковь ложная, оставалась ли она на верном пути или сошла с него.

– Важно, чтобы мы обратились к первоисточникам, – предупредил Спарк. – Мы ничего не добьемся, если будем просто читать комментарии современных авторов. Мы должны добраться до основополагающих документов и изучить то, что говорили древние писатели – и те, что писали правильно, и даже еретики.

– Я возьму вероучение, – предложил Дик Бэлью. – Я до тошноты устал гоняться за каждым новым веянием духовной жизни, которое проносится по городу. Что я хочу знать – это то, во что Церковь верила с самого начала, и во что она не верила? Я также хочу поискать равновесие. Например, как быть с тем огромным значением, которое мы придаем деталям, сопровождающим второе пришествие Христа? Разумно ли это? Так ли это было у ранних христиан? Иногда у меня появляется чувство, что мы знаем о втором пришествии больше, чем сам Господь.

– Но что самое важное, – продолжал Бэлью, – я хочу выяснить, что ранние христиане думали об Иисусе Христе. Какое знание позволяло им так охотно умирать за Него?

Гордон Уолкер хранил молчание в течение большей части встречи. Бывший южно-баптистский священник, он получил образование в семинарии Форт Ворз в Техасе и пасторствовал в нескольких южно-баптистских церквях перед приходом в штат «Студенческого крестового похода в поисках Христа». «Я скажу вам, что я собираюсь взять, – сказал он несколько скептическим тоном. – Я беру Библию. Мой план состоит в том, чтобы проверить сравнением с Библией все то, что все вы, братья, обнаружите. Потому что если мы не сможем найти подтверждения там, я откажусь это принять.

– Это вполне справедливо, – сказал Джон Браун, чувствуя, что обстановка может немного накалиться. – В конце концов, это должно быть критерием всего, во что мы верим.

Кен Бервен взял предреформационные годы, Рэй Нетэри, ушедший в отставку в 1978 году, – послереформационный период, а я был вскоре выбран нашим администратором.

Больше, чем исследование

Если бы мы ограничились только поиском ответов на поставленные вопросы, наша дискуссия представляла бы чисто академический интерес. Но нас интересовал не просто сбор более полной информации. Перед нами стояли две конкретные проблемы. Во-первых, все мы теперь были ответственны за хотя и небольшую, но паству. Мы обещали своим людям, что приведем их в сохранившуюся неповрежденной в истории Новозаветную веру. При этом мы не собирались стать еще одной «разновидностью» христианства. Нашей целью также не являлось оставаться протестантами, стать католиками, быть пятидесятниками или не принадлежать ни к одной из деноминации. Нами руководило желание быть насколько возможно лучшими христианами, быть выражением Церкви первого века в двадцатом веке.

Во-вторых – и я не могу в достаточной мере подчеркнуть важность этого решения – мы договорились с самого начала в своих делах и жизни соответствовать всему, что мы узнаем о Церкви Нового Завета, проследив ее исторический путь. Если мы поймем, что были неправы, то должны будем измениться. Мы приняли на себя обязательство верить ее учению, принять ее богослужение, установить – в соответствии со своим пониманием – ее иерархическую структуру. Или, другими словами, если бы мы обнаружили, что все христиане повсеместно исповедовали определенную истину или придерживались определенной практики, и это делалось всеми и не противоречило Священному Писанию, мы изменили бы согласно этому свой курс и последовали вере своих отцов.

Отсюда начала развиваться герменевтика – интерпретации Писания. В течение многих лет мы склонялись к тому, чтобы рассматривать Церковь в ее исторической перспективе как некую горизонтальную структуру – длиной в двадцать веков, с фундаментом, перекладывавшемся каждое столетие, чтобы отразить современную культуру. Теперь, кажется, мы начали смотреть на Церковь как на вертикальную структуру, высотой в двадцать столетий, построенную на фундаменте апостолов и пророков со Христом в качестве краеугольного камня.

Вместо того чтобы строить новые фундаменты в каждом поколении или каждом веке, мы изо всех сил старались понять, существует ли возможность оставаться на первоначальном апостольском основании, сохраняя веру, однажды и навсегда переданную всем святым, и, в то же

время построить на этом фундаменте новый этаж для нашего времени, чтобы поселить на нем наших современников. Мы все менее и менее интересовались, находятся ли христиане второго или третьего века в нашей церкви. Вопрос стоял наоборот: находимся ли мы в их времени и церкви?

Я думаю, немногие люди в Америке или даже в мире имели возможность проделать ту работу, которую мы наметили. Мы ни с кем не были связаны, кроме Господа и друг друга. Мы были немногочисленны, неограниченны в передвижении и готовы измениться. Будучи свободны принять то, что нам удастся найти, мы не должны были придерживаться ничьей партийной линии. Мы не были привязаны ни к какой официальной церкви и представляли людей, которые уже выпали из существующих структур и желали измениться. У нас не было ни правления, ни спонсоров, которые могли бы ограничить финансирование, если бы им не понравилось то, что мы открыли в истории Церкви. Все, что мы хотели – это Христос и Его Церковь. Вместо того чтобы быть судьями истории, мы приглашали историю судить нас.

Нашим основным вопросом было: что стало с Церковью, о которой мы читали на страницах Нового Завета? Существовала ли она по-прежнему? Если да, то где? Мы хотели быть ее частью.

3. Неделя, которую мы не забудем

Для меня наиболее запоминающаяся (или, лучше сказать, трудная) неделя нашего пути наступила в феврале 1975 года. Кен Бервен снял для нас хижину на острове Сан Хуан в Паджет Саунд около побережья Сиэтла. Она была холодной и сырой как снаружи, так и внутри. В хижине был казавшийся бесконечной площадью голый цементный пол и только две кровати на семь человек. Эти кровати достались самому старому участнику и тому, у которого была самая больная спина: Кену Бервену и мне.

На этой неделе мы должны были собраться вместе и рассказать друг другу о первых результатах наших исследований.

Доклад о богослужении

Область, в которой каждому христианину наиболее трудно измениться – это, на мой взгляд, его участие в воскресном богослужении. Может измениться интерьер церкви, может быть заменен пастор, строительная комиссия может предложить переделки, но характер утреннего воскресного богослужения – будь то у реформаторов, римокатоликов, пятидесятников или других – останется практически неизменным.

Из нас семи двое были воспитаны в литургических церквях, остальные – в умеренных или неформальных. Но все мы в зрелом возрасте сделали выбор в пользу очень непринужденного, почти спонтанного стиля богослужения – и мы поощряли такой стиль фактически во всех наших церквях.

Мы чувствовали, что можем привести в подтверждение своей позиции целый арсенал библейских стихов. Такие дискуссии всегда начинались со дня Пятидесятницы по 2-ой главе книги Деяний, затем переходили к главам 12 и 14 1-го послания к Коринфянам, а также эпизоду с Евтихом в Деяниях (20, 9–12), где Павел проповедовал до рассвета. Джек Спаркс взял слово, чтобы передать нам то, что он узнал о богослужении из наиболее ранних материалов по истории Церкви.

– Христианское богослужение было литургическим с самого начала, – начал он. – Самые древние документы говорят нам...

– Ты, наверное, шутишь, – прервал я. – Это никак не может быть правдой.

– Я не прошу тебя любить то, что я обнаружил, – продолжал Джек, – но три старейших источника...

– Подожди, – снова запротестовал я. – Ты уверен, что изучал именно тот материал, который нужен? Является ли достаточно показательным то, что ты читал? ни в семинарии, ни в процессе своего собственного чтения я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь учил, что Церковь была литургической в начале. Я всегда считал, что литургия была тем, что пришло в Церковь, когда угасла благодать Святого Духа.

Что бы вы ни говорили о Джеке Спарксе, вы никогда не сможете обвинить его в подтасовке результатов исследования. Мне довелось убедиться, что он лучший исследователь, которого я когда-либо встречал. Его послужной список включает не только выдающуюся академическую

карьеру, закончившуюся защитой докторской диссертации, но также дополнительные годы, проведенные в работе с докторантами в Пени Стейт. Кроме того, я должен был признаться себе, что Джек не имел личной заинтересованности в предвзятых выводах. Ему было бы легче, если бы не существовало никаких ранних свидетельств о литургическом богослужении, поскольку он – подобно мне – учил членов своей церкви быть непринужденными и свободными в богослужении.

Он познакомил нас с тремя ранними и общепризнанными источниками, не входящими в Писание, которые рассказывают о том, каким было раннехристианское богослужение. Источник, наиболее часто рассматриваемый первым, – это послание Св. Иустина Мученика (в его «Первой апологии»), написанное около 150 года, где он изложил для императора схему христианского богослужения. Оно выглядело примерно так:

Синаксис:

приветствие и ответ;

славословия, перемежаемые чтениями из Писания, т.н. «Писания Апостолов»;

проповедь;

отпуск не являющихся членами Церкви.

Евхаристия:

ходатайственные молитвы;

приношение хлеба и вина;

освящение Даров;

причащение;

благодарение;

благословение.

Следующим документом было «Предание Апостолов» Ипполита, датируемое примерно 200 годом. Это труд предназначался для того, чтобы поддержать описание богослужения, данное ранее Св. Иустином, показав, что такой порядок являлся общепринятым во всей Церкви.

Самый ранний источник, появившийся, возможно, не позднее 70-го года – то есть в центре новозаветной эры – это Дидахэ, или «Учение Двенадцати». Наибольшего внимания здесь заслуживает упоминание о Евхаристии, и особенно важно то, что она появляется так рано. Это тройное свидетельство о литургии и причастии совместно с Новым Заветом и другими ранними документами позволяют сформировать целостное мнение о богослужении первого и второго веков.

– Это означает, – сказал нам Спарк, – что в ранней Церкви

существовали два основных чинопоследования богослужения, которые составлялись друг с другом, образуя единую литургию.

Первая часть называлась синакисис, что означает просто «встреча». Она была составлена по образцу богослужения, проводившегося в еврейских синагогах в годы, непосредственно предшествовавшие явлению Христа. Для иудеохристиан было естественным сохранить основные формы молитв, пения гимнов, чтения Писания и проповеди.

Второй частью раннехристианской литургии была Евхаристия, что значит «благодарение». Это часть богослужения, в которой подготавливается и совершается причастие. Форма этой службы основана на литургии, совершавшейся ветхозаветным священником в храме, но в качестве жертвы здесь приносятся не быки и козлы, а Тело и Кровь Христа.

– И именно об этом говорится в 11 главе первого послания к Коринфянам? – спросил кто-то.

– Да, и, собственно говоря, эти установительные слова всегда повторялись в христианском богослужении с самого начала, – ответил Джек.

– Но, Джек, не считаешь ли ты, что литургическое богослужение приведет к духовному упадку и утрате жизненности? – спросил я. – Я знаю церкви, которые практикуют литургию и, тем не менее, кажутся мертвее дверного гвоздя.

– Честно говоря, я знаю пока недостаточно, чтобы ответить на твой вопрос, – сказал он. – Я уверен, что мы решим эту проблему по мере продвижения в нашем исследовании. Но несомненно одно: Израиль был литургическим на протяжении всей своей истории, и доказательством этого служит Ветхий Завет. Был ли он с Богом или нет, но его богослужение было неизменно литургическим. И Церковь Нового Завета, согласно древнейшим источникам, была литургической с момента своего возникновения. Это то, из чего нужно исходить. Остальное нам предстоит выяснить позднее.

Чем больше, мы всматривались в схему реального богослужения, записанную Иустином Мучеником, тем больше она нам нравилась и тем больше смысла мы в ней находили. Постепенно нам стало ясно, что, хотя мы называли себя непосредственными, наша непосредственность сама по себе стала неким шаблоном. Мы фактически создали своего рода литургию.

Я вспомнил наши домашние церкви. Те же люди сидели на тех же стульях каждое воскресное утро; «непосредственные» молитвы были

каждый раз в основном одинаковыми; у каждого был набор любимых песнопений; проповедь произносилась в одном и том же месте службы; и мы всегда заканчивали причастием. Кстати сказать, в своей основной форме схема того, что мы делали в воскресенье утром, не так уж сильно отличалась от порядка, описанного в 150-м году.

Следующим был вопрос о Евхаристии.

– Что ты узнал о том, как они рассматривали хлеб и вино? – спросили мы. – Считали ли они их символическими или действительными Телом и Кровью Христа? (В современной терминологии: были ли они реальными или только воспоминанием?)

– На самом деле, они рассматривались и как символ, и как субстанция, – продолжал Джек, – но термин «пресуществление» появляется лишь много веков спустя. Здесь же ключевым словом было «таинство». Отцы Церкви считали освященные хлеб и вино реальными Телом и Кровью Христа, но они никогда не объясняли процесс превращения. Они исповедовали это как благодатное таинство.

Я почувствовал облегчение оттого, что нам не придется принимать представление о пресуществлении, отстаиваемое римской церковью, которое я часто критиковал как «улучшение жизни посредством химии». Но при воспоминании сказанного Христом: «Сие есть Тело Мое... Сия есть Кровь Моя...» становилось очевидным, что мы, современные евангелисты, сильно исказили эти слова Господа в другом направлении. Кроме того, люди в Коринфе первого столетия не стали бы страдать и умирать просто за символ. Нечто серьезное, нечто реальное должно было происходить, когда они принимали Тело и Кровь Господа.

Было бы несправедливым пропустить неприятную страницу истории. Люди оставили нас, когда мы стали проповедовать и практиковать этот реальный, или сакраментальный, взгляд на святое причастие. Но в этом не было ничего нового. Самого Христа первая волна учеников покинула именно после того, как Он стал учить их: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» ([Ин. 6:53](#)). Несколькими строками ниже мы находим стих шестьдесят шестой: «С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним».

Из документов ранней Церкви нам было ясно, что богослужение было литургическим, и что таинство святого причастия было центральным моментом всей службы. Честно говоря, некоторым из нас, включая меня, потребовалось определенное время, чтобы почувствовать эмоциональное удовлетворение от литургии и причастия. Я так привык считать, что это

две не связанные между собой вещи. Но, будучи убеждены всеобщим свидетельством и его соответствием с Новым Заветом, мы начали экспериментировать с этой изначальной литургией в наших церквах. И они начали, спустя некоторое время, казаться более похожими на отчий дом.

Доклад об истории Церкви

После двух дней предварительных обсуждений проблем богослужения, мы перешли к исследованию Джона Брауна по истории Церкви с момента окончания новозаветных событий.

– Самая поразительная вещь, которую я обнаружил за эти последние три месяца работы – это наличие епископов в первом веке, – начал он. – Я считал, что епископы появились в Церкви позднее, где-то в середине второго века. Но, оказывается, они существовали задолго до 100 года.

Например, Поликарп, о котором я, конечно, знал. Он был епископом Смирны примерно до 100 г. Ранние авторы, такие как Ириней, говорят, что он был духовным сыном апостола Иоанна, и что он был рукоположен в епископы самими апостолами.

Затем [Климент Римский](#), рукоположенный в епископы в Риме около 90 года. Его связь с апостолами Христа становится очевидной из упоминания его Павлом в [Флп. 4:3](#).

Но самым потрясающим из них для меня оказался [Игнатий Антиохийский](#) – из Антиохии в Сирии, домашней церкви ни больше, ни меньше, как апостолов Павла и Варнавы, – который был епископом этого города примерно с 67 года до своей мученической кончины в 107 году. Братья, 67 год – это библейское время! Речь идет о самом разгаре новозаветной эпохи. И мы знаем только двоих из Двенадцати, кто умер к этому времени. Несомненно, остальные десять выразили бы каким-то образом решительный протест, если бы должность епископа не была известна и одобрена?

Епископ Игнатий известен, разумеется, всем церковным историкам. Он оставил семь писем, написанных перед самой смертью, к церквям в городах, через которые он проходил на пути к своему мученичеству. В них не только разъясняются с исключительной ясностью функции епископа, но также рассказывается о присутствии епископов во многих других церквях. Он подчеркивает, что эти первые епископы были поставлены самими апостолами и олицетворяют непрерывность апостольского служения в Церкви.

Мы едва успели прийти в себя от открытия литургии таинства причастия в ранней Церкви, и вот теперь епископы! Ранние епископы – в первом веке. Мы начали штудировать мужей апостольских, собрания сочинений христиан, лично знавших апостолов и бывших их учениками,

включая труды Игнатия, Поликарпа и Климента, и перед нашими глазами возникло совершенно иное видение христианства.

Но и сам Новый Завет оказался достаточно ясным в отношении епископов. Епископ – это не просто термин для обозначения обязанностей блюстителя, но также специальный пост в Церкви. Рассматриваемые с такой точки зрения, новозаветные ссылки на епископов становятся предельно понятными.

Самое раннее новозаветное упоминание – это Деяния, 1:20, где говорится об измене и замещении Иуды. В первоначальном тексте Библии короля Иакова читаем: «Пусть епископство его примет другой». Некоторые из новейших протестантских переводов искажают смысл этого слова, передавая епископство как «роль лидера» (NIV), «обязанности» (Мофатий), «положение» (Гудспид), или, немного лучше, должность (NASB, NKJV). На самом же деле в греческом подлиннике стоит слово «episcopen», точное значение которого – должность епископа. Ко времени написания книги Деяний это слово не имело другого значения. Двенадцать апостолов, кстати сказать, признавались всеми в качестве первых епископов Церкви.

Затем, в своем Послании к Филиппийцам, написанном примерно в 65 году, апостол Павел пишет: «Павел и Тимофей, рабы Иисуса Христа, всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах, с епископами и диаконами» ([Флп. 1:1](#)). По своему буквальному смыслу этот отрывок свидетельствует о том, что должность епископа существовала в филиппийской церкви к середине первого столетия.

Часто возникает вопрос – и мы также с ним столкнулись – о взаимозаменяемости терминов пресвитер и епископ в Деяниях и Посланиях. В самом деле, разве в местах, подобных [Деян. 20](#) (Павел и ефесские блюстители в Милете) и [Тит. 1:5](#) («...поставил по всем городам пресвитеров») одни и те же термины не могут относиться как к епископу, так и к пресвитеру? Несомненно, возможность такого смешения понятий существует в некоторых отрывках. Но в любом случае, можно считать доказанным, что и в Новом Завете, и в наиболее ранних документах христианской истории упоминаются три конкретных вида пастырского служения: епископ, пресвитер и диакон.

Для нас наиболее интересным местом оказалась глава 15 книги Деяний – Собор в Иерусалиме. В Антиохии возник спор о необходимости соблюдения иудейских законов, и местная церковь, не будучи в состоянии самостоятельно решить эту проблему, передала ее на рассмотрение апостолов и братьев в Иерусалиме. Это было в 48 или 49 году. Был создан

Собор, чтобы узнать волю Божию и уладить дело.

Обратите внимание, что происходит. В присутствии «апостолов и пресвитеров» (стих 4) на собрании, включавшем апостола Петра, после того как все закончили говорить, именно Иаков, брат Господень, а не один из Двенадцати, «начал речь... и сказал: мужи братия, послушайте меня» (стих 13). И Иаков высказал заключительное суждение о том, что должно быть сделано, чтобы разрешить разногласия. Почему Иаков? Почему не Петр или один из прочих Апостолов? Потому, что, согласно всем ранним авторам, которые обращались к этой теме, Иаков был епископом Иерусалима к моменту проведения Собора. И, согласно свидетельству 15-й главы Деяний, он действовал в полном соответствии со своим положением.

В моем собственном продвижении от конгрегационной к епископальной форме церковного управления оказались полезными два наблюдения. Во-первых, в современном мире, также как и в Новом Завете, любой епископ, заслуживающий уважения, должен заботиться о том, чтобы слышать «аминь» от своей паствы. Ситуация в действительности такова, что церковь, возглавляемая епископом, является епископальной, пресвитериальной и конгрегационной одновременно. Паства имеет голос, также как и дьякон и пресвитеры. Разница заключается в том, что при конгрегационной форме управления каждый обладает равным правом голоса и паства оказывается, в конце концов, пасущей своего пастыря. В случае епископального управления каждый также имеет право на свое мнение, но спор прекращается епископом. Как и в случае с Иаковом в книге Деяний, епископ принимает окончательное решение.

О втором наблюдении лучше всего рассказать, передав разговор, состоявшийся за завтраком с президентом евангелической общины. Мы уже дошли к тому времени до открытия епископов в ранней Церкви и решили принять епископальное управление. Мой друг, чья община относилась к одной из конгрегационных церквей, был несколько удивлен сменой нашего курса. Он был убежден, что Новый Завет учил только конгрегационной форме правления.

В ходе разговора мы коснулись вопроса о новом течении в некоторых из его церквей. «Многие наши пастыри сильно увлеклись учением людей вроде Рэя Стедмана о коллективном пресвитериальном руководстве (коллективном старшинстве), – сказал он. – Возникают трудности, когда в церквях с конгрегационным управлением появляется такой пресвитериальный акцент. Некоторые из наших церквей уже пошли этим путем».

– Что бы вы сделали, если бы конгрегация проголосовала за переход к коллективному пресвитериальному руководству? – спросил я.

– Мы не были бы от этого в восторге, но примирились бы с ним, если оно не станет постоянным, – ответил он. – Иначе мы превратимся в пресвитериан.

– А если люди воспользуются своим конгрегационным правом сделать такое руководство постоянным? – спросил я.

– Тогда я должен буду вмешаться и прекратить это, – сказал он.

– Это будет соответствовать епископальному управлению, – заметил я.

На самом деле, в конце концов, кто-то всегда оказывается ответственным. Мы можем говорить о правлении народа, эгалитаризме, конгрегационализме и всем прочем, но, в конечном счете, один человек будет стоять во главе колонны. Разве не этому нас учит природа? В Самой Троице, где три Личности обладают в полной мере Божественной природой, началом и источником единства является Отец. Будь то на небе или на земле, существуют иерархии армий, людей и ангелов.

Есть еще одна вещь, которую мне хочется сказать о епископах, и это очень утешительная вещь. После многолетних попыток жить под как можно меньшим руководством, я, наконец, знаю, кто наделен властью. Я почитаю за честь наклоняться и целовать руку нашего архиепископа, Филиппа, с которым мы равны как братья во Христе, но которому, тем не менее, я охотно подчиняюсь как иерарху, ведущему наблюдение за моей душой.

Не так много лет назад я бы страстно возразил на только что сказанное мною: «Все это прекрасно, но что, если у вас окажется плохой епископ». Во-первых, православные христиане помогают в выборе своего епископа. Во-вторых, каждый епископ подотчетен Синоду епископов и, в конечном счете, Патриарху. По этой причине, когда попадались плохие иерархи, они устранялись (еретик Несторий занимал самый высокий пост в восточной Церкви, и даже он был замещен). В-третьих, лучше слабый лидер, чем вообще никакого. Анархия – худшая разновидность управления.

Я разделяю старый баптистский тезис, что власть может разворачиваться, и что абсолютная власть разворачивается абсолютно – хотя ни один православный епископ не имеет абсолютной власти. Но верно и обратное: независимость разворачивается и абсолютная независимость разворачивается абсолютно. Ибо такая независимость стимулирует установление абсолютной власти – абсолютной власти в руках каждого индивидуума.

Иерархи существовали в Израиле, в новозаветный период и на

протяжении всей истории Церкви. В библейском контексте они появляются одновременно с территориальными образованиями.

Доклад о вероучении

Мы энергично разбирались с литургией, таинством причащения и епископами, когда Ричард Бэлью предложил нашему вниманию добытые им сведения о вероучении ранней Церкви. Мы нуждались в передышке, и мы ее получили. Ибо для наших сердец и разума – как людей, принявших апостольское учение – было одновременно утешением и вызовом слышать, как неумоимо древние христиане проповедовали и защищали Господа нашего Иисуса Христа как совершенного Бога и совершенного Человека.

– Нам предстоит узнать, что каждый важный спор на Вселенских Соборах начинается с тотальной атаки на Самого Христа, – начал Дик Бэлью. – Первая из них достигла апогея летом 325 года, когда Вселенский Собор был созван в Никее для рассмотрения вопроса о ереси, получившей название арианства.

Арий был пресвитером в александрийской церкви. Он вызвал сильное волнение среди паствы учением о том, что Иисус Христос был сотворенным существом, чем-то меньшим, чем совершенный Бог. Согласно Арию, Его жизнь началась в какой-то момент времени. И, подобно всем лжеучителям в истории. Арий для подтверждения своего мнения имел множество библейских цитат с собственным толкованием. Он нашел последователей и среди духовенства, и среди мирян, и число его приверженцев росло. Его епископ, божественный Александр, был глубоко озабочен и созвал Собор, который отверг точку зрения Ария. Когда ересь распространилась, вовлеченной оказалась вся Церковь и даже император.

Для того чтобы обсудить и урегулировать эту проблему сотни представителей от всего христианского мира собрались в Никее незабываемым летом 325 года. Ибо Иисус Христос обещал Своей Церкви дар Святого Духа, наставляющего на всякую правду, приводящую к познанию полной истины. Это было первой проверкой данного обетования в послеапостольскую эру.

Когда собрались делегаты, включая Ария и его последователей, на сцене появилось новое действующее лицо. Св. Афанасий был блестящим исследователем Писания и преданным последователем Иисуса Христа. За семь лет до этого в возрасте двадцати одного года он уже написал книгу, которой было суждено стать одним из величайших произведений христианской классики всех времен: «О воплощении». Во введении к

английскому переводу этой работы К.С.Льюис сказал, что, когда он открыл эту книгу, то вскоре обнаружил, что «читает шедевр».

На Соборе этот молодой человек стал одним из главных защитников апостольской веры. Арию оказалось не под силу соперничать со Св. Афанасием. По мере того, как проходили недели лета, в Никее в жарких дебатах формировалось прочное православное единомыслие. По прошествии трех месяцев был составлен и подан на рассмотрение краткий документ, содержащий совокупность христианского учения о личности Иисуса Христа. В общей сложности 318 епископов подтвердили и подписали то, что мы знаем сегодня как первую и более длинную часть Никейского Символа веры.

Православие Св. Афанасия одержало победу на Соборе. Что касается Христа, то не было времени, когда Он не существовал! Эта истина стала лозунгом Церкви в ее борьбе за упрочение достигнутого в Никее, продолжавшейся почти столетие. Арий, хотя и побежденный, не сдался. На самом деле после Никее его движение расширилось. В некоторые моменты в течение последующих лет казалось, что арианизм может одержать верх – настолько, что кто-то выбил медаль с изречением: «Афанасий против всего мира».

Но истина Христова восторжествовала. Он, «рожденный от Отца прежде всех времен», проповедовался и почитался в единой святой Церкви.

Изучение Никее позволило нам узнать несколько вещей, важных для нашего пути к православию. Первое и самое важное – оно дало нам твердое определение того, чему учит Новый Завет об Иисусе Христе. До этого наше внимание было поглощено делом Христа – тем, что Он сделал для нас – без должного интереса к тому, кем Он был: вечным Сыном Отца, принявшим человечество ради нашего спасения, одновременно Богом и Человеком. Мы, разумеется, верили в божественность Христа, но значимость факта воплощения Сына Божия переживалась нами в недостаточной мере. Никейский Символ веры стал для нас, как он всегда был для православного христианства, той оградой, за которую мы ранее не осмеливались заходить в нашем понимании Христа.

Во-вторых, Никее показала, как должно осуществляться действие Собора в Церкви: когда благочестивые епископы, священники, дьяконы и миряне собираются вместе, чтобы узнать Божественную истину, она сообщается им Духом Святым. Собор в Иерусалиме из главы 15 книги Деяний не был единичным явлением. Вся идея определения воли Божией во взаимном согласии приобрела для нас новый смысл.

В-третьих, Никея послужила для нас введением к другим важным Соборам в истории Церкви. Ибо Никея была первым из семи Вселенских Соборов, созывавшихся между 325 и 787 годами, каждый с целью исправить ошибку, и проясняя истину. Эти семь соборов в их совокупности закладывают фундамент для церковного понимания апостольских оснований вероучения и служат им охраной.

Когда неделя подошла к концу, мы осознали, что наша работа только началась. Если бы наши занятия были чисто академическими, у нас не было бы особых оснований для беспокойства. Но мы приняли обязательство измениться в соответствии с обнаруженной истиной. Если то, что мы обнаружили в ходе изучения Церкви, разделялось и практиковалось всеми христианами повсеместно, и если это отличалось от того, во что мы верим и применяем на практике, мы должны покориться. Мы устали от нововведений; мы стремились к полноте Истины.

Мы оставляли остров с тем, чтобы научиться жить в литургии и таинстве причащения и сосредоточить свою жизнь на почитании Отца, Сына и Святого Духа. Мы уезжали с пониманием и желанием епископского надзора и реальности видимого авторитета в Церкви. И еще: мы увозили с собой обновленную признательность и любовь к Господу нашему Иисусу Христу – Слово Божие воистину стало плотью и жило в нас!

4. В поисках Церкви Нового Завета

В середине 1975 года мы могли уже сделать несколько выводов, касающихся Церкви, основываясь на нашем изучении древнехристианской истории.

Церковное богослужение имело специфическую форму, или структуру. Оно было литургическим, берущем свое начало в богослужении, данном Богом в ветхозаветном откровении и получившем свое завершение в Новом Завете во Христе, нашем великом Первосвященнике. Кроме того, к нашему большому удивлению, послеапостольские авторы говорят нам, что этот основной порядок богослужения был по существу одинаковым в церквях всего мира.

Ранняя Церковь была сакраментальной. Она единогласно исповедовала таинства как реальность и практиковала их. Бог подавал в них людям Свою благодать. Крещение действительно было очищением грехов и ниспосланием Святого Духа, в точном соответствии с обещанием апостола Петра своим слушателям в день Пятидесятницы ([Деян. 2:38](#)). Евхаристические Дары действительно были Телом и Кровью Христа, как Сам Господь убеждал Своих учеников перед смертью ([Лк. 22:19–20](#)). В таинстве брака муж и жена на самом деле становились одной плотью.

Возглавление или форма управления Церковью была иерархической с самого начала – ее структура включала епископов, пресвитеров, диаконов и церковный народ. Нашим ответом на эту форму правления было формирование в 1975 году Новозаветного апостольского ордена (НЗАО) в надежде организовать нечто работоспособное и в то же время избежать основания новой деноминации. Мы считали своим долгом основать церкви, обладающие следующими двенадцатью свойствами:

1. Благодать.
2. Подлинная община.
3. Откровение.
4. Авторитетное и направленное на служение руководство.
5. Забота.
6. Видение и слышание Бога.
7. Добрые дела.
8. Благочестие.
9. Православное богословие.
10. Богослужение.
11. Радостная надежда.
12. Кафоличность.

К началу 1979 года НЗАО стало Евангелической Православной

Церковью. Обещание нашей пастве и друг Другу, что в один прекрасный день мы станем частью исторической Церкви, когда найдем ее в современном мире, по-прежнему оставалось в силе.

В нашем понимании способом распознать правду Божию и Его волю относительно Его людей была соборность. Ранняя Церковь рассматривала различные проблемы и сомнения, с которыми ей приходилось сталкиваться, соборно – будь то на местном, региональном или вселенском уровне. Ранние христиане исходили из того, что сообща они могут определить, в каком направлении Бог ведет Церковь.

Центральным пунктом апостольского вероучения была Святая Троица и воплощение Сына Божия. Эти истины были на переднем крае обороны буквально во всем, во что ранняя христианская Церковь верила, чему она учила и за что она боролась.

Позвольте мне подчеркнуть еще раз, что для нас обретение твердой уверенности в этих реальностях – литургии, таинстве евхаристии, епископальном управлении – далеко не всегда было легким делом. В особенности с литургией и евхаристией. То, что они были истинны и практиковались повсеместно в Древней Церкви, было для нас прискорбной очевидностью. Здесь мы ничего не могли возразить. Сложность с древним христианством заключалась в том, чтобы сделать его действующим.

Но разве не всегда так бывает в процессе обращения?

Богослужение Церкви к концу первого тысячелетия ее существования в различных местах имело по существу одинаковую форму. Вероучение было одним и тем же. Вся Церковь исповедовала один Символ веры, одинаковый повсюду, и выдержала много атак. Церковное управление было везде в основном одинаковым. И эта единая Церковь была православной.

1054: Как был потерян Запад

Трения стали нарастать в последней части первого тысячелетия. К началу второго они достигли критической точки. В то время как различные вероучительные, политические, экономические и культурные факторы работали на разделение Церкви на части, которые впоследствии получат название Востока и Запада, два основных старых вопроса приобрели преобладающее значение: 1) должен ли один человек, папа Римский, рассматриваться как главный епископ Церкви? и 2) добавление *filioque* в церковный Символ веры.

Папство

Среди двенадцати апостолов Петр был признанным лидером. Он говорил от имени Двенадцати до и после Пятидесятницы. Он известен как первый епископ Рима. Никто не ставил под сомнение его значение.

После смерти апостолов, по мере развития церковного управления, епископ Рима был признан первым по чести, даже, несмотря на то, что все епископы были равны. Но по прошествии примерно трех столетий епископы Рима постепенно начали присваивать себе роль превосходящих над остальными. И, без общего согласия, они ультимативно провозгласили себя единственно подлинными преемниками апостола Петра.

Подавляющее большинство других епископов никогда не оспаривали первенство римского епископа, но даже в Италии они открыто отвергали папские претензии быть всеобщим главой Церкви на Земле. Такое изменение древней практики было вызвано двумя факторами: нахождением четырех из пяти патриархов на Востоке (на Западе находился только Рим) и упадком мощи Римской империи на Западе. Возросшая власть Римского папы стала одним из основных факторов отрыва Римской Церкви и всех, кого она смогла собрать вокруг себя, от исторической православной Церкви.

Добавление к Символу веры

В Церкви стали также проявляться разногласия относительно Святого Духа. Исходит ли Святой Дух от Отца? Или он исходит от Отца и Сына? В Евангелии от Иоанна (15:26) Господь Иисус Христос утверждает: «Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух Истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне». Это главное положение об «исхождении» Святого Духа во всем Новом Завете, и в нем ясно сказано: Он «от Отца исходит».

Поэтому, когда Константинопольский Собор 381 года на закрытом заседании подтвердил Никейский Символ веры, составленный в 325 году, он расширил этот Символ, чтобы провозгласить следующие знакомые слова: «И в Духа Святого, Господа животворящего, Который исходит от Отца, которому мы поклоняемся равно с Отцом и Сыном».

Но два столетия спустя на поместном соборе в Толедо, Испания (589 год), король Рекарред объявил, что должно исповедывать Святого Духа исходящим от Отца и Сына (фраза «и Сына» на латинском языке обозначается словом *filioque*; поэтому данная проблема часто называется «спором о *filioque*»). Король мог иметь добрые намерения, но противоречил апостольскому учению о Святом Духе. К несчастью, поместный Испанский собор согласился с его ошибкой, и она постепенно распространилась на Западе, хотя вначале и отвергалась папами.

Исходя из учения Священного Писания, как оно исповедовалось всей Церковью в Никее и Константинополе, и в течение предшествующих столетий, не было никаких оснований полагать что-либо иное, чем исхождение Святого Духа от Отца.

Но столетие спустя, Папа римский, сделав шаг, во многом обусловленный сложным переплетением политических факторов, односторонне изменил Символ веры без созыва Вселенского Собора. Хотя это изменение было первоначально отвергнуто и на Востоке, и на Западе – даже некоторыми близкими к Риму епископами – Риму в конце концов удалось заставить Запад капитулировать.

Последствием для западной Церкви, естественно, стала тенденция отводить Святому Духу менее важное место, чем Богу Отцу и Богу Сыну. Изменение может казаться незначительным, но его последствия оказались катастрофически огромными. Этот предмет разногласий с отступлением папы от православного вероучения Церкви стал другой определяющей причиной увековечивания отпадения римской Церкви от исторической православной Церкви – Церкви Нового Завета.

Великая схизма

Конфликт между папой Римским и Востоком нарастал, особенно в отношениях папы с епископом, или патриархом, Константинопольским. Папа зашел настолько далеко, что провозгласил свое право решать, кто должен быть епископом Константинополя, что нарушало исторический прецедент и выходило за пределы его компетенции. Папа, не руководствуясь больше правилами управления новозаветной Церковью, пытался политическими средствами подчинить всю Церковь своему господству.

Причудливые и запутанные интриги следовали одна за другой по мере того, как ряд римских пап проводил свою постоянную политику попыток контролировать весь христианский мир. Возможно, самый неслыханный инцидент среди этих политических, религиозных и даже военных козней, которые касались Востока, произошел в 1054 году. Посланный папой кардинал во время воскресного богослужения положил на алтарь церкви Софии Премудрости Божией в Константинополе документ, отлучающий константинопольского патриарха от Церкви!

Папа, разумеется, не имел никакого законного права поступать подобным образом. И последствия были ошеломляющими. В последующие десятилетия были написаны некоторые не очень приятные главы истории Церкви. Окончательным итогом папских интриг стало отделение римской Церкви от Церкви Нового Завета. И эта схизма никогда не была залечена.

Проходили века, и конфликт продолжался. Все попытки воссоединения провалились, и римская Церковь отдалялась все дальше и дальше от своих исторических корней. Таковы неизбежные последствия уклонения от Церкви. Отход римской Церкви от Церкви исторической не смог стать исключением.

Развилка на нашем пути

Итак, вот к чему мы пришли. В своем путешествии через историю мы тщательно проследили тысячелетие неразрывной преемственности в Церкви.

Излишне говорить, что мы подтвердили представление о Церкви, изложенное на страницах Нового Завета. Мы обнаружили ту же самую Церковь во втором и третьем столетиях, подвергающуюся жестоким гонениям, служащую литургию в домах, катакомбах и даже на кладбищах, и руководимую епископами, которые часто заканчивали свой жизненный путь как мученики. Мы нашли ее в четвертом веке защищающей веру в Никее и в пятом веке – в Халкидоне.

Мы проследовали за ней вплоть до восьмого столетия, изучили ее великие Соборы, полюбили ее апологетов, святых, учителей, то, как они проповедовали Евангелие, боролись с еретиками и подтверждали почитание святых икон. Мы были поражены тем, как смело встречали в Церкви этические и догматические искажения вероучения, и как постоянно удавалось избежать возможного разрушения. Бог был с Церковью в девятом и десятом веках, а миссионерская деятельность Кирилла и Мефодия заложила основу для обращения Руси ко Христу, которое началось в 988 году.

Но затем наступил 1054 год, и мы оказались перед лицом выбора. Произошел раскол. Я до сих пор помню физическое ощущение, которое у меня было, когда я сказал своим единомышленникам: «Восток прав в сопротивлении папству и в отрицании дополнения *filioque*». После этого я сделал глубокий вздох. «Я думаю, что это делает нас... православными». И тут же возникло чувство изоляции, беспокойства, неприкаянности. Где эта Церковь сегодня? Существует ли она до сих пор? Или она тихо скончалась где-то в позднем средневековье?

Надо отметить, что никто из нас, насколько мне известно, не состоял когда-либо в православной Церкви. Большинство из нас даже не знало о ее существовании. По этой причине – я должен с сожалением сообщить – мы решили создать ее заново.

Запад: реформация и контрреформация

В течение столетий, последовавших за 1054 годом, в истории, несомненно, отмечалось растущее различие между Востоком и Западом. Восток сохранял Новозаветную веру во всей полноте, богослужения и обычаи, поддерживающие апостольские основы. Западная, или римская, Церковь начала крестовые походы, от которых происходили самые глубокие и болезненные раны, когда-либо нанесенные Востоку Западом, и, возможно, труднее всего поддающиеся лечению. Рим, кроме того, склонился к более рациональной вере. И она стала мощной политической силой в западном мире. Заметим, меньше, чем через пять веков после того, как Рим встал на путь односторонних решений в области вероучения и практики церковной жизни, назрел еще один конфликт – и на этот раз не с соседним Востоком, но внутри самого западного лагеря.

Хотя многие на Западе, включая некоторых из пап, высказывались против многих изменений в римской доктрине и практике, остановить процесс упадка не удалось. На этот раз малоизвестный германский монах по имени Мартин Лютер неосторожно выступил с критикой римско-католической церкви, что, в конце концов, повлияло на ход мировой истории. Его известные «девять тезисов», просто призывающие к дебатам по конкретным вопросам, были прибиты к двери церкви в Виттенберге в 1517 году. Через короткое время эти тезисы дали начало тому, что получило на Западе название протестантской Реформации. Лютер дважды искал аудиенции у папы, но получил отказ, и в 1521 году он был отлучен от римской Церкви. Он не собирался разрывать отношения с Римом: в его планы входила только реформация Церкви. Но Рим отказался от уступок. Лютер также стоял на своем. Дверь к единству Запада громко захлопнулась.

Протесты Лютера распространились подобно пожару, раздуваемому бушующим ветром. За реформами, которых он добивался в Германии, вскоре последовали требования от Ульриха Цвингли в Цюрихе, Джона Кальвина в Женеве и сотен других по всей Европе. Питаемая разнообразными политическими, социальными и экономическими факторами, реформация проникла буквально во все углы и щели римской Церкви. Духовный авторитет последней на Западе был значительно ослаблен по мере того, как это грандиозное разделение возникало и разрасталось. Отголоски этого конфликта доходят и до наших

дней.

В дополнение к проблемам на европейском континенте, английская Церковь также оказалась в процессе поиска собственного пути. Генрих VIII, подталкиваемый своими брачными проблемами, заменил папу римского собой в качестве главы Церкви Англии. А сама английская Церковь окажется раздробленной глубокими раздорами, которые повлияют на судьбу Соединенных Штатов и Канады.

По мере того, как десятилетие проходило за десятилетием, многие ветви протестантизма на Западе принимали все более отличающиеся формы. Были даже течения, которые настаивали на том, что они не являются ни римо-католиками, ни протестантами.

Все, кажется, разделяли взаимную неприязнь к епископу Рима и порядкам в его Церкви и все больше и больше желали гораздо менее централизованных форм управления. В то время как некоторые, например, лютеране и англикане, придерживались традиционной литургии и таинств, другие, такие как реформированные церкви и более радикальные анабаптисты и их потомки, подвергали сомнению и отвергали многие библейские реальности, включая иерархию, таинства и исторические традиции (независимо от того, когда и где они возникали), полагая, что тем самым освобождают себя от римского католицизма.

Сегодня многие искренние, открыто исповедующие свою веру христиане готовы отвергнуть даже библейские данные, которые подтверждают деятельность христианской Церкви, просто потому, что они считают такую историческую деятельность «слишком католической». В своем усердии восстановить первоначальную чистоту протестантское учение, само того не осознавая, зашло слишком далеко.

Таким образом, хотя они и сохранили в той или иной степени остатки первоначального христианства, ни протестантизм, ни католицизм не имеют права претендовать на сохранение в истории полноты новозаветной Церкви. Отделившись от православной Церкви, Рим утратил свое место подлинного исторического выражения Церкви Нового Завета. В разногласиях реформации протестанты, при всех своих добрых намерениях, энтузиазме и верной критике, не смогли вернуться в Новозаветную Церковь.

Православная Церковь сегодня

Мы потратили десятилетие с 1977 по 1987 год на знакомство с Православной Церковью – ее духовенством и паствой. Казалось невероятным обнаружить точно такую веру во Христа, к какой мы пришли, но она оказалась надежно внедренной в культурную оправу, о которой мы почти ничего не знали. Временами мы опасались, что, возможно, не сумеем установить связь с православной Церковью в двадцатом столетии. Подъемы и спады, радости и разочарования этого десятилетия описаны в части 3 этой книги.

В части 2 «Православие и Библия» мы рассмотрим специфические библейские проблемы, с которыми мы столкнулись как евангельские христиане, серьезно стремившиеся стать православными. Я расскажу о них так ясно, честно и правдиво, как только смогу. В заключение части 1 позвольте мне сказать несколько ободряющих слов. Церковь Нового Завета, Церковь Петра и Павла и апостолов, православная Церковь, несмотря на гонения, политические притеснения и дезертирство на ее отдельных флангах, чудесным образом сохраняет сегодня веру и жизнь Церкви Нового Завета. Надо признать, что стиль Православия выглядит сложным для современных протестантов, и это вполне естественно. Но, имея исторические данные о развитии Церкви, нетрудно убедиться, что она сохранила простую, сосредоточенную на Христе веру апостолов в своих обрядах, службах и даже в архитектуре.

В православии сегодня, также как и во все прошедшие годы, основы христианского вероучения, богослужения и церковного управления никогда не подвергаются пересмотру. Например, никто не может быть православным священником и отрицать божественность Христа, Его Непорочное Зачатие, Воскресение, Вознесение и Второе Пришествие. В течение двух тысячелетий Церковь не уклонилась со своего пути. Она является Единой, Святой, Соборной и Апостольской. Она – Новозаветная Церковь. Врата адовы, несмотря на многочисленные попытки, не одолели ее.

Хотя сегодня в мире насчитывается более 225 миллионов православных христиан, многие американцы не знают о Церкви. В Северной Америке православная Церковь до недавнего времени была в основном ограничена этническими рамками, не распространялась далеко за пределы приходов православных эмигрантов, принесших Церковь к

берегам этого континента. Православное христианство было, по словам митрополита Филиппа, «самым большим секретом Америки».

Часть вторая: Православие и Библия

5. Слово на букву «п»

Ни для кого не секрет, что при изучении истории Церкви наталкиваешься на одно запретное для многих евангелических протестантов слово. Чтобы немного пояснить вам, о чем идет речь, давайте назовем его словом на букву «П» – Предание.

Вполне можно сказать, что в современном евангелизме развилась традиция отрицания предания. И не без некоторых оснований. История эта восходит еще к реформации. Большая часть того, что люди типа Лютера и Кальвина презирали в римской церкви, существовало под названием Предания.

И мы на пути к православному христианству встречали аргументы Реформации, основанные на противопоставлении Библии и Предания. Поэтому нас беспокоило то, что слово «Предание» так часто употреблялось в самой истории ранней Церкви. Причем для каждого, кто его употреблял, оно было действительно значимым. Мы выступали не против буквального смысла слова «предание»: передача наследия от поколения к поколению. Наши возражения были связаны с неспособностью традиционализма адаптироваться к необходимым изменениям.

Г.К.Честертон определял предание как «предоставление права голоса предкам». Это помогало мне легче дышать. Но опасения все же оставались. Что, если результат голосования будет не в мою пользу? Я решил посмотреть, что говорится на этот счет в Библии.

Две стороны Предания

Никто так строго на относился к Преданию! как Иисус Христос. Одним из самых сильных обвинений в Новом Завете было осуждениенашим Господом Предания в главе 15 Евангелия от Матфея. Посмотрите, как резко обличает Он фарисеев за их апелляцию к Преданию:

Зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего? Ибо Бог заповедал: «почитай отца и мать»; и: «злословящий отца и мать смертью да умрет». А вы говорите: если кто скажет отцу или матери «дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался», тот может и не почитать отца своего и мать свою. Таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим. Лицемеры! Хорошо пророчествовал о вас Исаия, говоря: «Приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут Меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим». ([Мф. 15:3–9](#)).

Эти слова, а также предупреждение апостола Павла Колоссянам: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиєю и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» ([Кол. 2:8](#)), резюмируют решительные библейские призывы остерегаться предания.

Но Новый Завет говорит по этому вопросу и другое. В одной из самых ранних книг Нового Завета апостол Павел выступал в защиту предания. Он писал: «Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом, или посланием нашим» (2 Фессал. 2:15). Вряд ли можно найти более красноречивое одобрение предания, чем это. И затем, через несколько стихов читаем: «Завещаем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас» (2 Фессал. 3:6).

Есть ли здесь противоречие?

Внимательный взгляд на приведенные тексты показывает, что в них идет речь о разных видах преданий. В Евангельском отзыве и отрывке из Послания к Колоссянам рассматривается человеческое предание.

Другими словами, это предание, которое люди изобретают и передают другим так, как будто оно установлено Богом.

Иисус сказал в приведенном месте из Евангелия от Матфея, что человеческое предание порождало лицемерие и даже тщетное

богопочитание. По словам апостола Павла, предание человеческое способно увлечь нас и сделать заложниками мира. Такие вещи, как проводившаяся фарисеями церемония умывания рук, которую Иисус осудил в 15 главе Евангелия от Матфея, и придуманные людьми ограничения в пище и празднества, против которых предупреждается в Послании к Колоссянам, были библейскими примерами человеческих преданий.

Что же можно противопоставить всему этому? Хотите верьте, хотите нет, но – другой род преданий. Божественное предание. Именно такого рода предания повелевал держаться апостол Павел в только что цитировавшемся послании к фессалоникийцам. Давайте посмотрим на него еще раз.

«Итак, братия, – писал апостол, – стойте и держитесь предания, которым вы научены или словом, или посланием нашим». Павел говорит здесь о предании, полученном от него самого и других апостолов. Это и есть «учение Апостолов», о котором идет речь в книге Деяний (2:42), учение об истине со Христом в качестве краеугольного камня, проповедовавшееся Павлом вместе с остальными апостолами.

Обратите внимание, что это апостольское предание имело две формы: оно выражалось «или словом, или посланием нашим». Следовательно, Писание учит нас, что Священное Предание, воспринятое апостолами от Христа, включало как то, что они говорили; посещая церкви, так и то, что они писали и что мы знаем сегодня как новозаветные Послания. Согласно Библии, само Писание является богодухновенной и записанной частью Священного Предания.

Святой Дух является Тем, Кто наставляет Церковь на истину; его называют Духом Истины. Двенадцать апостолов были избраны Иисусом Христом для того, чтобы стать основателями Его Церкви. Он обещал, что через них будет говорить Святой Дух. Часть из того, что Христос и Его апостолы делали и говорили, было изложено в Новом Завете, а часть – нет. Апостол Павел учит нас следовать и тому, что было проповедано устно, и тому, что было записано.

Вы скажете: «Как мы можем делать то, чему учили эти люди, когда сами этого не слышали?» Ответом является то, что Священное Предание, насаждавшееся в Церкви апостолами и их рукоположенными преемниками, передавалось из поколения в поколение и дошло до наших дней.

Вы скажете: «Но как я могу этому верить?» Позвольте мне предложить две причины, по которым я этому поверил. Во-первых,

Господь говорил, что Святой Дух наставит Его Церковь на всякую правду. Либо это так, либо нет. Но именно таково Его обещание. Это не означает, что все, когда-либо сказанное отдельными христианами, является истиной. Даже апостолы могли ошибаться. Например, Павел вынужден был поправить Петра за его нежелание вступать в общение с христианами из язычников, как записано во 2 главе Послания к Галатам. Апостол Иоанн (разумеется, неумышленно) дважды поклонялся ангелам («Откровение») и дважды был ими поправлен! Именно поэтому Церковь созывала соборы, чтобы проверить под водительством Святого Духа то, что было сделано и сказано. Благодарение Богу, Свое обещание вести Церковь через ее историю Он сдержал – хотя случались и трудные времена.

Второй причиной, по которой я верю в то, что Святой Дух вел Церковь и сохранял Ее предание, является тот способ, которым Он дал нам Священное Писание. Писание не только было записано по вдохновению Святого Духа, но его книги были собраны вместе таким же образом.

Ветхий Завет был написан в течение нескольких столетий многочисленными авторами, закончившими свою работу около 400 года до Р.Х. Новый Завет был написан примерно между 55 и 95 годами по Р.Х. Мнение, будто книги Нового Завета собрались вместе без решения Церкви, является вымыслом. Хотя видимое согласие о составе книг Нового Завета существовало на протяжении некоторого времени, окончательный библейский канон был утвержден только после признания его Церковью на Карфагенском соборе, проходившем в 397 году.

В этом и заключается суть дела. Если мы можем верить, что Святой Дух руководил Церковью при выявлении книг, подлежащих включению в канон Писания, мы можем верить и тому, что Он руководил Церковью и на других ее Соборах! И вспомните – как Церковь узнала, какие книги были согласны с верой и поэтому достойны включения в канон? Опираясь на вероучение, переданное через Священное Предание!

Невозможно принимать Писание и отвергать Предание. Они даны нам совместно. Пытаться отделить Библию от Предания значит разделять действия Святого Духа на правильные и неправильные – а это граничит с хулой на Святого Духа.

Позднее предание

Один из трудных моментов на нашем пути был связан с поздними преданиями. Мы знали, что до одиннадцатого столетия Церковь была единой. До этого времени все христиане рассматривали великие Вселенские Соборы как ориентиры для толкования Писания и формулировки содержания своей веры.

Но с отделением Рима от православного христианства произошли драматические изменения. Не будучи более подотчетным полноте исторической Церкви, Рим был теперь свободен учить о вселенскости папской власти и изменил Никейский Символ веры добавлением пункта филиокве. Подобно этому римская церковь могла вводить по своему усмотрению и другие новые догматы и обычаи. Так она и поступала – и, по-видимому, будет поступать дальше.

Протестантские реформаторы не зря нападали на такие нововведения как чистилище, папство и индульгенции. Все они были поздними добавлениями к вероучению, не имевшими никаких корней в апостольском предании. Например, в 1854 году Рим принял догмат о непорочном зачатии Девы Марии.

Согласно этому учению, не только Христос был рожден безгрешным, но также и Мария вошла в мир, избавленная от первородного греха. Глубоко почитая Пресвятую Деву и Матерь Бога нашего, Православная Церковь все же так не учит. Почему бы в таком случае не распространить то же самое на родителей Пресвятой Богородицы и так далее вплоть до Эдема?

В 1870 году, чуть больше ста лет назад, Рим добавил к своей коллекции новых преданий еще один догмат. На этот раз он снова касался Папы. Теперь не только его власть была вселенской, но сам он считался непогрешимым.

Стоит ли удивляться после этого, что протестанты до смерти напуганы преданием!

Об этом трудно говорить. Мои друзья из римо-католиков не любят это слышать, но, тем не менее, я должен это сказать. В 1054 году Рим отступил от апостольского предания. Тысячелетие церковного единства осталось позади. Нет, Рим не во всем был неправ – ни в коем случае. Но он обременен папством и набором догматов, которые просто несовместимы со Священным Преданием. И, на мой взгляд, он не приближается, а уходит

все дальше от православного христианства. Создается впечатление, что растущее число его священников, монахинь и мирян проникнуты духом бунтарства и даже анархии. Такие течения в современном католицизме, как «теология освобождения» в Южной Америке, феминизм и богословский либерализм в Северной Америке и в Европе охватывают всю гамму от непроявленной внешне апатии до непрочного в основании сверхконсерватизма.

Настало время для Рима вернуться к единству Церкви и вере апостолов и святых отцов, которой он когда-то так дорожил. Настало время вернуться к полноте Священного Предания!

Еще более обременено поздним преданием протестантское движение. Если Рим в основном делал добавления к вероучению, то протестанты выбрасывали его части. Пытаясь освободиться от римских излишеств, современные протестанты сильно перестарались в корректировке своего курса. Явившийся результатом этого редуционизм принес большой вред протестантским христианам в их поисках совершенства во Христе и неуклонного следования истинной вере.

Имя «Мария» перестало пользоваться почитанием; святое причастие превратилось в ежеквартальное воспоминание; власть и дисциплина в церкви сохранились лишь в памяти; вероучение стало делом личной интерпретации, постоянно подвергаясь сомнениям. Попробуйте назвать хоть одну протестантскую деноминацию, которая полностью следовала хотя бы учению своих основателей – не говоря уже о приверженности апостольской вере.

В поисках семьи

Мы старались найти свою духовную семью. И многие эмоции, которые мы пережили, и ситуации, с которыми мы столкнулись, похожи на то, что случается с приемными детьми, ищущими своих природных родителей.

У нас есть хорошие друзья в Санта-Барбаре, назовем их Дон и Полли Браунер. Полли – приемная дочь. Когда она родилась в 1948 году, ее мать рассталась с ее отцом и была не в состоянии содержать и растить свою дочь. Поэтому еще до ее рождения было принято соглашение об удочерении девочки христианской семьей, которая уже имела одну дочь, но больше детей иметь не могла.

Полли узнала о том, что она приемная дочь, когда ей было четыре года. Как-то, играя, она без всякой видимой причины спросила: «Мама, а ты моя настоящая мама?» Застигнутая врасплох, мать сказала ей, что нет, но что она не могла бы любить ее больше, если бы и в самом деле была ее матерью.

Начиная с этого времени Полли начала незаметный, но интенсивный поиск. В возрасте тринадцати лет она буквально помешалась на своем удочерении. Это произошло не потому, что она была несчастна или думала, что ее родители поступают плохо, воспитывая ее, она была поглощена мыслью, что где-то в этом мире существуют люди, которые связаны с ней узами родства и могут быть похожи на нее.

Спустя короткое время Полли, роясь в ящике своего приемного отца, нашла документы о ее удочерении. Она просмотрела эти документы и внизу обнаружила подписи своих настоящих родителей. Последнее имя было легко запомнить – слишком легко, ибо никто не знает, как много американцев носят это имя: Смит. Желание Полли найти своих настоящих родителей драматично нарастало все годы до достижения ею двадцатилетнего возраста.

Когда бы она ни выходила на улицу, она всматривалась в лица – лица, которые, она надеялась, окажутся похожими на нее. И если она обнаруживала подходящего, по ее мнению, человека, она останавливала его и начинала расспрашивать. Попадая в чужой город, она искала Смитов в телефонной книге.

В 1968 году Полли встретила Дона, который впоследствии стал ее мужем. Дон заинтересовался раскрытием этой тайны так же, как Полли.

Во время своего первого свидания они посетили Отдел записей в Лос-Анджелесе – городе, где Полли родилась.

Оказалось, что ее данные находятся в закрытом доступе в Сакраменто. Они наведались в госпиталь, где Полли появилась на свет, но также безуспешно.

В середине декабря 1975 года, зная, что ее настоящий отец имел лицензию водителя в Калифорнии, Полли и Дон запросили его имя через компьютер Отдела автомобильного транспорта. Им был выдан адрес в маленьком калифорнийском городке. Они отправились к ближайшему платному телефону, но не обнаружили никого с именем ее отца среди фамилий Смит. После примерно двухдневного изучения данных, они пришли к заключению, что отец Полли финансировал покупку автомобиля через Банк Америки.

Теперь начиналась настоящая бумажная охота. Банк сообщил Полли, что мистер Смит действительно брал заем, но с тех пор переехал в большой город на Среднем Западе. Запрос информации в этом городе не принес результата. Однако, в управлении налоговой службы того же города сообщили, что семья с фамилией Уолкер купила дом у мистера Смита, Поллиного отца, годом раньше. И у налогового инспектора оказался номер телефона миссис Уолкер. Это было в полдень последнего дня 1975 года.

Ярким новогодним утром, когда Браунеры сочли, что на Среднем Западе уже достаточно поздно, они позвонили миссис Уолкер. Вел разговор Дон, к тому времени уже ставший мужем Полли. Когда Дон спросил миссис Уолкер, знает ли она мистера Смита, она ответила, что, разумеется, знает – он ее племянник! Дон стал задавать вопросы, которых оказалось так много, что в конце концов он вынужден был объяснить причину своего любопытства. В ответ миссис Уолкер сказала, что она знает трех детей Смитов, но о четвертом ей ничего не известно. Так Полли впервые узнала, что у нее есть брат и две сестры.

В конце разговора миссис Уолкер предложила Дону позвонить сестре отца Полли, живущей в том же городе, чтобы получить дальнейшую информацию.

Тетка Полли была очень уклончива. Она не поверила ни слову из сказанного Доном и отказалась сообщить о месте нахождения отца Полли и вообще что-либо о нем. Дон умолял, но она повесила трубку. Полли снова оказалась перед каменной стеной. Прошло два часа. Полли наконец убедила Дона позволить ей самой позвонить тетке. Даже после того, как Полли повторила всю историю, подозрения ее тети не рассеялись. В конце концов Полли попросила тетю по крайней мере

передать информацию ее отцу и позволить ему решать, хочет ли он вступить в контакт.

Спустя примерно полтора часа зазвонил телефон. Это был заказной вызов от мистера Смита. Полли проглотила комок в горле и приняла вызов. Во время сорокапятиминутного разговора Полли выяснила, что после ее удочерения ее мать и отец снова на время сошлись, и у них родилось еще двое детей. Мать Полли последние десять лет жила одна в Южной Калифорнии.

Позже телефон снова зазвонил. Это была ее настоящая сестра Бетти. Они разговаривали около двадцати пяти минут. Полли не могла избавиться от мысли, как похоже звучали их голоса. Прошло еще двадцать минут, и раздался третий телефонный звонок. На этот раз это была настоящая мать Полли. К концу разговора Полли, истощенная эмоционально, была в экстазе. Через два дня прибыли первые фотографии. Несмотря на сходство, ни одна из них даже отдаленно не напоминала то, что Полли ожидала увидеть.

Счастливым новым 1976 год! В последовавшие недели и месяцы Полли смогла лично встретиться со своими настоящими родителями, братом и сестрами. Она обрела свою настоящую семью.

Если вы хоть немного похожи на меня или на Полли, вы также находитесь в поисках своей духовной семьи. О, она не будет выглядеть как в первом столетии, когда вы найдете ее, потому что сейчас мы находимся на пороге двадцать первого века. Теперь она, можно сказать, немного старше и, возможно, даже немного мудрее. Но это та же Церковь. Ибо она сохранила предание своего Основателя и Его Апостолов неприкосновенным.

Семейное Предание

Что такое наше Священное Предание? Это «Один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех» ([Еф. 4:5–6](#)). Это та самая драгоценная вера «однажды преданная святым» ([Иуд. 3](#)). Это православное христианство.

В этом месте вы можете сказать: «Отлично, я понимаю, что есть хорошее предание и плохое предание, предание от Бога и человеческое предание. Но вместо того, чтобы употреблять это слово на букву «П», почему мы не можем просто сказать, что мы верим Библии?»

Мы можем. Мы так и говорим. Но мы должны сказать больше. Почему? Потому что «свидетели Иеговы» у ваших дверей также носят Библию и говорят, что верят ей. Предание нужно не только для того, чтобы сохранять Библию, но и чтобы правильно толковать ее. Для толкования, для пролития света Священного Предания на библейские главы и стихи и необходима Церковь, без Нее вы оказываетесь в равном положении со «свидетелями Иеговы» – ваше слово против их.

Церковь, таким образом, является нашим стражем истины. По словам самого апостола Павла, она есть «столп и утверждение истины» ([1Тим. 3:15](#)).

Представьте, что вы едете со скоростью 50 миль в час в зоне, где скорость ограничена тридцатью пятью милями. Это установлено городскими законами. Но кто вас останавливает – свод городских законов? Нет, – полицейский. Ибо те же законы, которые устанавливают предел скорости, обеспечивают город полицией. Полицейский нужен для того, чтобы следить за выполнением законов.

Так же обстоит дело с Библией, Церковью и преданием. Писание истинно – свято, справедливо и хорошо. Но никогда не предполагалось, что оно будет существовать автономно. Его охранителем и истолкователем – а по сути дело и автором – является Церковь. Церковь, кроме того – распространитель Слова. И то, как Церковь осуществляла свою миссию в прошлом и продолжает осуществлять в настоящем, сохранено для нас в Священном Предании. Но даже Церковь создала свое предание не сама. Предание имеет единственный источник: Самого Бога. Сначала Апостолы получили его от Иисуса Христа и передали его, полным и неизменным, основанным ими Церквам. Иисус сказал Апостолам, что им еще предстоит познать Истину, что их наставит на нее Святой Дух.

В день Пятидесятницы ветхозаветный народ Божий, приняв крещение во Христа, стал Его новозаветным народом. По мере того, как Церковь развивалась, ведомая Духом, этот народ приносил в нее свое богослужение, данное ему за много столетий раньше по «образу небесного» (см. [Евр. 9:23](#)), но теперь имеющее своим средоточием Самого Христа. В процессе замены старого новым рождалось христианское богослужение.

И с помощью Святого Духа Церковь рано научилась исправлять свои ошибки. Если возникало заблуждение, Апостолы немедленно принимали меры для восстановления порядка – иногда посредством личных посещений, иногда с помощью посланий, иногда обоими способами. Это само по себе стало традицией и послания, вдохновленные Святым Духом, читались, перечитывались, переписывались и передавались по рукам. Сегодня мы их знаем как новозаветные Послания.

Примерно в то же время Матфей, Марк, Лука и Иоанн по внушению Святого Духа сели за написание для Церкви Евангелия Иисуса Христа. То, что они писали, соответствовало тому, что они проповедовали, поскольку источник был одним и тем же. Письменное слово было получено людьми, верившими устному слову. Все это было единым посланием, единой полнотой истины, единым преданием. Апостолы позаботились о том, чтобы передать его верующим, которые в свою очередь должны были научить ему других.

Таким образом, Библия появилась под водительством Святого Духа и Церкви, являясь совершенно уникальной частью церковного предания, которую Церковь тщательно сохраняла, толковала, защищала и проповедовала. Но из той же Церкви и под руководством того же Святого Духа вышло апостольское Предание, не записанное в Писании, но согласное с ним, которого Писание велит нам держаться.

Не так давно я имел беседу с группой студентов в большой протестантской семинарии, которая известна своими твердыми взглядами на богодухновенность Библии, но придерживается некоторых вероучительных догматов, чуждых даже остальному протестантизму. Казалось, они так бдительно охраняли богодухновенность Писания, что оставили без внимания его толкование и потерпели неудачу в следовании своим догматическим новшествами. Они не только уклонились от Священного предания, но даже относились к нему с презрением.

В заключение я сказал: «Послушайте, вы, братья, имеете истинную Библию. С этим никто не спорит. И вы служите истинному Спасителю. Иисус Христос – наш Господь. Что вам недостает – это истинной Церкви,

той семьи неразделенного христианства, которая сохранила веру и богослужения Апостолов и их последователей».

Именно к этой Православной Церкви, сохранившей ценой своей крови Священное Предание неизменным в течение двадцати столетий, мы в конце концов пришли. На это ушло десятилетие, но, благодарение Богу, Церковь по-прежнему на месте. В Ее стенах находятся сокровища апостольской веры, надежно сохранявшиеся в течение столетий Святым Духом, который живет в Церкви и постоянно обновляет ее.

6. Почему наше богослужение является литургическим

Как-то незадолго до рассвета я проснулся и не мог больше заснуть. Накануне я размышлял над каким-то местом из книги Деяний, поэтому на этот раз я выбрал чтение Библии.

Когда я занимаюсь разбором какого-то конкретного места в Библии или готовлюсь к проповеди, я пользуюсь новым вариантом короля Иакова, но в случаях, подобных этому ночному, я обычно выбираю другую версию, чтобы взглянуть на более знакомый текст, той ночью я выбрал Новую Американскую Библию – довольно непринуждённый перевод, сделанный под покровительством римско-католической церкви.

Литургическое богослужение в Писании

Я продвигался через книгу Деяний и дошёл до главы 13, которая открывается рассказом о церкви в Антиохии, когда они послали Павла и Варнаву. И тут я дошёл до второго стиха: «Однажды, когда они служили Божественную Литургию и постились, Дух Святой сказал...» *«Запомним это, – подумал я. – Всем известно, что в основном тексте сказано: «служили Господу и постились». В то время, которое описывается в главе 13 Деяний, ещё не могло быть литургии».*

Поэтому я достал с соседней с моим столом книжной полки греческий оригинал Нового Завета. Там в Деяниях 13:2 черным по белому было написано: *leitourgounton*. не нужно даже знать греческий, чтобы понять значение этого слова! Литургия была в 13 главе Деяний! Именно протестанты исказили перевод.

Согласно Новому Завету, литургия существовала в Антиохии, домашней церкви апостола Павла, до 50 года. Это явно противоречит теории, согласно которой литургия проникла в Церковь после того, как люди утратили способность непринуждённого богообщения под предводительством Святого Духа. На самом же деле в книге Деяний вы не только находите указание на литургическую форму богослужения, но и видите Святого Духа, говорящего к Церкви во время литургии. Я вспомнил о своих прежних проповедях. Да, многих придётся разворачивать обратно.

Приведённый отрывок подаёт большую надежду тем из нас, кто борется с боязнью «мёртвой литургии». В действительности литургия не может быть мёртвой. Литургия либо истинна, либо ложна. Это люди бывают мёртвыми или живыми. Я назову вам заветную мечту православного христианства: энергичные, духовные люди, сослужащие Богу в истинной литургии! ничто не может этого заменить. Именно это имел в виду Иисус, когда сказал женщине у колодца, что Отец ищет поклонников, которые поклонялись бы Ему «в духе и истине» ([Ин. 4:24](#)).

Эта ночь побудила меня начать совершенно новое изучение богослужения в Библии. К этому этапу нашего путешествия ни для меня, ни для моих коллег не было секретом, что все ранние источники: «Дидахэ», Иустин Мученик, Ипполит, – говорили о литургическом характере богослужения новозаветной Церкви. Но теперь глагольная форма греческого существительного *leitourgia* оказалась присутствующей

в самом Новом Завете. Где корни этого явления?

Мои мысли перенеслись к тому месту в Послании апостола Павла к Евреям, где говорится, что Бог повелел Своему народу совершать богослужение отнюдь не по собственному усмотрению. Бог указал конкретную форму, которую народ соблюдал, так что богослужение действительно совершалось по образу небесного.

Образ небесного богослужения

Это вызвало следующий вопрос: как совершается богослужение на небесах? первым отрывком пришедшим в голову, была 4 глава откровения, где апостол Иоанн наблюдает небесное богослужение в своём видении: окружённый радугой престол, двадцать четыре старца, облачённых в белые одежды и золотые венцы, семь огненных светильников и всё остальное. «Не очень-то похоже на протестантский евангелизм, – пробормотал я сам себе. – Но должно быть что-то более раннее, например, в Ветхом Завете, где повествуется о ком-либо видевшем небеса, скажем, Иезекииле, Илии или Исаии. Вот оно! Исаия. Исаия, глава 6. Если в Ветхом Завете литургия формировалась по образу небесного богослужения, то описанное в 6 главе книги пророка Исаии, несомненно, может служить прототипом».

На мой взгляд, самый доступный способ передать смысловое содержание 6 главы книги Исаии – это выделить отрывки с прямой речью, – и именно в таком виде я приведу вам этот текст. Описываемое событие произошло «в год царя Озии», около 700 лет до Р.Х. в описании Исаии зафиксированы с замечательной подробностью и точностью все его впечатления. И то, что он записал, не только напоминало богослужение в древней скинии, что вполне понятно, но и оказалось невероятно похожим на историческое богослужение христианской Церкви. Не пожалейте немного времени и прочитайте это короткое описание медленно и вдумчиво.

В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы: у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И зывали они друг ко другу и говорили:

Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!

Вся земля полна Славы Его!

И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом наполнился курениями. И сказал я:

Горе мне! Погиб я!

Ибо я человек с нечистыми устами,

И живу среди народа, также, с нечистыми устами, –

И глаза мои видели Царя,

Господа Саваофа.

Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал:

Вот, это коснулось уст твоих,

И беззаконие твое удалено от тебя,

И грех твой очищен. И услышал я голос Господа, говорящего:

Кого мне послать? И кто пойдёт для Нас?

И я сказал: вот я, пошли меня (Исаия, 6:1–8)

Что бы вы сказали, если бы воскресное богослужение имело бы такую же силу? На самом деле, оно её имеет! Давайте посмотрим на элементы, детали свидетельства Исаии – очевидца небесной литургии – и увидим, как она воздействовала на него через чувства и через его понимание пророчества.

Видение

Что видел Исаия? В первую очередь, он видел «Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм». Под Господом в этом отрывке имеется ввиду Вечный Сын Божий. Апостол Иоанн в своем Евангелии цитировал пророчество Исаии о Христе и ссылался на увиденное Исаией на небесах, когда писал: «Сие сказал Исаия, когда видел славу Его и говорил о Нем» ([Ин. 12:41](#)).

Позвольте спросить: возникало у вас когда-нибудь желание увидеть Иисуса Христа? Я имею в виду, увидеть Его так, как вы видите других людей? Я помню, что в моем детстве, а позднее и в юности был период, когда мне казалось, что верить было бы намного легче, если бы я смог хотя бы однажды увидеть Господа.

В конечном итоге верные увидят Его лицом к лицу. И мы призваны ходить верою, а не видением. Но Исаия сподобился Его увидеть, также как евангельские личности, знавшие Его, и так же, как Стефан, и Павел, и Иоанн, видевшие Его даже после вознесения. Но как насчет нас с вами?

Очевидно, что Церковь с древности давала своему народу возможность видения Господа, если хотите, своего рода вспомогательные средства. В своей классической книге «Форма литургии» Грегори Дикс рассказывает, как раннехристианских домашних церквях в Риме, когда Верующие собирались на богослужение, мрачные портреты предков снимались со стен. Они «заменялись мозаиками с изображениями выдающихся деятелей Ветхого Завета и христианских святых» (стр. 27).

Затем, когда прекратились гонения и церковные собрания из домов добровольцев переместились в специальные здания, символы и изображения стали ещё более смелыми. Так, позади алтаря почти в каждой церкви находилось, согласно Диксу, «изображение, сконцентрированное на фигуре Сына, служившей «точным образом» Отца» (стр.32). В церквях Востока это было изображение или икона Христа Пантократора, Владыки всех. На Западе это был Христос как Агнец Божий, наш Искупитель.

Таким образом, вы могли видеть Христа во время богослужения. Вместо того чтобы выставлять перед людьми голые стены, или деревянные панели, или растительный орнамент, Церковь в течение всей истории мудро представляла взору молящихся иконы Господа Иисуса Христа и Его

мучеников. Эти образы, эти окна в небеса дают возможность молящимся Богу увидеть глазами веры, средствами краски Сам Первообраз.

Иногда возражают: «Но разве вторая заповедь из 20 главы книги Исход не запрещает изображения?» Она запрещает ложные изображения – идолы – но не изображения как таковые. Ибо если бы подобающие изображения были запрещены, то почему всего семью главами ниже, в книге Исход 26:1, Бог повелевает: «Скинию же сделай из десяти покрывал крученого виссона и из голубой, пурпуровой и червленной шерсти, и херувимов сделай на них искусною работою»?

Томас Ховард говорил, что божественная литургия – это самое грандиозное средство общения всех времен. И это даже больше, чем средство общения, ибо мы участвуем в нем. Мы воспринимаем богослужение всеми пятью органами чувств и, вдобавок, верою. Согласно Дароти Сейерс мы не можем мыслить иначе, как в образах. В данном случае мы снова должны сосредоточить свое внимание на образе Христа и церковь исторически осуществляла такое сосредоточение через использование икон в Своем богослужении.

Однако Исаия видел не только Сына Божия. В его видение был престол, Серафимы, двери в небесное святилище.

Откровенно говоря, я многие годы считал жертвенники вещь «ветхозаветной» и для нас ненужной, так как жертва Христа была принесена один раз и навсегда. Но опять-таки, они присутствуют во всей древней Церкви. Знали ли ранние христиане что-то, чего мы не знаем? Часто, когда богослужения проходили в катакомбах, жертвенниками служили гробницы усопших христиан. В домашних церквях жертвенник, в основном, находился в помещении, которое в течение недели использовалось как столовая.

В Послании к Евреям прямо говорится: «Мы имеем жертвенник» ([Евр. 13:10](#)). Конечно, жертва Христа все исчерпывает, мы ничего не можем к ней добавить. Для ранних христиан жертвенник символизировал крест. Он больше не был местом для жертвоприношения в виде крови быков и козлов, но теперь он являл реальность креста Христова, на котором Он дал нам навечно Свое распятое Тело и пролитую Кровь. И это так по сей день. Именно с Его жертвенника нам подаются Его Святые Дары: Его Тело и Кровь, В великом пиршестве благодарения.

Слышание

В тот день своего пребывания на небесах Исаия не только видел, но и слышал. Услышанный им ангельский гимн «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф», стал библейской основой Санктуса, или, в восточной терминологии, Трисвятой песни. Она пелась на земле в течение веков так же, как она исполняется на небесах в течение, по-видимому, всей вечности.

В пору моего детства одним из знаменитых руководителей джазовых групп в Америке был Гай Ломбардо. Его лозунг был известен так же хорошо, как он сам: «Сладчайшая музыка по эту сторону небес». Мне неизвестны религиозные убеждения Ломбардо, но можно с уверенностью сказать, что даже в современном мире люди каким-то образом знают, что вершины музыкального творчества должны иметь небесное происхождение. И именно небесную музыку слышал Исаия.

Если прообразом наших земных хоров являются, по-видимому, певцы ветхозаветного храма, то ангельские хоры, очевидно, пребывают на небесах. Во время богослужения ангельские хоры поют вместе с нами. Задачей же наших земных хоров является не замена пения молящихся, а усиление его высшим уровнем красоты хорового пения. И поэтому, когда священник во время так называемого Великого Входа выходит из дверей алтаря и идёт среди молящихся, неся подлежащие скорому освящению хлеб и вино, хор поёт:

Иже херувимы тайно образующее
И животворящей Троице
Трисвятую песнь припевающе,
Всякое ныне житейское отложим попечение,
Яко да Царя всех подыдем,
Ангельскими невидимо дориносима чинми.
Аллилуия, Аллилуия, Аллилуия.

Одна из вещей, которая приносит мне наибольшее удовлетворение в поклонении Богу через участие в испытанной временем литургии Церкви, – это то, что многие места из Библии, которым я раньше не придавал значения, оказываются вызванными к жизни. Получается так, как будто действие небесного богослужения разворачиваются в моем городе и в христианской общине, к которой я принадлежу. Поскольку литургия есть восшествие народа Божьего к Его небесному престолу, не только Христос

реально присутствует с нами, но и мы реально присутствуем с Ним, по словам писания, на небесах.

Дело в том, что существует лишь одна Божественная Литургия, одно Священное Причастие во всей вселенной, ибо оно одно на Небе. Мы, собирающиеся как Церковь здесь на земле, призваны объединиться и сослужить небесному воинству. И для осуществления этой цели мы прикладываем большие усилия в своем богослужении, чтобы сделать его соответствующим, – а не противоречащим, – богослужению, совершаемому перед престолом Божиим. Или, говоря словами молитвы Господней, мы хотим быть уверены, что в своём богослужении мы выполняем волю нашего Бога «на земле, как и на небе».

Почему большинство современных протестантских течений – традиционных, евангелических и харизматических, – отошло от той исторической формы христианского богослужения? Для ответа позвольте ввести новое слово – «Римофобия». Сколько раз вам приходилось слышать, как люди отвергают литургию под предлогом, что «она слишком католическая»? Пусть так, ну и что из этого! Разве вопрос в том, совершает её Рим или нет? Настало время для всех нас вернуться к Библии. А Библия учит, что богослужения является литургическим – и на небе, и на земле. Один мой друг, православный священник, никогда в жизни не был на службе в евангелической церкви. Поскольку он занят в воскресенье по утрам, то решил посетить местную евангелическую церковь в воскресный вечер. «Каковы ваши впечатления, – спросил я его. – Что вы думаете?»

– Проповедь была, действительно, хорошей, – ответил он. – Пастор грамотно обращался с текстом, и я чувствовал, что он изъясняет Евангелие достаточно чётко. Я был впечатлён.

Он сделал минутную паузу, стараясь сформулировать другие впечатления. После пары неудачных попыток он наконец взволнованно сказал: «Но остальная часть службы была похожа... я бы назвал её шоу Лоренса Велка в христианизированном варианте».

Он начал описывать все специальные музыкальные номера, хоровую аранжировку, и слова этих песен, сконцентрированных скорее на нас, на удовлетворении наших потребностей, чем на Триедином Боге, перед Которым мы должны смиренно преклониться. Мы утратили подлинное богослужение в современном христианстве, и должны по милости Божией вернуть его обратно!

Прикосновение

«И коснулся уст моих», – сказал Исаия о Серафиме, который принес ему горящий уголь с жертвенника. Пророк видел нечто, слышал нечто, и теперь он чувствовал нечто. С небесного жертвенника был взят клещами горящий уголь и поднесен Серафимом к губам Исаии. Что означало это действие?

После то, как Исаия увидел Господа и услышал гимн воспевавших Его ангелов, пророк произнес наиболее естественные в данной ситуации слова: «Горе мне! Погиб я!» Такую реакцию один детский психолог называл «чувством ох-ох», которое он описал как чувство ребенка, пойманного с поличным на шалости и говорящего себе «ох-ох» при виде приближающегося отца.

Мы с вами почувствовали бы то же, что Исаия. Он являлся гражданином Израиля в то время, когда Господь был сильно разочарован Своим избранным народом из-за его непослушания и недостатка веры. Мы читаем всего одной главой раньше (Исаия, 5), что Бог ожидал от Своего виноградника «добрые гроздья, а не принес дикие ягоды». «Оставляю его в запустении», – предупреждает он в шестом стихе. Исаия сознавал, что эти слова относятся и к нему.

И вдруг теперь он обнаруживает себя вознесенным на небо пред лицом Господа Славы! «Края риз Его наполнили весь храм». Ангелы пели так громко, что «поколебались верхи врат». Посмотрите на реакцию Исаии:

Горе мне! Погиб я!

Ибо я человек с нечистыми устами,

И живу среди народа, также,

с нечистыми устами, –

И глаза мои видели Царя, Господа Саваофа (Исаия 6:5).

Он стоял перед всемогущим Сыном Божиим, исповедуя нечистоту своих уст и жизнь среди нечистых людей. Что породило эту убежденность в грехе? «Глаза мои видели Царя...» Когда любой из нас видит Христа, мы ощущаем себя оторванными от Него или, по словам Библии, погибшими, поскольку при этом наш грех становится виден наиболее ярко. Это и есть «чувство ох-ох», возведенное в высочайшую степень.

Итак, что же произошло? То, что происходит всякий раз, когда наши грехи изложены перед Сыном Божиим. Ангел взял горящий уголь – символ

святого причастия – с жертвенника, коснулся им уст Исаии и провозгласил перед всем небом: «Вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен».

Разве это не похоже на Сына Божия – не только снять грех, но очистить или удалить его от нас, «как далеко восток от запада» (Псалом 102:12). «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки тот же» ([Евр. 13:8](#)). Он сделает то же самое для нас, когда мы исповедуем свои грехи и получим Его дар с сегодняшнего жертвенника. Видите, как уголь учит нас могуществу святого причастия? Именно поэтому от столетий назад до наших дней, когда священник Православной Церкви принимает Тело и Кровь Христа с жертвенника, его исповеданием служит точное повторение слов божественного Исаии: «Се прикоснуся устнам моим, и отымет беззакония моя, и грехи моя очистит». Мы, которые жили в отделении от богослужения и причастия Христа, нуждаемся в Его святом прикосновении. Можно ходить в ту или другую церковь, искать учения того или иного проповедника, тот или иной духовный опыт. Но дело в том, что вы никогда не найдете настоящего богослужения, божественного богослужения, нигде, вне жизнеподающей благодати Христа в его святой Евхаристии. Я и тысячи других это знаем. Мы это пробовали. Но все наши поиски заканчивались неудачей.

Псалмопевец сказал: «Вкусите и увидите, как благ Господь! Блажен человек, который уповает на Него!» (Псалом 33:9). На Его священной трапезе нам дано вкусить, увидеть и поверить.

Исаия испытал прикосновение горящего угля Божественного прощения, лично, т.е. душой и плотью, ощутив Его благодать. И тот же исцеляющий наши грехи уголь подается с этого Божественного жертвенника по сей день. Так давайте подойдем смело, с верой и любовью, и приблизимся к Его престолу милосердия.

Запах

Когда Исаия попал в небесный храм, пришло в действие еще одно его чувство. Он ощутил какой-то запах, ибо «дом наполнился курениями».

Я помню так живо, будто это было вчера, как я вошел в алтарь православной церкви Святых Отцов в Тарзане, Калифорния, и почувствовал в первый раз еще сохранившийся запах ладана, использовавшегося несколькими часами раньше во время отпевания. Я был оскорблен. «Я собираюсь принять православное вероисповедание, – сказал я себе (на самом деле я его уже принял) – но они никогда не усилят меня, использующим ладан».

Два месяца спустя я снова оказался на богослужении в церкви Святых Отцов и, естественно, вновь ощутил аромат ладана. На этот раз он показался довольно приятным, поскольку вызвал воспоминания о других вещах, понравившихся мне во время предыдущего посещения. На следующий день я обратился мыслями к Писанию. Израиль использовал ладан в своем богослужении. Мы постоянно читаем о жертвеннике с ладаном или фимиамом, от которого восходил дым, символизирующий молитвы святых. Исаия в своем небесном видении Христа и Его ангелов наблюдал Господа, «сидящего на престоле высоком и превознесенном... и дом наполнялся курениями». Ладан был одним из трех даров, принесенных младенцу Иисусу волхвами. Глава 8 книги «Откровение» говорит нам о фимиаме в вечных небесах. Почему же не использовать его теперь? Помню, тогда я осознал, что именно современные протестанты были исключением, а не правилом. Остальная часть христианского мира использовала ладан в богослужении в течении двух тысяч лет!

Но потом пришла мысль: «А так ли уж все это важно? Стоит ли делать ладан предметом спора? Нужно ли на нем настаивать?»

Несколько лет назад я собирался съездить в Миннеаполис, перевезти свою тещу Ольгу Гриндер на Западное побережье, чтобы она жила около нас в Санта-Барбаре. Ей было семьдесят десять лет и мы решили, с ее согласия, что ей не стоит жить еще одну зиму в Миннесоте, тем более одной. Я должен был поехать туда, помочь ей упаковать вещи, выставить дом на продажу и проводить ее на Запад.

Питер Джон, самый младший из шести моих детей, которому было тогда одиннадцать, просил взять его с собой. «Питер Джон, сейчас середина учебного года, – возразил Мэрилин. – и, кроме того, это довольно

дорогое путешествие».

– Я наверстаю школьную программу – я даже возьму с собой домашнее задание, – ответил П. Джон – И оплачу часть стоимости билета из своих сбережений.

Нас с женой это не убедило и мы отрицательно покачали головами, пока не услышали следующее предположение, оказавшееся решающим доводом.

– Папа, мама, все остальные дети были старше, когда мы последний раз навещали бабушку. Они все помнят, а я нет. Она продаст дом и я проживу всю жизнь, не помня, как выглядел бабушкин дом.

Я позвонил транспортному агенту и заказал два места вместо одного.

Время нашего путешествия к бабушке пришлось на конец октября. Это была поздняя пора живописного осеннего сезона. В первый вечер нашего пребывания в Миннесоту мы сидели втроем в уютной комнате за ужином, доставленным из китайского ресторана. Питер Джон расположился на кушетке перед телевизором.

– Ты помнишь что-нибудь о бабушкином доме? – спросил я.

– Да, две вещи, – ответил он сразу, как будто ожидал этого вопроса. – Я помню обои в этой комнате. Когда я был здесь в последний раз, маленькая девочка, которая жила через дорогу, столкнула меня со своих качелей и я поранил колено. Бабушка принесла меня домой и положила сюда, на кушетку, и я помню, как весь день смотрел на эти обои.

– А другая вещь? – спросил я.

– Запах, – сказал он и засмеялся над своими словами. – Вы можете счесть это моей фантазией, но бабушкины дома всегда имеют особый запах.

У нас с Ольгой выступили на глазах слезы. Разумеется, все бабушкины дома имеют особенный запах. Так же, как дома Бога. Скиния имела свой запах, его имели храм, небеса, и у Церкви есть свой запах. Это запах ладана, который как бы возвышает наше чувство обоняния в течение богослужения, символизируя «благоухание духовное», т.е. некий таинственный аромат Небесного Царства.

Лично мне запах помогает сосредоточиться во время богослужения. И теперь, в ту минуту, когда я вхожу в Церковь, ощущение запаха извещает мой мозг о том, для чего я сюда пришел: поклониться Отцу, Сыну и Святому Духу и помолиться. Так стоит ли пренебрегать ладаном?

Пусть Сам Бог ответить на этот вопрос словами пророка Малахии:

Ибо от востока Солнца

Велико будет имя Мое между народами,

И на всяком месте будут
приносить фимиам имени Моему,
Чистую жертву; Велико будет имя Мое
между народами,
Говорит Господь Саваоф ([Мал. 1:11](#)).

Писание говорит нам, что с наступлением Церковной эры, когда евангельское благовестие будет распространяться среди иноверных народов, повсеместно будет совершаться приношение фимиама. В богослужении Православной Церкви ладан приходит вместе с ней в каждую местность и там, где он отсутствует, богослужению недостает части Божественного откровения.

Богослужение как миссия

В последовательности того дня, когда Исаия видел, слышал, осязал и обонял небесное богослужение, был заключительный момент. Он состоял в том, что Исаия сделал нечто. Когда его грехи были очищены, Исаия был спрошен Господом. Наблюдая плачевное состояние дел в Израиле, Господь искал пророка, который призвал бы его вернуться на путь истинный. «Кого Мне послать? И кто пойдет для Нас?» (Здесь «Нас» является замечательным ветхозаветным упоминанием Святой Троицы).

Исаия тут же ответил: «Вот я, пошли меня».

Не все мы призваны быть пророками Божьими («Все ли пророки» [1Кор. 12:29](#)) и, конечно, литургия, хотя по сути и та же, редко бывает столь драматична. Но что несомненно – все мы, кто поклоняется Богу, призваны свободно и твердо сказать «Да» Христу, что бы Он ни попросил нас сделать.

Именно поэтому во время Божественной литургии в конце некоторых ектений священник или диакон призывает молящихся: «Сами себя и друг друга и всю жизнь нашу Христу Богу предадим». Насколько значительную часть себя мы должны отдать Господу? Всю нашу жизнь. Это и есть наш утвердительный ответ Ему.

Так давайте никогда не уходить с литургии, не предав вновь наши жизни Иисусу Христу с тем, чтобы быть Его слугами, Его посланниками в мире, в который мы идем.

7. Не называйте никого отцом

Прошло уже несколько десятилетий с тех пор, как Бинг Кроссби воплотил на киноэкране образ, за который он пользуется в Америке любовью по сей день – отца О’Малли. В нашем доме в течение многих лет мы с Мерилин берем детей и засиживаемся допоздна, чтобы посмотреть по телевизору рождественский повтор этого фильма. Несколько раньше в этом веке один из выдающихся гуманистов нашего времени, отец Фланаган, основал Молодежный Город в Небраске. Это учреждение стало известным на всю страну, приютом для бездомных молодых людей. Мать Тереза, заботящаяся о бедных и обездоленных в Индии, является во многих отношениях его современным «двойником».

Но как мы должны относиться к этим титулам? Мы восхищаемся делом и личностью таких людей, но разве Библия не запрещает называть кого-либо из людей отцом?

Будучи раньше радикальным протестантом, я называл священника отцом только в случае абсолютной необходимости – иногда про себя молитвенно прося Господа простить меня. И теперь, когда я сам священник, я вижу такие же колебания у других. Это была одна из проблем, с которой мы боролись на пути к Православию.

Некоторые утверждения, сделанные Иисусом Христом, часто оказывались поводом для больших разногласий, как внутри, так и вне Церкви. Его слова из Евангелия от Матфея: «И отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах» ([Мф. 23:9](#)), – не оказались исключением. Я должен признаться, что для нас, евангелических христиан, составляло большую трудность звать настоятелей православных приходов отцами.

Проблема интерпретации

Некоторые протестантские интерпретаторы уверены, что Иисус указывал на недопустимость именования церковных руководителей отцами. Разумеется, они считают, что под «отцами» в данном месте Писания имеется в виду духовный отец. Исходя из этого, они отказываются называть свое духовенство отцами, предпочитая такие наименования, как пастор, преподобный или даже брат.

Поэтому вначале позвольте отметить, что «духовный отец» – это скорее толкование слов Господа, нежели то, что Он в действительности имел в виду. Я не отрицаю необходимости толкования Писания. Я лишь хочу подчеркнуть, что Господь сказал «отец», а не «духовный отец».

Что здесь является предметом спора? То, что, понятое буквально, предупреждение Иисуса против именования кого-либо отцом оказывается, не только запрещает именовать священников отцами, но также лишает этого названия земных отцов, древних отцов Церкви, и даже отцов города – не так ли? Ибо в действительности утверждение Господа, как оно выглядит в тексте, означает, что только одна Личность может когда-либо именоваться Отцом, а именно, наш Отец, Сущий на небесах.

Но должны ли слова Господа пониматься буквально, как это обычно делается? Действительно ли мы не можем называть православных священников отцами? Если же это так, то сразу возникает проблема с несколькими другими библейскими местами, включая некоторые высказывания Апостола Павла. Коринфской церкви Апостол писал: «Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе» ([1Кор. 4:15](#)). Не называет ли себя Павел духовным отцом коринфян – «отцом Павлом», если хотите?

Кроме того, он смело ссылается на своих духовных предков как на наших «отцов». А к отцам по плоти из Колосса он обращается следующим образом: «Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали» ([Кол. 3:21](#)). Очевидно, что Апостол Павел не понимал слова Господа Иисуса Христа так, что отцом должно называть только небесного Отца.

Можно также вспомнить, что когда богач увидел на небесах «Авраама и Лазаря на ложе его» и обратился к Аврааму: «отче Аврааме!», тот не ответил «Разве ты не знаешь, что только бог Отец может быть назван Отцом?» Наоборот, он сказал: «Чадо! Вспомни» ([Лк. 16:20–31](#)).

Другие титулы

Но давайте посмотрим дальше. В добавление к словам «один у вас Отец», Иисус также провозгласил: «Не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос» ([Мф. 23:8](#)). Однако, Иисус Христос Сам признал Никодима «учителем Израилевым» ([Ин. 3:10](#)). И в антиохийской церкви определенные люди назывались «пророками и учителями» ([Деян. 13:1](#)).

Апостол Павел не только считал учителей дарами Божиими Церкви, но и, не колеблясь, называл самого себя «учителем язычников» ([1Тим. 2:7](#)). Кроме того, в настоящее время большинство из нас называли некоторых людей учителями воскресной школы. В семинарии, одной из высочайших рекомендаций, которой мог удостоиться проповедник семинарской церкви – это быть представленным в качестве одаренного учителя Библии. Таким образом, данная дискуссия выходит далеко за пределы любой протестантско-католической полемики.

Следовательно, говоря, что мы не должны звать отцом и учителем никого, кроме Бога Отца и Самого Христа, Господь Иисус не имел ввиду обсуждать проблему использования данных форм обращения как таковых. Ключ для искомого толкования дает нам контекст упомянутого отрывка.

В стихе со словами «отцом ... не называйте никого на земле» наш Господь обличает некоторых современных Ему фарисейских учителей, которые использовали эти специальные обращения для достижения собственных целей. И если бы эти вероотступнические учителя использовали другие титулы, вроде преподобного или пастора, Иисус, мне кажется, сказал бы также: «Не называйте никого преподобными или пасторами».

Что имели в виду фарисейские учителя?

Так для каких же целей фарисеи использовали титулы «отец» и «учитель»? Ответ следует искать, по крайней мере, в двух областях, ключевых для власти: учительстве и личных качествах.

Рассмотрим сначала учение этих фарисейских учителей. Они начали его с правильных положений, с Закона Моисея. Иисус сказал: «На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи» ([Мф. 23:2](#)). Моисеев Закон был подлинным преданием. Бог дал его Израилю через Моисея. Обязанностью фарисейских учителей было сохранить это предание и передать его в неизменном виде следующему поколению.

Слишком часто, однако, случалось, что тот или иной учитель добавлял крупицу собственной мудрости к подлинному преданию, тем самым замутняя его. Вместо того чтобы передать от поколения к поколению этот священный залог вместе с его подлинным истолкованием, такой учитель добавлял личную интерпретацию. В свою очередь его ученики, став сами учителями и подражая наставнику, делали то же самое. И Божественное предание в очередной раз превращалось в предание человеческое. (Некоторые вещи никогда не изменяются, не так ли!)

Конечным результатом всего этого процесса было сведение на нет подлинного Моисеева предания. Именно этим фарисейским учителям Иисус говорил: «Ибо вы, оставивши заповедь Божию, держитесь предания человеческого» ([Мк. 7:8](#)). И затем: «Хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание... устраняя слово. Божие преданием вашим, которое вы установили» ([Мк. 7:9,13](#)).

Для того чтобы покончить с этим человеческим преданием, вытеснившим предание Моисея, и вернуть людей к истине, Иисус сказал своим ученикам: «А вы не называйтесь учителями». Другими словами, он повелевал им не использовать свое положение отцов и учителей как возможность для группировки последователей вокруг своих частных мнений. Ибо поступать таким образом означало «затворять Царство Небесное человекам».

Вместо этого с приходом Христа эти фарисейские учителя – а на самом деле все, кто бы ни проповедовал Слово Божие, – призваны были верно передавать своим последователям подлинное предание только одного Учителя: Самого Христа. Библия называет это конкретное предание, словами Апостола Иоанна, «учением Христовым».

В действительности, как мы отмечали раньше, именно поэтому учение Двенадцати стало известно как «апостольское учение».

С их времени сменяющие друг друга поколения отцов и учителей Церкви передавали и охраняли апостольское учение о Христе со всей тщательностью, ибо оно представляет подлинное толкование Священного Писания.

Эту верность подлинному христианскому вероучению, кстати сказать, можно лучше всего увидеть в деятельности Семи Вселенских Соборов Церкви, созывавшихся между четвертым и восьмым веками. Каждому, кто объявляет себя учителем христианской веры, надлежит точно придерживаться Апостольского учения, переданного от поколения к поколению посредством этих Соборов. В противном случае он подвергается риску введения своего собственного «частного мнения».

Так же как справедливо, что всем учителям христианской веры необходимо выбрать правильную отправную точку, а именно, Священное Писание, правда и то, что они должны дать правильное и точное истолкование Священного Писания, основанное на учении, переданном святыми и божественными учителями и отцами Церкви, особенно на Семи соборах.

Почему Семь Вселенских Соборов так важны? Потому, что они указывают на подлинное учение о Личности Господа Иисуса Христа и о Святой Троице. Они верно отражают учение Священного Писания о единственном истинном Учителе и Наставнике, Иисусе Христе. Учителя и отцы, которые предлагают частные толкования, противоречащие учению о Христе, изложенном на Семи Вселенских Соборах, не должны, по-моему, признаваться истинными учителями и отцами.

Личные качества учителей

Вторым важным моментом в руководстве фарисейских учителей, беспокоившим Иисуса, был личный характер. Он заметил главный недостаток в характере книжников и фарисеев, который можно назвать самовозвышением. Они использовали свое положение отцов и учителей среди народа Божьего для того, чтобы возвышать самих себя. Они хотели быть уверенными в том, что получают соответствующее признание – офис с коврами и примыкающей сауной, и серебристый четырехдверный «Бьюик». Видя эти личностные недостатки, Иисус сказал: «большой из вас да будет вам слуга; ибо кто возвышает себя, тот унижен будет; а кто унижает себя, тот возвысится» ([Мф. 23:11–12](#)).

Их дух самовозвышения проявлялся в нескольких аспектах. Во-первых, в лицемерии. «Ибо они говорят, – сказал Иисус, – и не делают». Много слов и мало дела. Их слова мало стоили, так как полностью противоречили их поведению. Они хвалились долгими молитвами и при этом «поядали дома вдовиц».

Они предпочитали клясться храмовым золотом, нежели самим храмом, освящающим золото, обнаруживая тем самым свою скрытую любовь к деньгам. Хотя они и платили десятину с мяты, аниса и тмина, что делали охотно, но пренебрегали гораздо более важным в законе: судом, милостью и верой.

Поскольку они были лицемерами в этом и многом другом, Господь подытожил Свое обличение словами: «Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония» ([Мф. 23:28](#)). Очевидно, их «внутреннее» не соответствовало их «внешнему», потому что они были полны духа самовозвышения и эгоизма.

Другим проявлением их духа самовозвышения была явная недостаточность собственного реального служения. «Связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их» ([Мф. 23:4](#)). Нельзя было обнаружить грязи у них под ногами, или пятен на их одеждах. Они просто были группой обленившихся руководителей, которые ожидали услужения от других, вместо того, чтобы служить самим. Неудивительно поэтому, что Иисус велел не уподобляться им, ибо «большой из вас да будет вам слугам» ([Мф. 23:11](#)).

Третьим проявлением их духа самовозвышения была

самовлюбленность, выражавшаяся в желании быть на виду у людей. Она проявилась также в их любви к председательству на пиршествах и в синагогах и приветствиям в народных собраниях, так, чтобы люди звали их при этом «учитель! учитель!» Такая самовлюбленность была прямым нарушением Моисеева закона, на хранение которого они претендовали. Ибо весь Моисеев закон может быть суммирован в двух великих заповедях, наибольшая из которых: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим» ([Мф. 22:37](#)).

И вторая, подобная ей заповедь: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» ([Мф. 22:39](#)).

Таким образом, эти отцы и учителя не воспитывали свой народ в любви к Богу и ближнему. Напротив, они проявляли дух самовозвышения и эгоизма, исполненный любви к себе.

Решение Христа

Следовательно, перед лицом отвратительного и постыдного вероотступничества этих религиозных вождей Иисус сказал своим ученикам: «Отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас отец, Который на небесах». В то время как отец Авраам и другие великие деятели в истории Израиля своей верностью заслужили такой титул, фарисеи и книжники утратили роль отцов. Они должны были прекратить использование такой формы обращения, а вместо этого поклониться Самому Богу как Первоисточнику всего отцовства.

Сделав Свое предупреждение, Иисус обратился к нам с величайшим из всех повелений. Он указал в Своей Церкви отцов и учителей и тех, кого они ведут к любви к Богу и ближнему.

Как следует поступать нам?

С самого начала истории Церкви, подобно тому, как это было в ветхозаветном Израиле, те, кто помазывался Богом на служение, назывались определенными именами: пророк, учитель, рабби (в Израиле) и отец. Позднее появились и другие титулы, такие как преподобный, пастор, профессор или брат (для некоторых евангелических пасторов и католических и православных монахов). Эти наименования выражают как теплое отношение, так и достоинство. Так же как в наших семьях есть тот, кого мы с любовью называем отцом, так и в христианском братстве мы почитаем, и будем почитать тех, кто привел нас к новому рождению через Господа Иисуса Христа. Какое же имя подходит им больше, чем отец?

Иисус предупредил против наименования недостойных людей отцами и учителями, чтобы сохранить чистоту руководителей Своего святого народа. Являются ли они епископами, отцами, учителями, диаконами или пасторами, все они должны оставаться верными истинному учению Церкви Христа и проявлять в своем характере божественное смирение, вводящее Церковь в любовь Святой Троицы и ближнего.

Будучи сам священником, я нахожу удовлетворение в наименовании старших братьев священников отцами, ибо действительно рассматриваю их как таковых. В самом приходе этот титул служит теплой и интимной разграничительной линией, которая отличает (но не разделяет) тех в теле Христовом, кто призван вести других и проявлять о них заботу.

Во время нашего «путешествия», после того, как мы согласились использовать термин «отец» в качестве подходящего наименования священника, мы сказали людям, что они, разумеется, свободны продолжать употреблять термин пастор, если так для них проще. Вскоре, однако, более естественным термином стал отец и именно его мы используем сегодня.

Результатом этого стали две вещи. Люди знают, что существует духовный «глава дома», поставленный для того, чтобы символизировать главенство Христа и быть проводником Его милосердия и любви. Кроме того, обращение «отец» служит духовенству напоминанием о том, кем они являются: не только хорошими ораторами, или администраторами, или правителями, или проповедниками – но в первую очередь, отцами для народа Божьего. Если они являются таковыми, то и все остальные их роли имеют гораздо больше шансов на успех.

8. Воздаяние должного почитания Деве Марии

Можно смело сказать, что ни одна из дочерей человеческих в истории не была более неправильно понята современным христианством, чем Дева Мария.

Вероятно также, что если не удастся преодолеть разногласия между двумя ветвями христианства, касающихся Марии, то причиной этого будет упорное нежелание иметь дело с библейскими данными.

Я слышал, как Билли Грэм говорил по меньшей мере полдюжины раз в течение ряда лет: «Мы, евангельские христиане, не воздаем Марии подобающего Ей почитания».

Его утверждение поднимает ключевой вопрос о Марии: каково подобающее ей почитание? Прежде, чем искать ответ в Писании, давайте откровенно признаем проблему, которая делает нашу задачу намного более трудной, чем она должна быть.

Напряженная эмоциональная атмосфера, которая окружает этот предмет, приводит к притуплению нашей объективности в рассмотрении вопроса о Марии. Воспитание, которое получают многие из протестантов, учит подвергать сомнению или даже отрицать почитание, воздаваемое Марии в христианском богослужении и искусстве. По этой причине наше мнение часто оказывалось сформированным заранее. Мы позволяли своим предубеждениям окрасить наше понимание даже текстов Писания, касающихся Марии. Мы не позволяли фактам говорить самим за себя.

Когда мы попытались взглянуть на Марию честно и открыто – а это было для нас нелегко – мы обратились в первую очередь к Библии, конкретнее, к Новому Завету. Затем мы перешли к Ветхому Завету. В процессе нашего исследования мы также рассмотрели высказывания ранних отцов Церкви по данному вопросу. Мы взглянули на историю Церкви в целом, чтобы попытаться понять и то, как Дева Мария почиталась подобающим Ей образом, и то, как прокрались неверные представления о Ней.

Свидетельства Нового Завета

Итак, чему же учит Новый Завет о Деве Марии? Мы можем найти, по меньшей мере, четыре основных ответа на данный вопрос.

Мария – величайшая из всех людей, когда-либо живших.

В то время, как Господь Иисус Христос открыл нам, что на земле не было более великого человека из рожденных женами, чем Иоанн Креститель, и архангел Гавриил, и святая Елисавета сказали Марии: «Благословенна Ты между женами» ([Лк. 1:28,42](#)).

Она является благословеннейшей по нескольким причинам, главная из которых та, что она приняла, выносила, родила и воспитала Самого Спасителя наших душ. Тот, Кто сегодня занимает небесный престол Давида и царственно восседает по правую руку от Бога Отца, вочеловечился и стал нашим Спасителем через Ее чрево. Она была избрана Отцом, чтобы произвести на свет Его Единородного Сына.

Мария стала первой в истории личностью, которая сподобилась встретить и принять Христа как своего Спасителя. Мы с вами призваны воцарить Господа в наших сердцах и жизнях – следуя в этом примеру Марии. В раннехристианской истории Она именуется «первой из искупленных».

Я помню, как несколько лет назад вошел в церковь в пригороде Чикаго и увидел изображение, или икону, Марии с простертыми руками в центре апсидной стены точно за алтарем. Моим первым чувством было удивление, почему не один Христос был изображен в этом особом месте в церкви, хотя Он и был показан в большом круге, наложенном на сердце Марии.

Когда я спросил, с чем связано такое расположение Ее образа, бывший со мной православный богослов пояснил: «Это одна из величайших евангельских икон во всей Церкви. То, что вы видите – это Христос, пребывающий как Господь в жизни Марии, и Ее простертые руки означают приглашение нам с вами позволить Ему пребывать в наших жизнях, так же, как в Ее». Я по сей день нахожусь под воздействием этой иконы. Ибо она служит для всех нас примером полного предания своей жизни Иисусу Христу.

Мария благословенна также потому, что Она обрела благодать в глазах Божиих. Приветственными словами Гавриила к Ней были: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою!» ([Лк. 1:28](#)). Затем он успокоил Ее, сказав:

«Не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога» ([Лк. 1:30](#)).

Что делает человек, чтобы стать Божиим избранником, получить от Него награду? Помните Корнилия в 10 главе книги Деяний? Он был первым иноплеменником, обратившимся ко Христу, – «благочестивый и боящийся Бога..., творивший много милостыни народу и всегда молившийся Богу» ([Деян. 10:2](#)). Двумя стихами ниже ему было сказано в видении: «Молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом». Господь обратил внимание на его ревностное служение и подал ему спасение. Подобным же образом чистота Марии обрела благодать у Бога, и она была избрана, чтобы дать рождение Его Сыну.

Хочу ли я сказать, что спасение зарабатывается человеческими достоинствами? Ни в коем случае! Как ни похвально для нас жить в чистоте, нравственная жизнь сама по себе еще не является достойной спасения. Иначе, почему Марию называли первой из искупленных или почему Корнилию необходимо было креститься во Христа Апостолом Петром? Молитва и праведная жизнь, однако, привлекают внимание Бога. Когда мы ищем Его всем своим сердцем, мы находим Его! Когда мы отдаем Ему все, что имеем, саму нашу жизнь, мы становимся Божиими избранниками. Именно это сделала Мария, и именно поэтому Она должна приниматься нами как величайшая из всех в истории дочерей человеческих.

Мария – образец христианской жизни.

Православная Церковь учила с самого начала, что Мария является ярчайшим примером или прототипом того, что случается с личностью, совершенно верующей в Бога. Всего, чем мы стремимся стать во Христе, Она уже достигла. Все мы должны «принять» Христа ([Ин. 1:12](#)). И, как уже отмечалось выше, Мария была первым человеческим существом, принявшим Христа. Из миллионов, посвятивших свою жизнь Христу, Мария была первой и совершеннейшей. Следовательно, всем, что обещано нам в Священном Писании, Мария уже обладает.

Наш образец послушания. Хотя Бог несомненно знал, что Мария желала угодить Ему, Он не принимал Ее служение как необходимо, принудительно должное. Ангел объяснил Ей, как должен явиться Христос. «Дух Снятый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посемя и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» ([Лк. 1:35](#)).

Теперь Марии предстояло принять решение. Согласна ли Она? Вслушайтесь в Ее ответ, ибо он является входом в мир духовного делания для всех нас. «Се, раба Господня, – сказала Мария. – Да будет мне по слову

твоему» ([Лк. 1:38](#)).

Даже если мы совершенно искренни в своем желании следовать за Богом, Он никогда не призовет нас к этому без нашего согласия. Подобно Марии, мы должны свободно согласиться быть у Него в послушании и следовать Его воле.

Кстати сказать, спустя около тридцати лет Марии снова представилась возможность прославить Своего Господа. Она была с Иисусом на свадьбе в Кане Галилейской. Слуги, которые были ответственны за празднество, обнаружили, что у них кончилось вино. Мария не имела никаких сомнений насчет того, кто может решить их проблему. Указывая на Своего Сына, Господа Иисуса ([Ин. 2:5](#)), Мария сама всю свою жизнь следовала совету, данному Ею этим слугам. Это и является причиной того, что она служит всем нам примером христианского послушания.

Наш образец чистоты и святости. Нам, которые названы святыми братьями ([Евр. 3:1](#)), повелено быть святыми, потому что свят Бог (1 Петра, 1:15–16). Мы должны представить наши тела в живую жертву ([Рим. 12:1](#)). Так разве не естественно, что Мария, чье тело восприняло Бога Воплощенного, должна именоваться Церковью «святейшей из всех»?

Если, как Церковь, мы призваны не иметь «пятна или порока или чего подобного, но дабы она была свята и непорочна» ([Еф. 5:27](#)), то не следует ли отсюда, что Она, которая является родительницей Господина этой Церкви, должна обладать такой же святостью? Разумеется, мы имеем все основания взирать на Марию как на свой пример святости и чистоты.

Наш образец царского достоинства и заступничества. Если Священное Писание провозглашает всех нас царями ([Отк. 1:16](#)), так ли странно, что Церковь относится к Марии как к Царице? Если Библия обещает, что мы с вами будем судить ангелов ([1Кор. 6:3](#)), так ли удивительно, что Церковь воспевает Марию как «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим»?

Помимо того, что Мария по милости и силе Божией победила грех и смерть, она была увидена на небе Псалмопевцем в проблеске пророческого взгляда. Ибо в 10 стихе 44 псалма Царем является Христос, Царицей, стоящей по правую сторону от Него – Мария. Так и должно быть. Если Бог может сделать нас «царями и священниками» ([Отк. 1:6](#)) в вечности, Он несомненно обладает прерогативой увенчать Марию еще более высоким титулом в небесной иерархии.

Если Апостол Павел учит нас, как царственное священство, молиться «во всякое время духом... за всех святых» ([Еф. 6:18](#)), так ли чрезмерно исповедовать со всей Церковью, что святая Мария (вместе со всеми

святыми, которые перешли от смерти к жизни и непрерывно предстоят перед Христом) ходатайствует перед Своим Сыном от имени всех людей? Ибо Мария является прототипом того, чем все мы должны быть.

Мария – мать Бога.

Здесь мы затрагиваем вопрос, более чувствительный для многих из нас. Это одна из тех эмоциональных проблем, о которых я упоминал ранее. Нравится нам это или нет, но Библия учит, что Мария является Богородицей. Давайте сначала посмотрим текст, а затем обсудим, почему этот титул так важен для нашей христианской жизни в Церкви.

После того, как Она зачала в Своем чреве Христа, Мария посетила дом родственников – Захарии и Елисаветы, которые должны были вскоре стать родителями Иоанна Крестителя. Когда Мария приветствовала Елисавету, та назвала Ее «Благословенной» и сказала: «И откуда мне сие, что пришла Матерь Господа моего ко мне?» ([Лк. 1:43](#)). Елисавета знала, что ее Господь, Мессия Израиля, был Богом. Ей с детства были известны слова: «Слушай, Израиль: Господь Бог наш, Господь един есть» ([Втор. 6:4](#)). И она знала, что ее Господь находился в чреве Марии.

Этот титул – Матерь Божия – приобрел огромную важность в четвертом столетии, когда еретик по имени Несторий – человек, занимавший высокое положение в Церкви, – провозгласил, что находившийся в чреве Марии был, несомненно, человеком, но не был Богом. Православные христиане в один голос заявили: «Ложь! Считать Христа кем-то иным, кроме Бога во плоти, противоречит христианству. Ибо если Тот, Кто был в чреве Марии, не является Богом, мы мертвы в наших грехах». Чтобы защитить совершенную божественность Христа, Церковь всегда настаивала, чтобы Мария по праву называлась, как это было открыто Елисавете, Богородицей.

Этот титул, разумеется, не означает «мать Святой Троицы», поскольку Святая Троица не имеет матери. Так же как он не означает, что Мария сотворила Личность, являющуюся Богом Сыном. Он говорит о Марии, как о Богоносице (по-гречески – *Theotokos*), Матери Сына Божия, воспринявшего совершенное человечество в Ее чреве.

Когда человек покупает большой участок земли и выгоняет скот пастись на нем, он ограждает свое пастбище. Он делает это для того, чтобы обезопасить свой скот, не дать ему разбрестись и отбить охоту у воров. Подобно этому. Церковь ставит догматические ограждения вокруг своих фундаментальных истин. А ничто не является более основным и важным для нас, чем божественность Христа. Поскольку Христос – Бог, мы устанавливаем твердую и безошибочную ограду вокруг

Его Божества нашим непоколебимым исповеданием того, что Мария – Матерь Божия.

Так же как мы настаиваем на девственном рождестве Христа, мы настаиваем на том, что в течение тех девяти месяцев, когда Мария носила Его в Его человечестве, Он в каждый момент был в равной мере совершенным Богом. Таким образом, мы говорим смело и твердо, что Мария – Матерь Божия, Theotokos, Богоносица. Утверждать что-либо меньшее означает вставать на сторону тех, кто отрицает Божество Христа.

Мы должны почитать Марию и называть Ее благословенной.

Теперь настала очередь самого тяжелого испытания. Оказывается, Мария не только блаженнейшая из женщин, наша модель христианской жизни и Матерь Божия, но, кроме того, мы призваны чтить и благословлять Ее. Почему мы так решили? Этому учит нас Библия.

Во время своего трехмесячного пребывания в доме Елисаветы, Мария произнесла одну из красивейших во всем Писании молитв хваления Господа. Она начинается словами «Величит душа моя Господа» и известна под названием «Песнь Пресвятой Богородицы».

В этой молитве, внушенной Духом Святым, Мария пророчествует: «ибо отныне будут ублажать Меня все роды» ([Лк. 1:48](#)). По существу, все поколения в истории Церкви именно так и делали; лишь в последние два столетия эта практика была нарушена. Наше поколение американских христиан переполнено теми, кто отказывается благословлять Ее, и мы должны изменить такое положение вещей. С самого начала документально зафиксированного христианского богослужения православные христиане проявляли особую заботу о том, чтобы воздавать должное почитание Марии во время служения литургии. Сохраняя древний гимн, который начинается со слов «Достойно есть, яко воистину, блажити Тя, Богородицу». Она называется в этом гимне также «присноблаженной и пренепорочной». Библейское повеление почитать Марию должно воспринимать серьезно и следовать ему.

Она вне всякого сомнения заслуживает почитания и благоговения. И поскольку Христос – наш старший Брат, Первенец из многих братьев, мы также почитаем Деву Марию как свою Мать и свою Госпожу. Подобно тому, как Ева была матерью старого Адамова рода, Мария – подлинная Мать нового рода: Тела Христова, Церкви.

Возможно, именно отказ от почитания Марии является одной из причин того, что наше поколение отказывается почитать кого бы то ни было вообще. Например, когда в следующий раз по телевизору будут показывать президентскую пресс-конференцию, понаблюдайте

внимательно, как ведут себя некоторые представители прессы! Отнюдь не пытаясь просто получить информацию, многие имеют своей целью лишь шантаж и преднамеренную непочтительность.

В то время, как Слово Божие учит нас чтить царя ([1Пет. 2:17](#)) и быть почтительными друг ко другу ([Рим. 12:10](#)), наше поколение, по-видимому, находит удовольствие в вызывающем поведении и оскорблении других людей, особенно тех, кто стоит у власти. Мы – верующие в Библию христиане – не только обязаны отдавать честь тому, кому она подобает (см. [Рим. 13:7](#)), но также призваны Богом благословлять Матерь нашего Бога. Мы не можем игнорировать это положение Писания.

Ветхий Завет и Дева

Мы знаем, что Ветхий Завет – это не просто вдохновенное повествование об истории человечества или Израиля в частности. На его страницах – и это на самом деле главное его значение – содержатся пророческие свидетельства о Господе нашем Иисусе Христе. Его образ присутствует повсюду. Моисей был прообразом Христа в том, что вывел свой народ из плена в землю обетованную. Давид символизировал Христа как царя Израиля. Адам олицетворял образ Христа – главу человеческого рода.

Часто остается незамеченным, однако, тот факт, что Дева Мария также видна на пророческих страницах Ветхого Завета. Большинству христиан известно, что пророк Исаия предсказывает непорочное зачатие Христа Марией, когда пишет: «Итак, Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (Исаия 7:14). Но есть и много других мест, в которых также говорится о Марии.

Приснодева.

С самых ранних лет существования Церкви Марию называли не только Девой, но Приснодевой. Под этим подразумевалось, что Она никогда не имела супружеской близости с Иосифом, ни до, ни после рождения Христа. Ранние отцы часто ссылаются по этому поводу на книгу Иезекииля. Там говорится: «И привел он меня обратно ко внешним воротам святилища, обращенным лицом на восток, и они были затворены. И сказал мне Господь: ворота сии будут затворены, не отворятся, и никакой человек не войдет ими, ибо Господь Бог Израилев, вошел ими, и они будут затворены» ([Иез. 4:1–2](#)).

В традиционном толковании этого отрывка Мария рассматривается как храм, а Христос – как Царь мира. Упомянутые в отрывке ворота считаются дверью в чрево Марии, через которую Христос вошел в наш мир. Вы можете не найти такую интерпретацию в некоторых из сегодняшних комментариев, но ее придерживалось огромное большинство ранних отцов Церкви, также как многие лидеры Реформации – особенно Мартин Лютер и Джон Кальвин.

Дева Рождества Христова.

Здесь, однако, иногда задают следующий вопрос. Если Мария оставалась Девой, почему Евангелие от Матфея говорит нам, что Иосиф не

знал свою жену до рождения Христа (см. [Мф. 1:25](#))? Такая постановка вопроса с православной точки зрения является, прежде всего, грубо материалистическим непониманием духовной жизни.

С точки зрения Писания наличие фразы «как наконец Она родила Сына Своего первенца» не означает автоматически, что Иосиф должен был иметь с Ней супружескую близость позднее. И в греческом, и в еврейском языках слово «пока» или «до» может иметь несколько значений. Мы находим его во 2-й книге Царств: «И у Мелхолы, дочери Сауловой, не было детей до дня смерти ее» ([2Цар. 6:23](#)). Оно употребляется снова в евангелии от Матфея, где воскресший Христос говорит: «Се, Я с вами во вся дни до Окончания века» ([Мф. 28:20](#)). И во Второзаконии 34:6 мы читаем: «и погребен [Моисей] на долине в земле Моавитской против Беф-Фесагора, и никто не знает места погребения его даже до сего дня».

Очевидно, использование этого слова в приведенных отрывках не подразумевает, что у Мелхолы появился ребенок после ее смерти, что Христос не будет с нами в конце мира, или что место захоронения Моисея было обнаружено на следующий день после того, как был написан 6 стих 34 главы Второзакония. Следуя той же логике, слово «пока» у [Мф. 1:25](#) ни в коем случае не означает, что Иосиф и Мария якобы могли начать супружеские отношения после рождения Христа. Такое учение отсутствует в Писании, противоречит твердому убеждению всей ранней Церкви и является грубо кощунственным в глазах православных христиан оскорблением высочайшей святости Божией Матери.

Братья и сестры Христа.

Но разве Библия не упоминает также о братьях и сестрах Христа? Кем они были и откуда появились?

Сразу подчеркнем, что Писание иначе употребляет родственные понятия, чем мы. В нескольких текстах Авраам и Лот также назывались братьями, хотя Лот был на самом деле племянником Авраама. И Иаков и Лаван назывались братьями, несмотря на то, что Иаков был сыном Ревекки, сестры Лавана.

Таким образом, Писание умалчивает о природе родственных связей между Христом и этими братьями и сестрами. Ранние отцы Церкви слегка расходятся в своем понимании значения данных терминов. Некоторые, такие как Св. Амвросий, считали, что они подразумевают детей Иосифа от первого брака. Другие учили, что здесь имеются в виду двоюродные братья и сестры Христа. Но в одном согласны все: между Марией и Иосифом не было и не могло быть никаких отношений, уничижающих Ее величайшее, превосходящее всякое человеческое

понимание Богоматеринское достоинство. Многие древнехристианские писатели называют Ее первой и величайшей монахиней.

Другие предания – истинные и ложные

Есть еще два положения вероучения о Марии, заслуживающие краткого упоминания и рассмотрения. Первое – Ее телесное вознесение на небо, второе – Ее непорочное зачатие.

Взятие Пресвятой Девы на небо (Успение).

В ранней Церкви было широко распространено мнение о том, что тело Марии вскоре после ее смерти было взято на Небо. Впоследствии Римская Церковь догматизировала это убеждение, в то время как Восточная Церковь воздержалась от такого официального признания. Большинство христиан согласны, что такое чудо является установившимся библейским прецедентом, примерами которого являются Енох и Илия. Кроме того, нет никаких известных свидетельств о мощах Пресвятой Девы. Вознесение Богородицы может с уверенностью рассматриваться как историческое христианское предание, хотя и не отраженное в Писании.

Непорочное зачатие Марии.

Что касается непорочного зачатия Марии, то это учение было неизвестно в древней Церкви и присутствует исключительно у современных римо-католиков. Пытаясь очистить Марию (и оградить Христа) от пятна греха, догмат о непорочном зачатии утверждает, что Мария была зачата и рождена предохраненной от первородного греха. Данный догмат не имеет никаких оснований ни в Писании, ни в Символе веры Церкви. Отсутствие такого догмата нисколько не умаляет веру православных христиан в высочайшую, исключительную святость Марии.

Какие бы перегибы ни допускались в истории, даже Римская Церковь никогда официально не веровала и не учила, что Мария в каком-либо отношении равна Троице. Такие обвинения иногда выдвигаются критиками Римской Церкви, но они безосновательны.

Мария и спасение

В конце православной вечерни священник восклицает: «Пресвятая Богородице, спаси нас!» Действительно ли Мария может спасти нас? Да, и вот почему.

Несомненно, мы верим, что Мария чиста и свята, что она правит вместе со Христом, что она молится за нас. Мы знаем, что Мария всецело подчинила Свою волю воле Божией, таким образом в полной мере содействуя достижению Божественной цели. А мы знаем, что несомненной целью Бога является спасение верующих во Христа. Так что мы по меньшей мере можем сказать, что Мария озабочена нашим спасением и желает его. Это относится ко всем верующим.

Поэтому первоначальный вопрос: «Может ли Мария спасти нас?» приводит к другому вопросу: «Можем ли мы спасти других?» И снова Священное Писание дает совершенно ясный ответ. Вот некоторые примеры:

Вникай в себя и в учение, занимайся сим постоянно, ибо, так поступая, и себя спасешь, и слушающих тебя ([1Тим. 4:16](#)).

Пусть тот знает, что обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов ([Иак. 5:20](#)).

К одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте, исторгая из огня ([Иуд. 22–23](#)).

Спасает огонь ([1Кор. 3:15](#)), спасает молитва ([Иак. 5:15](#)), спасают ангелы ([Ис. 63:9](#)), спасает крещение ([1Пет. 3:21](#)), спасает проповедь ([1Кор. 1:21](#)), спасает Апостол Павел ([Рим. 11:14](#)).

Новая жизнь во Христе, или спасение, является как личным союзом с Ним, так и включением в полноту Церкви как Его Тела. Спасение есть дело Церкви, забота Церкви, поскольку оно затрагивает всех нас. Следовательно, во Христе все мы должны выполнить свое призвание в коллективном, по сути, акте спасения.

Ни мы, ни даже Дева Мария не спасаем поодиночке. Источником нашего спасения является Иисус Христос. Он сказал: «Без Меня не можете творить ничего» ([Ин. 15:5](#)). И: «Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам» ([Ин. 15:7](#)).

Марии принадлежит исключительное значение в нашем спасении, потому что Она произвела на свет Христа и тем самым стала «Матерью» всех тех, кому суждено спастись. Вот почему Иисус, находясь на кресте,

сказал Своей Матери: «Жено! Се, сын Твой», и затем – апостолу Иоанну: «Чадю, Се, Мати твоя!» ([Ин. 19:26,27](#)). При таком понимании, можно ли считать, что Матерь Божия спасает нас? Слава Богу, да!

Изменение наших представлений о Марии

В последние 150 лет многие христиане были грубо дезинформированы об историческом церковном взгляде на Марию. Мы забыли, что Она избрана Отцом и служит образцом для нас с вами, является поистине путеводной звездой для всего человечества. Она была единственной, Кто дал Свою плоть Сыну Божию и только Ее должны «ублажать все роды» ([Лк. 1:48](#)).

Наше отношение к Марии непосредственно связано с нашим отношением к Церкви. Сообщество последователей Христа призвано действовать сообща. Действия, касающиеся Марии не могут быть просто личным делом; они должны быть соотнесены с позицией Церкви.

Где же в христианском мире было полностью сохранено правдивое учение о Марии? Даже большинство протестантов – и либеральных, и консервативных, знают, что в их кругах отношение к Ней пренебрежительное. Для протестантов ответ на вопрос о том, кто серьезно относится к библейским и историческим свидетельствам не может быть найден ни в пределах протестантских конфессий, ни в Римской Церкви с ее спорными поздними догматическими добавлениями, касающимися Марии.

Ответ находится в православной Церкви, сохранившей верность библейскому взгляду на Марию. Пришел час для всех нас, кто любит Христа и серьезно относится к Священному Писанию, расположить сердца и разум к тому, чтобы воздать Пресвятой Богородице подобающее Ей в подлинной Церкви. Мы поступаем так потому, что так поступил Бог, сотворив величие для Нее и через Нее ([Лк. 1:49](#)).

Как христиане мы живем не чувствами, а верой. Давайте раз и навсегда избавимся от тех плевел, которые насадил в наших сердцах дьявол, чтобы настроить нас против этой величайшей Жены, родившей во плоти нашего Спасителя. Благословляйте Ее среди народа Божьего. Следуйте Ее примеру в возвеличивании Христа. Исповедуйте Ее как Матерь Божию. Возвратитесь в Церковь, которая сохранила в неприкосновенности нашу святую веру. И тогда мы поможем нашему поколению вернуться к почитанию и благословию Марии согласно Божьему повелению.

9. Знак для всех христиан

Много лет назад в пасхальное воскресенье – мне было тогда семь или восемь лет, мы из церкви отправились обедать в ресторан отеля. Примерно в то время, когда мы сделали свой заказ, я поднял глаза и увидел, как члены семьи за соседним столом склонились в предобеденной молитве и затем перекрестились. Моей реакцией было изумление. «Что это означает?» – подумал я.

Вообще, что символизирует крест? Или давайте поставим вопрос по-другому. Что является самым известным символом всех времен? Кого бы мы ни спросили – философа, историка или художника – каждый, скорее всего, ответил бы: «крест». Этот знакомый символ присутствует во всех аспектах жизни каждого христианина от рождения до смерти.

Помимо воздействия самого Распятия, история была коренным образом изменена явлением креста в видении римскому императору Константину. Сподобившись увидеть знак креста на небесах, он обратился ко Христу и в 312 году положил конец долгому мучительному периоду преследования христиан.

Как могли две простые линии, которые может нарисовать даже ребенок, одна горизонтальная и одна вертикальная, заставлять королей изменять ход истории и одновременно давать людям такую надежду и утешение при прощании с умершими родственниками? Есть ли это просто символ? Или за обращением христиан к этому символу стоит нечто более могущественное и эффективное? В кресте сосредоточено больше, чем привыкли считать современные христиане. Я думаю, что открытие заново этой библейской истины существенно необходимо для духовного здоровья каждого христианина.

Знак победы

Источник такого могущества, значимости и необходимости Креста для нашего спасения – это личность Господа Иисуса Христа. Наш Господь, принявший на Себя всю полноту нашего человечества, также, в этой плоти, принял на Себя обычную форму римского распятия и навсегда превратил крест в славу и победу для всех верующих.

Писание говорит, что Христос в Своей смерти, «истребил учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас, и Он взял его от среды и пригвоздил ко кресту» ([Кол. 2:14](#)).

Представьте же, какая невероятная сила стоит между нами и смертью, между нами и когтями царства тьмы, между нами и вечным адом. Да, крест – это больше, чем символ для земной декорации, он – оружие мира, которое делает нас свободными от рабства греху, смерти и дьяволу.

Ничего удивительного, что апостол Павел восклицал с верою: «А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира» ([Гал. 6:14](#)). Реальность креста была запечатана в груди Павла, который сумел в одиночку противостоять козням зла и пройти свой путь до конца. «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия» ([1Кор. 1:18](#)).

Знак для всех времен

Давайте вернемся к той эпохе, когда Церковь не была разделена, и посмотрим, почитали ли ранние христиане крест так же сильно, как Апостол Павел.

В христианстве второго столетия мы встречаем [Тертуллиана](#) (145–220), который говорит:

Во всех путешествиях и передвижениях, каждый раз уходя из дома и возвращаясь обратно, надевая обувь, принимая ванну, садясь за стол, зажигая свечи, ложась или садясь, во время любого своего занятия, мы осеняем себя знаменем креста. (О венце, гл. 3)

Примерно столетие спустя, Великий святой [Афанасий Александрийский](#) написал:

Крестным знаменем прекращается всякое волшебство, обращается в ничто всякое чародейство, все идолы лишаются своих поклонников и оставляются ими, всякое неразумное наслаждение прекращается, и всякий человек обращает взор от земли к небу. (Слово о воплощении Бога-Слова и о пришествии Его к нам во плоти. IV, 31)

Святой [Кирилл Иерусалимский](#) был еще более требователен в отношении использования крестного знамения:

Посему не стыдимся исповедовать Распятого. С дерзновением да будет налагаема перстами печать, то есть крест, на челе и на всем, на вкушаемом хлебе, на чашах с питием, на входах и исходах, перед сном, когда ложимся и когда встаем, бываем в пути и покоимся. Это – великое предохранение, доставляемое бедным даром, немощным – без труда, потому что от Бога благодать сия, знамение верных, страх демонам. На кресте победил их, «изведши в позор дерзновением» ([Кол. 2:15](#)). Как скоро видят крест, вспоминают Распятого; страшатся Сокрушившего главы змиевы. Не пренебрегайте же сего печатю, потому что дается даром; напротив того, за сие паче почти Благодетеля. (Огласительные слова. XIII, гл.. 36).

Мартин Лютер, которого называют отцом протестантской Реформации, призывал свою паству использовать знак креста. Например, в своих инструкциях к утренним молитвам он пишет:

Утром, когда вы встаете, осеняете себя знаменем креста и произносите: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». (Малый катехизис. VII, 1).

Знак, которым пренебрегли

Удивительно, что только в семнадцатом столетии, во времена короля Иакова, небольшая группа пуритан стала выступать устно и письменно против употребления знака креста. Противодействуя порокам средневековой римской Церкви, они считали, что он является человеческим изобретением, порожденным суеверием. Те же самые английские пуритане, которые оказали существенное влияние на Северо-Американский континент, отбросили одно из самых могущественных и высоко ценимых орудий во всей истории Церкви. Их наставником была римофобия.

Сегодня многие американские христиане оказались жертвой обмана крикливого меньшинства и стали стыдиться славы крестного знамения, запечатлеваемого на их груди. Но, испытывая потребность в способе физического выражения своей верности Христу, многие из тех, кто отвергает использование знака креста, в конце концов создали свои собственные христианские жесты.

Я очень хорошо помню время нашего участия в «Движении Иисуса», когда многие из нас пытались придумать общий знак, чтобы отделиться от студенческого движения, активно использовавшего знак мира. В один из дней 1970 года моему близкому другу пришла в голову идея знака «единственный путь», вдохновленная учением Иисуса Христа о том, что Он – единственный путь к Богу. Были отпечатаны и распространены тысячи плакатов и скоро этот «знак единственного пути» стал использоваться протестантскими церквями по всему миру. Даже Билли Грэм был изображен в национальном журнале, демонстрирующим этот знак в Гринвич Виллидж.

Знак «единственный путь» помогал христианам из протестантских церквей узнавать друг друга. Но он не просуществовал долго. Я вижу, что его по-прежнему используют некоторые твердолобые, но долго он не просуществует. Почему? Он не был православным; он не был знаком Церкви. Он не был знаком креста. Дело Иисуса символизирует не поднятый указательный палец, а крест – подлинный знак каждого христианина.

Использование специальных жестов в качестве символов присуще не только христианству. Американское правительство с 1892 года позаимствовало из патриотического журнала под названием «Юс

Компэньон» специальную церемонию и вскоре потребовало в законодательном порядке, чтобы каждый учащийся в государственной системе образования салютовал американскому флагу. До недавнего времени учащихся выгоняли из аудитории, если они отказывались почтить свою страну таким способом. Даже сегодня большинство американских христиан, пожалуй, подвергнут сомнению лояльность каждого, кто откажется засвидетельствовать свой патриотизм, положив руку на сердце в знак приветствия. И, тем не менее, те же самые христиане смущаются и стыдятся изображать на своей груди знак креста. Они отвергают его как некий римский или языческий пережиток прошлого. Как много они теряют!

Знак, обладающий силой

Хотя некоторые могут сказать, что знаки не имеют реальной силы, в народе Божиим им всегда придавалось большое значение. Помните событие первой Пасхи, описанное в Ветхом Завете? Бог повелел израильтянам: «И пусть возьмут от крови его и помажут на обоих косяках и на перекладине дверей в домах, где будут есть его» ([Исх. 12:7](#)). Он пообещал: «А Я в сию самую ночь пройду по земле Египетской и поражу всякого первенца в земле Египетской, от человека до скота, и над всеми богами Египетскими произведу суд. Я Господь. И будет у вас кровь знамением на домах, где вы находитесь, и увижу кровь и пройду мимо вас, и не будет между вами язвы губительной, когда буду поражать землю Египетскую» ([Исх. 12:12–13](#)).

Что замечательно в этом знаке крови на дверных косяках – это то, что он не был просто символом. Это был символ, обладающий силой – в такой степени, что он отвратил ангела смерти от уничтожения первенцев израильтян. Вообразите, в таком случае, силу животворящего креста, на котором победил смерть наш Спаситель, когда мы запечатлеваем его на своей груди.

Вспомните время пребывания в пустыне, когда израильтяне умирали от укусов ядовитых змей, посланных на них за малодушие. Бог сказал Моисею: «Сделай себе медного змея и выставь его на знамя и если ужалит змей какого-либо человека, ужаленный, взглянув на него, останется жив» ([Чис. 21:8](#)). Как ни невероятно это звучит для современного человека, но люди, посмотревшие на змея, выживали. Именно на этот эпизод указывал Иисус фарисею Никодиму, когда сказал: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому» ([Ин. 3:14](#)).

Вознесу на чем? На кресте! Врачи по-прежнему используют символ Моисеева змея как свой знак для обозначения исцеления. Насколько же большее исцеление уготовано тем, кто носит христианский знак креста? Вот почему Апостол Павел славит Крест.

Знак на нас самих

Крестом Христовым был побежден сатана, были искуплены наши грехи и сполна уплачены наши долги. Знаменуя себя крестом, мы предъявляем свои новые удостоверения личности, которыми прежде были грех, смерть и зло. И когда приходит искушение, или когда наши тела хотят установить контроль над своими страстями, физическое изображение креста на нашем теле приводит в действие силу креста подобно стреле, выпущенной из лука.

Посмотрите! Мы, христиане, размещаем крест на наших шпильях, Библиях, на шейных цепочках, надгробиях и во многих других местах. Как насчет того, чтобы использовать этот знак на самих себе?

Как традиционно крестятся православные христиане? Мы складываем вместе большой, указательный и средний пальцы правой руки. Это символизирует единство трех Лиц Святой Троицы. Затем, два последних пальца прижимаются к ладони. Это свидетельствует о двух природах Иисуса Христа, Его совершенном Божестве и совершенном человечестве. Сложенной таким образом рукой мы касаемся последовательно своего лба, середины груди, правого плеча и в заключение – левого плеча. Тем самым мы прилагаем крест к нашему уму, нашему сердцу и нашей силе.

Во время нашего пути к православию Джек Спарк написал статью под названием «Знак креста». Он сформулировал ключевую роль знака креста следующим образом:

1. Он всегда применялся и по-прежнему применяется подавляющим большинством наших братьев христиан, многие из которых умерли за веру. Если мы действительно верим словам нашего Господа в главе 17 Евангелия от Иоанна о том, что Церковь должна быть единой, то почему мы не должны пользоваться знаком креста, как делали наши предки?

2. Мы свободно употребляем символ креста на вершинах наших церковных зданий, на наших аналоях, алтарях, бюллетенях, он изображен на наших Библиях. Почему же не использовать его на нас самих – людях, ради которых Христос умер?

3. Употребление знака креста дает нам личный, физический и видимый способ радоваться о кресте. Помимо того, чтобы делать что-то конкретное, каждый испытывает сильную потребность радоваться о кресте мысленно. Мы используем наши голоса и губы для того, чтобы говорить другим о кресте. Почему же мы должны удерживать свои руки, которые

также дал нам Бог, для той же цели? Все это является составными частями восславления Бога посредством наших тел. (Jack Sparks, «The Sign of the Cross», New Oxford Review, January-February, 1982)

Если мы будем пользоваться этим знаком просто, чтобы выразить почитание Отца, Сына и Святого Духа, и тем самым напомнить себе о присутствии Бога – это сильно поможет нам делать добро и избегать греха. Крест является нашим оружием мира и дает нам возможность жить святой жизнью. Сатана и его демоны боятся креста. Следовательно, знак креста может служить защитой для чад Божиих.

Великий святой четвертого века [Иоанн Златоуст](#) сказал:

Итак, когда вы осеняете себя крестным знамением, думайте о цели креста и подавляйте всякий гнев и все прочие страсти. Помните о цене, которая была заплачена за вас (Комментарий к Евангелию от Матфея, беседа 54).

Крестное знамение надлежит использовать всем христианам!

Часть третья: Великий вход

10. Решающее десятилетие

В отличие от большинства других, кто открыл ее для себя, мы обнаружили Православную Церковь в исторических книгах. Мы изучили Новый Завет, ранних отцов и соборы, и Великий Раскол. Мы сделали свой выбор. На Востоке была сохранена полнота апостольского христианства.

Но нам еще предстояло встретить Православную Церковь в ее современном виде. На что она похожа? Примет ли она нас? И, что самое важное – является ли она преданной своему учению, духовно живой – короче говоря, осталась ли она Православной?

Первые контакты

Джон Бартке вырос в консервативной пресвитерианской конгрегации, а позднее его семья перешла в «свободную евангелическую церковь». Когда он был в предпоследнем классе средней школы, в 1969 году, он попал в группу по изучению Библии, руководимую Джеком Спарксом в Беркли, Калифорния. В течение двух лет перед поступлением в колледж, Джон был частым участником занятий этой группы. Под конец он был включен в список членов Христианского фронта освобождения мира (ХФОМ), организации, основанной Джеком Спарксом, чтобы ограничить распространение берклеевской контр-культуры.

Через личный поиск более глубокого опыта Церкви Бартке к последнему году пребывания в колледже стал православным христианином. Прямо из колледжа он перешел в Свято-Владимирскую семинарию, расположенную в пригороде Нью-Йорка, находящуюся в ведении Американской Православной Церкви (АПЦ) – Американского ответвления Русской Православной Церкви. В то же время он оставался в списках ХФОМ.

К 1976 году ХФОМ стал выглядеть более православным. Там обсуждались темы таинств, соборов и символов веры. Бартке написал своему бывшему учителю Библии с просьбой о более полной информации. В начале 1977 года Джек Спаркс послал ему материалы некоторых предварительных исследований, особо подчеркнув недопустимость их распространения: это были лишь первые неопубликованные черновики. Джон сразу же по прочтении отнес их о. Александру, декану семинарии.

– Эти вещи – православные, – заявил он о. [Александру Шмеману](#), рассказав предварительно о своей дружбе с Джеком Спарксом.

О. Шмеман позвонил епископу Димитрию, который в юности перешел в православие из Южной баптистской общины в Техасе. В описываемый момент он возглавлял западную епархию АПЦ.

– Несколько из этих людей живут около Санта-Барбара. Они являются группой евангелических христиан, которые, похоже, начинают открывать для себя Православную Церковь. Могу я попросить Вас встретиться с ними? – спросил о. Шмеман.

Позднее этой весной епископ Димитрий позвонил о. Тэду Войстику, священнику православной церкви Святых Отцов в пригороде Лос-Анджелеса Тарзана и попросил его нанести визит в Санта-Барбару. Из-за

Великого Поста, затем выпускных экзаменов и летних каникул, о. Тэд смог совершить это путешествие только ранней осенью.

По прибытии в Санта-Барбару осенью 1977 года о. Тэд зашел в телефонную будку, позвонил домой Спарксу и узнал, что тот находится на занятиях в недавно открытой Академии православного богословия. О. Ричард Бэлью вспоминает, как в середине его лекции об арианских разногласиях «вошел никому из нас неизвестный священник, который спокойно сел и слушал лекцию вместе со студентами». После занятий мы представились друг другу и пригласили о. Тэда на ленч. Это было нашей первой встречей с православным христианином и началом крепкой и долгой дружбы.

Два важных шага вперед были сделаны в 1977 году. Во-первых, Кен Бервен открыл наше издательство «Консилиар Пресс» и начал выпускать ежеквартальный журнал «Эгейн». Тем самым была установлена прямая и эффективная связь на уровне публикаций и с евангелическими, и с православными христианами. Во-вторых, мы открыли в Санта-Барбаре Академию Православного Богословия (позднее названную именем Св. Афанасия) с целью собрать вместе сообщество исследователей для изучения Православной веры, перевода и обучения наших молодых людей. Мы пригласили епископа Димитрия выступить перед нашими студентами во время его визита в Санта-Барбару в 1978 году.

Ранее в том же году несколько человек из нас посетили службы Страстной недели в православной церкви в Тарзане. Здесь мы увидели в действии все, о чем прежде читали. Но в культурном плане служба казалась принадлежащей другому миру, совершенно отличному от нашего. Так что к прибытию епископа у нас накопилось множество вопросов.

- Почему они так часто произносят «Господи, помилуй?»
- Расскажите нам о священнических облачениях.
- Что означает такое количество свечей?
- Употребляется ли ладан на каждой службе? Будучи сам хорошо знаком с евангелическим протестантизмом, епископ понял наш «культурный шок». Мы уверовали в основные догматы этой древней веры, но правила богослужения попросту отсутствовали в исторических книгах.
- Давайте, начнем с нашей веры во Христа, – посоветовал епископ Димитрий. – Мы должны быть уверены, что у нас нет разногласий в ответе на вопрос, заданный Самим Господом: «Кем считают Меня люди?» Если мы согласны в том, что Он был рожден от Отца прежде всех времен, воплотился во чреве Марии и стал Спасителем наших душ, все остальное,

в православном христианстве встанет на свое место. Ибо все, что мы используем – облачения, молитвы, иконы и остальное – особым образом связано с Христом.

Тщательно рассмотрев учение Христа, мы согласились с этим. От догмата воплощения мы проследили путь ко всем другим положениям, вытекающим из него. И фрагмент за фрагментом, положение за положением, истина за истиной, вся картина стала приобретать четкие контуры.

В 1978 году некоторые из нас получили возможность посетить Свято-Владимирскую семинарию в Нью-Йорке. По-прежнему переполненные вопросами, мы были тепло встречены митрополитом Феодосием главой АПЦ, и профессорами Александром Шмеманом, [Иоанном Мейендорфом](#), [Фомой Хопко](#), Павлом Лазаром и Веселином Кесичем. Многие из них также периодически приезжали с лекциями в Академию Св. Афанасия в Санта-Барбаре. Замечательные разговоры, полные вдохновения, научения и радости можно вспомнить с каждым из этих братьев. Но позвольте мне все же выделить одного из них: истинного апологета Христа, отца Александра Шмемана.

Он был государственным мужем в Царстве Божием (на самом деле, вместо «был» можно было бы сказать «есть»: он отошел ко Господу в 1983 году). У меня в горле встает комок, когда я пишу об этом блаженной памяти человеке. Говоря по-человечески, если можно сказать, что кто-то «привел нас в Церковь» (подобно тому, как человек говорит, что такой-то «привел меня ко Христу»), то о. Александр сыграл центральную роль в приведении нас в Православную Церковь двадцатого века.

Три раза он совершал путешествия на запад, чтобы побыть с нами в Санта-Барбаре. Ко времени его первого приезда в 1978 году мы в своем прослеживании исторического пути Церкви находились в 1054 году, где приняли сторону Востока. В вероучительном отношении мы были близки к принятию Православия. К нему был расположен наш ум, отчасти наше сердце, но в нашей литургической практике оно почти не отражалось.

Так или иначе, о. Александра не оттолкнуло это обличье, он сумел заглянуть в наши умы и сердца. Это была взаимная любовь с первого взгляда. После путешествия о. Александр сказал своей жене: «Они уже православные, хотя сами еще до конца этого не осознают».

Пока он был у нас, мы, разумеется, обратились к нему с просьбой о руководстве. Оглядываясь в прошлое, понимаешь, что о. Александр действовал очень осторожно, избегая давать нам слишком трудные задания или учить нас большему, чем мы могли воспринять.

– Было бы полезно построить алтарь и повесить несколько икон, – посоветовал он.

К его следующему приезду в 1981 году алтарь был готов и рядом с ним на стене, по одной с каждой стороны, висели две маленькие иконы – размером чуть больше почтовой карточки – одна Христа, другая Девы Марии. С великой гордостью за наш потрясающий прогресс, я пригласил о. Александра в храм и подвел к алтарю. В конце концов, он подошел достаточно близко, чтобы бросить взгляд на наше иконное благолепие. Он улыбнулся:

– Что ж, я могу ехать домой и, наконец, сообщить, что вы больше не состоите в активной оппозиции к иконам!

Так порой в шутливой манере он обращал нас в Православие. Именно во время этого второго визита о. Александр указал нам еще одно направление деятельности, которое оказалось центральным для оставшейся части нашего путешествия. Выступая перед нашим собранием по вопросу о различных православных юрисдикциях в Северной Америке, он посоветовал:

– Не ограничивайтесь изучением лишь АПЦ. Когда для вас настанет время войти в Православие, это будет соединение со всей Церковью. Поэтому познакомьтесь с Греческой, Антиохийской и Сербской церквями.

Расширяя круг дружбы

Примерно в то же время один из наших пресвитеров на Среднем Западе встретил священника Греческой Православной Церкви о. Джеймса Каррелласа, который, по его словам, «проповедует как евангелический пастор». Во время моего следующего путешествия в те места была устроена встреча с о. Джеймсом. Я знаю, что это не единственный показатель, но когда говоришь с коллегой-священником об Иисусе Христе, и на глаза наворачиваются слезы, начинаешь подозревать, что встретил настоящего брата по духу.

– Вы должны встретиться с епископом Питтсбургским Максимом, – сказал мне о. Джеймс, выслушав нашу историю. – Он истинный знаток Православия в Америке и любит новообращенных, приходящих извне.

Я должен был быть в Питтсбурге в ближайшие два месяца, поэтому сделал для себя заметку, а позднее позвонил по телефону и договорился о встрече.

Выражение, которое я всегда использую для характеристики епископа Максима – это «сосредоточенный на Христе», термин, которым он часто пользуется сам. Я говорю людям, что он наполовину человек, а наполовину ангел. Во время нашего разговора в его прекрасной резиденции стиля начала века на Элсворс Авеню в Питтсбурге, он спросил, не смог бы я приехать еще раз и выступить перед студентами колледжа в его епархии с рассказом о моем приходе ко Христу и в Церковь.

Состоявшаяся несколько месяцев спустя встреча в колледже была одним из самых ярких духовных событий в моей жизни. Около двухсот студентов, которые всю жизнь были православными, пришли послушать о нашем путешествии. Многие студенты говорили мне впоследствии, что в тот вечер они по-новому взглянули на свои взаимоотношения с Господом. Один молодой человек, который только что вернулся в город после двухмесячного путешествия по стране на перекладных, заметил:

– Отец, Вы дали мне хороший пинок, в котором я так нуждался сегодня вечером!

Еще два эпизода того путешествия врезались мне в память. На следующий вечер я выступал перед группой мирян в соборе Св. Николая. После моих замечаний последовали вопросы и ответы. Одна леди сказала:

– Я не могу поверить, что Вы считаете необходимым участвовать в богослужении и причащаться каждую неделю. Моя бабушка учила меня,

что мы недостойны делать это больше чем один или два раза в год.

– Если бы дело было в нашем достоинстве, мы никогда не смогли бы прийти ко Христу, – ответил я. – Вследствие нашего соединения с Ним Он поставил нас на путь обновления. Следовательно, по Его милости все мы призваны жить в полноте общения с Ним.

Как только я сказал: «Возможно, его преосвященство прокомментирует мои слова», то увидел краем глаза, что епископ уже идет к подиуму. Наблюдая, как он призывает свою паству к более глубокому единению со Христом, я мог видеть, что он не только любит Бога, но и ненавидит минимализм. Признаюсь, что во время перерыва, я осмотрел аналой, чтобы выяснить, не треснул ли он после того, как на него дважды обрушился кулак епископа во время его страстной речи. (Мне хотелось бы думать, что я увидел, по крайней мере, тоненькую трещину!)

На следующий день я снова выступал в резиденции епископа Максима, рассказывая группе активистов из мирян и духовенства об одном отрывке из Послания к Римлянам. Кто-то прервал доклад и сказал: «Нам, как православным, нужна только Литургия, а не знание Библии». На этот раз я не успел ответить. Епископ вскочил, чтобы внести ясность в этот вопрос, причем начал говорить по-английски, а кончил – по-гречески! Я не знаю всего, что он сказал, но, как и в новозаветные времена, оппонент «не осмелился больше задавать вопросов!».

Действительность такова, что в любом сообществе людей, полемически развитом или первобытном, баптистском или византийском, есть и горячие приверженцы и те, кого называют «теплохладными». Под руководством «епископа Макса» Питтсбургская епархия пережила чудесное обновление. Я научился от него, как побуждать людей к любви и добрым делам.

Наша следующая встреча с греческим православием в Америке произошла на следующий год в семинарии Св. Креста в Бостоне. Группа наших людей была приглашена для диалога на факультете. Декан о. Алкивиадис Каливас руководил собраниями, на которых присутствовали среди прочих отцы Стэнли Харакас, Тэд Стилианопулос, Том Фитуждеральд (из новообращенных), Джордж Пападемитриу и Михаил Вапорис – а также много священников из Бостона и прилегающих районов. Перед нашим вторым визитом в эту семинарию я посетил в Нью-Йорке архиепископа Иакова и его любезного помощника, покойного о. Александра Доумороса.

Примерно в этот же период времени я старался изо всех сил организовать встречу с человеком, о котором так многие отзывались

чрезвычайно высоко – митрополитом Филиппом Салибой, главой Антиохийской Православной Церкви в Северной Америке. На самом деле, кто-то в семинарии Св. Креста предсказал, что после всего, что было сказано и сделано, дверью, через которую мы войдем в Православие, будет Антиохия. Во время, по меньшей мере, трех случаев, когда я попадал в Нью-Йорк, митрополит Филипп оказывался в другом месте. Нам никак не удавалось согласовать свои расписания.

Византийская интрига

Развитие отношений с Православной Церковью успешно продолжалось. Но в развитии любых отношений существуют две опасности. С одной стороны, например, свадьба может состояться слишком быстро, прежде чем жених и невеста успеют достаточно хорошо узнать друг друга. Мы были уверены, что если нам и суждено ошибиться, то не таким образом. С другой стороны, опасно ждать слишком долго. В этом случае отношения затягиваются настолько, что можно утратить любовь.

В январе 1985 года мы собрались как Синод Евангелической православной Церкви. Отец Гордон Уолкер почувствовал, что продолжительное затягивание конкретного шага для вступления в Православную Церковь чревато риском отпадения от нее.

– Позвольте мне внести предложение, – начал он. – Я думаю, что мы должны позвонить епископу Максиму прямо отсюда, из конференц-центра, и попросить его организовать нам поездку в Константинополь. Я считаю, что при наличии стольких православных юрисдикции в Америке, нам необходимо представиться непосредственно Вселенскому патриарху и попросить его совета о том, как мы должны войти в Церковь. Несомненно, будучи Вселенским патриархом, он может дать нам конкретные указания – это будет лучше, чем самими решать, что делать.

После довольно короткого обсуждения все согласились, что именно так и следует поступить. Я посмотрел на часы. Мы находились в Калифорнии, а в Питтсбурге было на три часа позже.

– Сейчас слишком поздно звонить, сказал я. – Я позвоню епископу Максиму утром.

Как только я произнес эти слова, в комнату вошел Том Уэбстер и вручил мне записку: «Звонила Мерилин. Епископ Максим пытается связаться с о. Гордоном. Пожалуйста, перезвоните ему».

– Слава Тебе, Господи, – прошептал я.

– Доброе утро, Ваше Преосвященство, – сказал Гордон, в 7.00 следующего утра (я слушал разговор по отводной трубке). – Мне передали, что вы звонили. И я думаю, что у нас есть кое-какие новости, которые Вы хотели бы услышать.

Епископ Макс звонил, чтобы пригласить о. Гордона выступить на конференции и был в восторге от нашего решения насчет

Константинополя. Он начал готовить поездку через епархиальное управление в Нью-Йорке.

– Превосходные даты. Если мы поедем в начале июня, то сможем провести день Пятидесятницы на острове Халки, где я учился в семинарии. В этот день исполняется семь лет со дня моего рукоположения в епископы, – сказал епископ Максим. – Из всех мест в мире я предпочел бы встретить праздник Св. Троицы именно там.

Те девятнадцать из нас, кто выполнял роль епископов в ЕПЦ, возвратились домой с собрания Синода, чтобы немедленно заняться получением паспортов и сбором средств на авиабилеты, проживание и денежный подарок патриарху. Кроме того, каждый должен был привезти особенный подарок, представляющий его часть Северной Америки – предметы эскимосского ремесла с Аляски, ящик фруктов с Северо-запада, книжку с картинками для кофейного столика из Нэшвила.

В апреле 1985 года нас посетил Джон Бартке, к этому времени ставший священником и назначенный в храм Св. Михаила в Ван-Нуйсе, Калифорния, входящего в юрисдикцию Антиохийской Православной Церкви.

– Мы только что получили известие, что Патриарх Антиохийский Игнатий Четвертый будет здесь в Лос-Анджелесе в конце июня или начале июля. С ним будет митрополит Филипп. Я хотел бы организовать вашу встречу с ними, – проинформировал он.

Я не знал, что ответить. С одной стороны, я неоднократно пытался увидеть митрополита Филиппа, а здесь предоставлялась возможность встретиться еще и с патриархом. Но, с другой стороны, у нас была запланирована поездка в Константинополь, и мне не хотелось, чтобы дело выглядело таким образом, будто мы ведем двойную игру, пытаюсь заключить «более выгодную сделку». Пока я обдумывал свои слова, вмешался о. Джон.

– Послушайте, я знаю, что вы направляетесь к Вселенскому Патриарху, и может вполне оказаться так, что он укажет вам путь вхождения в Церковь. Если так и произойдет, все же приезжайте с несколькими вашими людьми, чтобы встретиться с патриархом и митрополитом просто из уважения. В конце концов, для вас в любом случае будет важно встретиться с руководителями Антиохийской Церкви.

– Вы абсолютно правы, – сказал я. – Включите нас в программу и дайте мне знать о дате и месте встречи.

В мае мы с Мерилин планировали четырехдневную поездку в Нью-

Йорк по случаю двадцать пятой годовщины нашей свадьбы.

– Я хотел бы нанести один деловой визит, – сообщил я ей. – Но только если ты позволишь.

– О чем идет речь? – спросила она, зная, что у нас мало времени.

– Я хотел бы встретиться с архиепископом Иаковом и взять у него благословение на поездку в Константинополь.

– Я буду рада его увидеть, – сказала она. Я позвонил секретарю архиепископа и договорился о встрече. Но на следующий день позвонили от архиепископа и сказали, что он перенес встречу на полдень в пятницу. Он уже позволил епископу Максиму возглавить нашу делегацию в патриархат, но я так или иначе хотел лично убедить его в искренности нашего желания ехать туда.

В назначенную пятницу мы прибыли в епархиальное управление Греческой Православной Церкви в Нью-Йорке, но только с тем, чтобы узнать, что архиепископ вынужден был уйти утром домой с гриппом. Мы имели теплую встречу с другими иерархами и оставили архиепископу Иакову подарок и записку с пожеланием скорейшего выздоровления. Мы поехали поездом в Крествуд на всенощную в Свято-Владимирской семинарии, а оставшуюся часть уикенда провели в праздновании великолепных двадцати пяти лет семейной жизни.

Я был дома утром накануне дня нашего отъезда в Константинополь, помогая накормить завтраком детей. Зазвонил телефон. Это был епископ Максим. Его голос звучал глубоко разочарованно.

– Я не знаю, что случилось, – сказал он, – но архиепископ не хочет, чтобы я ехал. Я рекомендую вместо себя о. Григория Винденбаха.

Когда православные люди шутят о таких внезапных изменениях, они называют их «византийской интригой». Так говорят, когда на высшем церковном уровне происходят неожиданные вещи и никто не знает причину. Для нас все это было ново. И шутка не казалась смешной.

Я позвонил о. Григорию, с которым мы много лет были близкими друзьями, и он также был озадачен.

– Рука Господня по-прежнему присутствует в этом деле, – уверил он меня. – Епископ очень расстроен тем, что не сможет отпраздновать свою годовщину на Халки вместе с нами, но он обещал позвонить нам в воскресенье вечером в отель. Я встречу с теми из вас, кто летит через Нью-Йорк, в аэропорту Кеннеди завтра вечером.

Я напомнил себе, что когда являешься архиепископом, то привыкаешь к изменению своих решений.

Паломничество в Константинополь

На следующий день все мы, кто совершал путешествие вместе из Санта-Барбары, сели во взятый Щапрокат автомобиль и направились по 101 и 405 дорогам в Лос-Анджелесский Международный Аэропорт. Мы должны были встретиться с другими епископами ЕПЦ из восточной части США и о. Винденбахом в Лондоне, провести там ночь и на следующий день лететь вместе в Константинополь.

До своего возвращения домой две недели спустя я не знал, что архиепископ Иаков послал мне в последний момент телеграмму, предупреждая, что мы «не должны ехать в это время». Телеграмма пришла, когда мы были уже в воздухе, перелетая через полюс из Лос-Анджелеса в Лондон.

Впоследствии нам рассказали, что несколько представителей греческого православного духовенства вместе с должностным лицом греческого правительства активно выступали против нашей поездки в Константинополь и вхождения в Церковь. Они якобы считали, что мы так или иначе «разбавим» православие в Америке до популярной версии древней веры и не будем поддерживать в приходах приверженности к эллинистической культуре. В одном из докладов предполагалось, что мы собираемся «захватывать Церковь».

Большинство членов нашей делегации узнали по пути в Нью-Йорк, что епископ Максим не принимает участия в поездке и мы, возможно, не будем приняты патриархом. Мое настроение было таково, что если нашей миссии и суждено провалиться, все равно, нужно действовать решительно. Мы просто продолжали надеяться на успех.

Нас ждал еще один сюрприз. Мы прибывали в Константинополь во время Рамадана, времени, когда мусульмане постятся весь день, а потом всю ночь едят, пьют и шумят! Где-то около 3 часов ночи они начинают молиться и шумят еще сильнее. В июне так жарко, что если в вашем отеле нет кондиционера, что вы вынуждены держать окна открытыми всю ночь. Поскольку мы находились в одном из старейших отелей в «исторической» части этого древнего города, и поскольку от туалетов исходил отвратительный запах, у нас был ограниченный выбор. В Константинополе вы можете или закрыть окна и не спать из-за жары и запаха, или открыть их и не спать из-за шума. В некоторые ночи бывает так жарко, что вы получаете оба удовольствия одновременно!

В Константинополе к нам присоединялась еще одна ключевая персона: наш сосед доктор Апостолос Афанассакис, глава Классического отделения Калифорнийского университета в Санта-Барбаре. Он проводил год в Критском университете и прилетел в Стамбул, чтобы встретиться с нами. У него были личные друзья как в турецком правительстве, так и в патриархате. Вдобавок к тому, он был блестящим и дипломатичным переводчиком. Его помощь оказалась неоценимой.

Воскресение Пятидесятницы наступило спустя два дня после нашего прибытия. Мы встали рано, добрались до патриархата на заказном автобусе и молились в этот великий праздник в церкви Св. Георгия. Там присутствовал Вселенский патриарх Димитрий с Синодом митрополитов по обе стороны от него. Наша группа в составе около двадцати человек стояла напротив них по другую сторону церкви: одни в отсеках ручной резьбы, другие – на каменном полу. Традиционно продолжительная литургия удлинилась еще больше за счет прекрасных коленопреклоненных молитв Пятидесятницы. У отца Григория Винденбаха был английский перевод службы, и он передавал его нам по кругу, когда мы все вместе стояли на коленях на каменном полу церкви.

После литургии мы получили от патриарха антидор – освященный хлеб. Отец Григорий быстро объяснил по-гречески, кто мы такие. К этому моменту патриарх уже был полностью информирован о нас. Хотя мы знали, что диалог всей нашей группы с патриархом, являвшийся целью нашего визита, крайне маловероятен, мы надеялись, по крайней мере, на краткий визит вежливости. Но и такому визиту не суждено было осуществиться.

Вместо этого патриарх и его Синод митрополитов вышли из церкви, оставив нас в одиночестве. О. Гордон Уолкер взорвался:

– Куда они уходят? – спросил он отца Григория. – Вы считаете, что мы потратили пятьдесят тысяч долларов и проехали тысячи миль, чтобы они повернулись и ушли прочь? Если бы мы были мусульманами, они обращались бы с нами с большим почтением! Отец Григорий, попросите их вернуться и по крайней мере поговорить с нами!

Отец Григорий немедленно отправился за ними и завязал с несколькими из митрополитов оживленный разговор. Несколько минут спустя митрополиты Хризостомос и Варфоломей любезно вернулись, чтобы побеседовать с нами. Они приветствовали нас от имени патриарха, но сообщили, что какой-либо диалог или встреча с ним не может состояться. Они убеждали нас вернуться домой и продолжить разговор там.

Сфотографировав иконостас церкви Св. Георгия, мы направились обратно в автобус. По дороге мы горячо обсуждали происшедшее. Отец Григорий смело пытался сохранить лояльность своим иерархам и старался в то же время понять и утешить нас в нашем разочаровании и огорчении.

В тот же день туристическая компания, которая организовала наше путешествие, наняла частный паром, чтобы свозить нас по Босфорскому проливу к Черному морю и обратно. Почти никто не хотел ехать. Мы были слишком подавлены, чтобы наслаждаться путешествием. Но наш отказ обидел бы людей, запланировавших это мероприятие. Поэтому мы все же решили поехать. Мы хорошо провели время и смягчили свои оскорбленные чувства.

Вечером в это воскресенье мы провели собрание в комнате на крыше отеля, предоставленной для заседаний нашего Синода. Комната была просторной и имела стеклянные стены со всех четырех сторон, через которые открывалась панорама старого Константинополя. В нашу память врезался печальный и в то же время прекрасный вид бесчисленных куполов церквей, давно закрытых турками. Городом какой культуры он должен был быть когда-то!

На заседании нашего синода в тот вечер мы решили сделать последнюю отчаянную попытку увидеться с патриархом или, по крайней мере, его представителями в официальной встрече. Мы попросили доктора Афанассакиса (его фамилия означает «маленький Афанасий») написать от нашего имени обращение к патриарху и лично ему вручить. Несколько человек из нас проработали вместе с ним долгое время до того момента, когда он сначала составил прекрасное письмо на английском, а затем перевел его на блестящий греческий.

В понедельник утром он отправился в патриархат только для того, чтобы узнать, что два митрополита – Хризостомос и Варфоломей – служат литургию в одном из пригородов. Он потратил весь день, ездя на такси по церквам и лично обращаясь к этим людям. В ответ они пригласили нас прислать представителей в патриархат на следующий день, во вторник, для встречи.

Тем временем остальные из нас отправились на огромном пароме на остров Халки, чтобы посетить семинарию, в которой учился архиепископ Максим, и которая много лет назад была закрыта турками. От морской пристани до школы мы добирались на запряженных лошадьми экипажах, и я всегда буду помнить очаровательный вид бухты, открывающийся от семинарии, расположенной на вершине холма. Но еще больше запомнился сердечный прием, оказанный нам митрополитом Максимом, человеком

высокого благочестия, доживающим там свои дни в почти полном одиночестве. Семинария, замечательное учреждение с его несравненной библиотекой, содержащей древние книги, написанные унциальным греческим шрифтом, находится под властью турок и более недоступна для использования церковью.

Во вторник утром я выбрал Ричарда Бэлью, который в это время исполнял обязанности епископа Западной епархии ЕПЦ и Гордона Уолкера, являвшегося епископом Восточной епархии, чтобы идти со мной в патриархат. Мы взяли Тома Уэбстера и Марка Данавэя для помощи в переноске многочисленных тяжелых чемоданов с подарками и в фотографировании. Нас сопровождали также доктор Афанассакис и о. Григорий Винденбах в качестве переводчика и посредника.

Доктор Афанассакис выполнил свою работу на совесть. Одночасовая встреча с митрополитами Хризостомосом и Бартоломео была сердечной и теплой. Мы показали им фотографии наших людей и вручили свои подарки, которые включали чек на 3000 долларов. Митрополиты сказали, что деньги будут переданы приюту для сирот около Стамбула. Однако окончательный результат был тем же, что в воскресенье. Никаких существенных указаний или помощи по вхождению в Православную Церковь нам дано не было.

Все, что оставалось сделать – это совершить несколько экскурсионных поездок для осмотра достопримечательностей этого прекрасного и древнего города, включавших остановки во внушающей благоговение Айа Софии и Голубой Мечети. В заключение нашего визита мы отправились в Фессалоники и оттуда в Афины, перед тем, как улететь обратно.

Новое посещение семинарии Святого Креста

Мы приземлились в Бостоне вместо Нью-Йорка, как было запланировано. По любезному приглашению факультета мы решили вернуться в семинарию Святого Креста для проведения собрания нашего Синода, на котором первоначально предполагалось обсудить рекомендации, полученные от Константинополя и совместно решить, каковы должны быть наши ответные действия. Но оказалось, что отвечать не на что.

Мы собрались в зале заседаний правления семинарии на следующее утро после нашего прибытия в Бостон. Никогда в жизни я не был так рад тому, что наша встреча не записывалась на магнитофон. В тот раз мы вплотную подошли к тому, чтобы дружно отвернуться от Православной Церкви. Но для того, чтобы отказаться от Церкви, вы должны также отказаться и от веры, а этого мы сделать не могли. Слишком много мы знали. Кроме того, нам просто некуда было больше идти.

Выйдя из административного здания в различной степени отчаяния, мы подняли глаза и увидели епископа Максима! Подобно Самому Христу, он не мог покинуть нас или отказаться от нас. Он присоединился к нам за обедом в этот вечер и напомнил нам о необходимости постоянно искать волю Божию. Да сохранит Вас Господь на многие лета, Ваше Преосвященство!

Полет из Бостонского аэропорта Логан Филд в различные пункты нашего назначения был очень скучным для каждого из нас. Я лично могу подтвердить, что он был в высшей степени угрюмым для тех из нас, кто летел в Лос-Анджелес. Это был конец самого захватывающего путешествия, которое любой из нас когда-либо предпринимал. Древние церкви были великолепны. В Фессалониках мы собрались и молились – каждый из нас – в том месте, где стоял и проповедовал апостол Павел во время его первого визита в этот город. Я в тот день пережил удивительное ощущение Божьего присутствия и еще раз укрепился в решимости посвятить свою жизнь Христу и проповедованию Его Евангелия.

В другой день мы пели все вместе гимн со слезами радости на глазах перед алтарем церкви, которая считается древнейшей из всех, сохранившихся в христианском мире, и расположена в непосредственной близости от Константинополя. Христиане пели здесь этот гимн в течение сотен и сотен лет. Некоторые другие туристы плакали вместе с нами, и я

даже не уверен, понимали ли они – почему.

Все путешествие было подобно этому – один духовный подъем за другим. И в то же время оно стало колоссальной неудачей. Мы стучались в дверь Православия настолько сильно, что костяшки наших пальцев стали красными. Имели место дискуссии, кивки и любезности, но ни одного приглашения войти. Или, как говорят на Западе, никаких сигар.

По возвращении домой даже солнечная Санта-Барбара показалась нам мрачной.

11. Добро пожаловать домой!

– Подождите минуту! – сказал я. Джон Браун, Ричард Бэлью и я сидели вместе с Джеком Спарксом во внутреннем дворике его дома в воскресный полдень, два дня спустя после константинопольско-бостонского путешествия, все еще приходя в себя после перехода на новое время.

– Вы помните, что через три дня у нас назначена встреча с Антиохийским Патриархом?

– По крайней мере, нам не придется проехать полсвета, чтобы попасть на нее, – пробормотал кто-то.

– Я совершенно забыл об этом, – сказал другой. Предвкушение данной встречи дало нам как раз достаточно энтузиазма, чтобы скоротать остаток этого дня. А также и два последующих дня.

Была среда, когда епископы Браун, Бэлью и я солнечным утром держали путь в Лос-Анджелес. Джек Спаркс остался дома из-за непрекращающихся болей в пояснице.

– Знаете, что, по-моему, мы должны сделать сегодня? – спросил Джон Браун. – Я считаю, что мы должны развлечься!

– Что ты имеешь в виду? – спросил я. Двое из нас, епископ Ричард и я, ожидали наилучшей философской дискуссии, которую нам придется выслушивать в течение всей недели.

– Мы ехали в Константинополь со всей серьезностью, озабоченные тем, как кого приветствовать, когда стоять, когда садиться. Сегодня же давайте будем самими собой и получим от этого удовольствие.

Ни епископ Ричард, ни я не нашли, что ответить. «Пусть продолжает свой монолог», – подумал я про себя. Он так и сделал.

– Я вам скажу, как я намерен поступить. Я собираюсь сказать митрополиту Филиппу: «Ваше преосвященство, мы очень рады встрече с Вами», и это будет правдой. Я не собираюсь изображать религиозность, высокопарность или благочестие («Если это вообще возможно», – неслышно прошептал я). Я просто хочу пойти туда и проявить энтузиазм, и если патриарху и митрополиту понравится наша программа – прекрасно. Если нет – тоже прекрасно. Тогда мы найдем себе другого патриарха и другого митрополита где-нибудь еще. Но вот, что я вам скажу. Я устал от всего этого напряжения. Я просто собираюсь получить удовольствие и немного развлечься.

К этому моменту нам начало передаваться его настроение. Мы понимали, что должны рассеять подавленное состояние, навеянное Константинополем. Было бы оскорблением, как для иерархов, так и для тех, кого мы представляли в ЕПЦ, прийти на встречу с протянутой рукой. Настало время избавиться от хандры и двигаться дальше, несмотря ни на что. И еще одна вещь. Мы договорились избегать унылых повествований, если зайдет речь о Константинополе. В конце концов, мы по-прежнему не знали, почему дело закончилось неудачей. Мы будем говорить то, что нам известно: наша попытка не увенчалась успехом. Мы не будем строить догадок или обвинять кого-либо.

Сразу же за большой стеклянной входной дверью отеля Шератон Универсал мы обнаружили доктора Фрэда Милки, которому было поручено встретить нас и проводить в резиденцию Патриарха на седьмом этаже. Доктор Милки оказался высоким, обаятельным человеком с приятной улыбкой – как раз то, что нам было нужно, чтобы начать встречу на той радостной ноте, на которую мы были настроены. Мы прошли через вестибюль, поднялись на лифте, вышли на седьмом этаже, пересекли холл и остановились. Фрэд постучал в дверь.

Встреча с антиохийцами

Появился один из диаконов и пригласил нас войти. Митрополит Филипп вышел навстречу, чтобы приветствовать нас.

– Как приятно встретиться снова после столь долгого перерыва, – сказал он, сопровождая свои слова крепким рукопожатием и приветливым взглядом.

Он казался совершенно искренним и никак не подчеркивал своего архиерейского сана. Создавалось впечатление, что вы встречаетесь с высокопоставленным христианским сановником. У него был вид сердечного и очень заботливого человека.

– Проходите, и позвольте представить вас нашему патриарху Игнатию.

В противоположном конце огромной центральной комнаты, рядом с окном, сидел Патриарх Антиохийский. Вероятно, это знакомо каждому: вы встречаете человека, который сразу же поражает вас тем, что выглядит, как христианин. Именно таково было мое отчетливое впечатление от Патриарха. Его лицо было лицом святого и излучало радость. Когда мы приблизились к нему, он протянул к нам руки и улыбнулся.

– Добро пожаловать, братья, – сказал он. Было ли возможно, что эти три блудных сына, наконец, обрели дом?

Мы разговаривали в течение почти часа, впятером – патриарх, митрополит, Джон Браун, Ричард Бэлью и я. Нас попросили рассказать о процессе нашего прихода к Православному христианству, о наших семьях и о нашем недавнем заокеанском путешествии. Мы обрисовали им каждый из приходов Евангелической Православной Церкви и описали наши учреждения – колледж Св. Афанасия и Консилиар Пресс.

Через три четверти часа митрополит Филипп вопросительно посмотрел на Патриарха.

– Давайте сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь им, – ответил Патриарх.

– Отлично, – сказал митрополит, поворачиваясь обратно к нам. – Вы узнаете кое-что об этой архиепископии. Мы принимаем решения и принимаем их быстро.

Это было лучшей новостью, которую я слышал за последние несколько месяцев!

– Я хотел бы получить от вас две вещи. Во-первых, мне хотелось бы иметь краткую историю Евангелической Православной Церкви,

последовательно излагающую ваш путь к Православию. Затем, во-вторых, подготовьте для меня сведения о каждом приходе – кто является настоятелем, его образование, количество прихожан, виды деятельности – не больше страницы на один приход.

– Я мог бы это сделать – сказал Джон Браун.

– Сколько вам нужно времени?

– Дайте подумать. Сейчас конец июня. Что вы скажете о Дне труда³?

– Прекрасно. Отправьте бумаги по почте в мой офис в Иглвуде. И приложите к ним экземпляры вашего журнала «Эгейн», книги и другую литературу, издававшуюся ЕПЦ, а также то, что было написано о вас. Мы это тщательно просмотрим и возвратим вам.

Мы встали, чтобы попрощаться. Митрополит крепко пожал мою руку и снова посмотрел мне прямо в глаза.

– Мы не заставим вас долго ждать, – сказал он. Я думаю, что у всех нас троих было одно и то же желание, чтобы в лифте никого больше не оказалось, тогда мы могли бы нажать кнопку «Вестибюль», проследить, как закроются двери и закричать!

– Где были эти люди всю нашу жизнь? – завопил я от восторга.

Мы были слишком возбуждены, чтобы забраться в автомобиль и поехать домой. У нас слишком кружилась голова, чтобы идти куда бы то ни было. Поэтому, мы спустились по лестнице в кафе и заказали ленч. Я не помню больше ничего из того, чтобы было сказано в этот день.

Доклад и две коробки с литературой были отправлены непосредственно перед Днем труда, а позднее осенью я снова посетил офис митрополита. В середине января 1986 года должен был собраться Синод епископов ЕПЦ и митрополит Филипп попросил подготовить наши предложения по процедуре вхождения в Церковь: предполагаемые сроки, как мы собираемся интегрировать свои приходы и органы управления в структуры архиепископии и проблемы, которые мы предвидим. Мы решили, что в конце марта я должен поехать в Иглвуд и обсудить эти предложения.

Уточнение деталей

Когда приблизился март, меня пригласили посетить заседание Национальной Ассоциации Евангеликов (НАЕ) в Канзас Сити. Мне удалось включить в свое расписание эту встречу с тем, чтобы прямо оттуда лететь в Нью-Йорк для дискуссий с митрополитом Филиппом.

На второй день заседаний НАЕ мне передали записку с просьбой позвонить моему секретарю в наш церковный офис в Санта-Барбаре.

– Секретарь митрополита Филиппа, Кэти Мейер, звонила Вам сегодня утром, – сказала Линда Уоллес. – Он и его сотрудники закончили ознакомление со всеми присланными нами материалами, и митрополит хочет посвятить встрече с вами целиком завтрашний день, а не просто час или два. Они просят вас прилететь сегодня вечером.

– Я могу это сделать, – сказал я, – но нужно, чтобы вы перезаказали рейс, забронировали номер в отеле и перезвонили мне. Мы заседаем здесь целый день без перерыва.

– Вам не понадобится бронь в отеле, – сказала Линда. – Митрополит просил вас остановиться в его резиденции.

К тому времени, когда Линда перезвонила с информацией о рейсе, она уже успела сообщить Кэти Мейер, что я прилетаю в десять вечера.

– Помощник митрополита диакон Ханс встретит вас у выхода. Кэти сказала, что вы его легко узнаете, поскольку он выглядит в точности как Омар Шариф!

Диакон Ханс – один из самых приятных людей, которых я когда-либо встречал. Все, кто его знает, говорят то же самое. Он являет собой образец христианского служения, он – целибат, уроженец Ливана, и выпускник Свято-Владимирской семинарии. И он действительно выглядит в точности как Омар Шариф!

Было больше 11 часов вечера, когда мы достигли Иглвуда. Резиденция, которая служит как домом митрополита, так и его епархиальным управлением, представляет собой традиционную постройку тюдоровского стиля в пригородной части Нью-Йорка. Дом спал, когда мы прошли на цыпочках через парадный вход и поднялись вместе с багажом по лестнице в Мою комнату. Дьякон вошел за мной в комнату с моим чемоданом. Я положил свой портфель на кресло, а сумку повесил на обратную сторону двери ванной. Я поблагодарил дьякона Ханса и пожелал ему спокойной ночи, провожая его до двери. В этот момент я увидел митрополита

Филиппа в рясе, спускающегося по лестнице. Он встал, чтобы приветствовать меня в своем доме.

– Епископ Питер, считаю за честь принять Вас у себя, – сказал он, игнорируя мою протянутую руку и обнимая меня. – Господь даровал Вам благополучное путешествие. Вы немного отдохните, а завтра утром мы встретимся внизу в 10 часов.

О. Павел Шнейрла, священник православной церкви Св. Марии в Бруклине, должен был присоединиться к нам на утренней встрече. Он прибыл рано и мы с ним позавтракали вдвоем. О. Павел – бывший лютеранский пастор, который обратился в православие более сорока пяти лет назад и привел за собой много других людей. Ровно к 10:00 митрополит спустился вниз с бумагой в руке.

– Доброе утро, – сказал он. – Я готов ко встрече. Я просил Вас привезти предложения и подготовил свои.

Он вручил мне экземпляр своего текста, а я дал ему наш вариант. Мы стояли в холле, примыкающем к его офису, и просматривали документы друг друга.

– Я вижу, мы двигаемся по одному и тому же пути, – сказал он.

Его уместившиеся на одной странице предложения содержали девять пунктов, очень близких по содержанию к тому, что написали мы.

– Давайте пройдем в столовую, где мы сможем расположиться вокруг стола и побеседовать. Кэти принесет нам кофе.

Столовая размером с небольшой банкетный зал располагалась в задней части дома (здесь каждый год проводятся многочисленные обеды и встречи). В задней стене имелись стеклянные панели и скользящая стеклянная дверь, открывавшаяся в просторный внутренний дворик. Он был окружен огромной лужайкой и бесчисленными деревьями. На дальнем конце длинного стола, находившегося в левой части комнаты, лежали три блокнота и карандаши.

День прошел за разговором – в основном, об обоих вариантах предложений. Поскольку предложения митрополита Филиппа были короче наших, мы использовали их как рабочий вариант и включили в него несколько наших пунктов. К концу дня был составлен следующий документ, с которым все мы были полностью согласны.

Предварительное соглашение между митрополитом Филиппом и епископом Питером Гиллквистом

1. Выражение надежды на полное объединение в обозримом будущем.
2. Объединение потребует некоторого изменения позиций с обеих сторон. Нам будет необходимо решить проблему женатого епископата. Это

решение будет выработано на предстоящей встрече митрополита и Синода Евангелической Православной Церкви.

3. Введение в Антиохийскую архиепископию членов ЕПЦ, выражающих такое желание и отвечающих необходимым требованиям, должно осуществляться через миропомазание и рукоположение.

4. Структура, являющаяся в настоящее время Евангелической Православной Церковью, будет продолжать свою миссию проповеди Православия американской общественности.

5. Подчиняясь митрополиту, эта новая организация будет возглавляться Советом, руководимым его президентом.

6. Митрополит назначит специального сотрудника, который будет осуществлять взаимодействие с управлением ныне существующей Евангелической Православной Церкви. Этот сотрудник будет давать рекомендации, и отвечать на вопросы, которые могут возникнуть у Совета, и после определенного периода его должность будет упразднена.

7. Митрополитом будет сформирована специальная комиссия богословов, к которой Совет будет обращаться за разъяснением богословских и литургических проблем.

8. Новая структура будет соблюдать правила финансовых взаимоотношений, установленные в настоящее время в архиепископии, и будет ежеквартально докладывать в епархиальное управление о своем финансовом положении.

9. Новая структура архиепископии установит внутреннее литургическое единообразие, приемлемое для всех, на основе консультаций с богословской комиссией.

Я должен был представить эту бумагу Синоду ЕПЦ в июне для обсуждения и выработки ответа. Мы прервались на ленч, а затем перешли в гостиную, чтобы закончить переговоры.

– Ваше Высокопреосвященство, у меня есть к вам важная просьба, – сказал я, когда мы сели. – Я думаю, что наши люди согласятся с тем, что мы написали сегодня утром. Но если говорить о вхождении в Антиохийскую архиепископию, очень важно, чтобы все девятнадцать из нас имели возможность встретиться с Вами в скором времени с тем, чтобы услышать Вашу точку зрения на перспективы распространения Православия в Северной Америке и обсудить с вами лицом к лицу некоторые из связанных с этим вопросов. Могли бы мы после нашего июньского Синода, скажем, в конце лета, приехать сюда и провести с Вами день?

– Несомненно, – сказал он без колебаний. – Давайте ориентироваться

на начало сентября.

Наш Синод в июне состоял из пятнадцати, а не девятнадцати человек. Четверо из наших епископов предпочли выйти из ЕПЦ. Их желанием было прекратить любые попытки быть принятыми в Православную Церковь и продолжать строительство ЕПЦ. Мы уговаривали их подождать со своим решением до сентября 1986 года, когда они, по крайней мере, получат возможность поговорить с митрополитом, которого они никогда не видели. Но наши увещания остались безуспешными. Сыграло ли здесь свою роль Константинопольское разочарование? Как бы то ни было, но нам не удалось убедить их приехать.

Пришел сентябрь и вот мы – Синод ЕПЦ – снова собрались на борту самолета, на этот раз направляясь в Нью-Йорк. Мы прибыли на место в четверг вечером – пятнадцать епископов, и еще пятнадцать наблюдателей. Мы взяли напрокат автомобили и поехали в мотель, находящийся совсем рядом с Иглвудом. Наша встреча с митрополитом Филиппом была запланирована на пятницу. В субботу утром мы должны были собраться в церкви Св. Антония в близлежащем Бергенфилде, Нью-Джерси, чтобы служить в присутствии митрополита Филиппа Божественную литургию, которую он должен был увидеть и высказать свое мнение. В воскресенье нам предстояло участвовать в совместном богослужении в церкви Св. Антония, а затем отправиться через Джордж Вашингтон Бридж в Крествуд. Там Синод должен был собраться в полдень в Свято-Владимирской семинарии. Мы предполагали находиться там в течение нескольких дней с тем, чтобы принять решение о вхождении в Церковь.

Встреча с митрополитом

Настроение, с которым мы пришли в пятницу утром на встречу с митрополитом Филиппом, было трезвым. Несколько человек были готовы принять православие. Другие еще немного колебались, выражая опасение быть «проглоченными» – то же чувство, которое уже оттолкнуло некоторых наших людей.

Утро пятницы мы встретили за тем же длинным столом, где трое из нас сидели вместе в Марте. Блокноты и карандаши были снова на месте, на этот раз в количестве двух дюжин. С митрополитом на его конце стола находились Его Высокопреосвященство митрополит Багдадский Константин, Его Преосвященство епископ Аннуциан, викарий митрополита, и о. Джозеф Аллен, главный викарий Антиохийской архиепископии в Северной Америке. Наблюдатели сидели за нами. Кэти Мейер и диакон Ханс снабжали нас кофе.

Митрополит Филипп открыл встречу молитвой и заготовленным заявлением, включавшим следующие замечания:

Мы знакомы в общих чертах с вашим прошлым и вашим поиском пути к полному обретению Святой Православной веры. Мы понимаем, что ваш путь к Православию не был легким ввиду многообразия православных юрисдикции на этом континенте. Я уверен, однако, что Святой Дух, Который всегда присутствует в Церкви, должен, говоря словами службы Пятидесятницы, «вести вас в землю обетованную». Православие, несмотря на юрисдикционную ситуацию в Северной Америке, является вечной истиной Христовой вчера, сегодня и навеки.

Я хотел бы предостеречь вас от поспешных решений, но в то же время, мой братский совет вам – не закоснеть в своем нынешнем состоянии. Какое бы решение вы ни приняли – сейчас или в будущем – примите его вместе единым разумом, единым сердцем и единым духом. Не позволяйте сатане – мастеру лжи и раздора – оказаться среди вас и разрушить ваше единство. Видит Бог, мы имеем достаточно отколовшихся от Церкви религиозных групп в этой стране и достаточно духовной слепоты.

Мы восхищаемся вашим евангельским усердием и глубоко убеждены, что наш Господь умер на кресте и был воскрешен из мертвых, чтобы основать Церковь не для славян, греков или арабов, но для всего человечества. В Нем не существует ни запада, ни востока, ни севера или

юга. *«Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа».*

Именно в этом духе мы приглашаем вас снова в ваш дом. Пусть Всесвятый Дух ведет всех нас к тем делам, которые приятны для Его Святой Церкви.

К концу дня мы тщательно изучили тексты предложений с помощью митрополита и других участников встречи, любезно и терпеливо отвечавших на наши вопросы. В обмене мнениями приняли участие большинство наблюдателей. Субботняя литургия и ее обсуждение также оказались полезными, поскольку мы изучали православное богослужение по книгам и нужно было кое-что уточнить. Прихожане церкви Св. Антония устроили нам после литургии изысканный пир.

Теперь наши отношения вышли на новый уровень. Мы изучали православное христианство в течение пятнадцати лет и взаимодействовали с православными людьми на протяжении десятилетия. Митрополит дал нам больше времени, чем мы просили, ответил на каждый поставленный нами вопрос и предложил быть нашим отцом во Христе. Он готов привести нас в Церковь в течение года, если мы выразим такое желание. Мы вернулись в Свято-Владимирскую семинарию и устроились на ночь. Самое важное в нашей жизни собрание было назначено на 9 часов утра в понедельник. Я отчетливо помню его.

После молитвы я сказал:

– Братя, я никогда в жизни не проводил и не посещал собрания, подобного этому. Поэтому я просто сяду, а вы говорите, как пожелаете.

Хэролд Данавэй выступил первым. Начиная с Константинопольского путешествия, его колебания относительно вхождения в Церковь нарастали. Я предполагал, что его мнение будет отрицательным.

– Джентльмены, у нас нет выбора, – сказал он. – Я говорю «да». Я готов войти.

Он человек немногословный и это могла быть одна из его длинных речей!

Следующим был Уэлдон Харденбрук. Он, также как Хэролд, занимал отрицательную позицию в последний год.

– Я согласен, – сказал он. – Мне понравилось то, что я увидел за этот уикенд.

При положительном мнении этих двух людей дело было решено. Каждый знал это. Собрание закончилось за пять минут, или даже меньше, не считая формального подтверждения остальными своего положительного ответа. Было только одно «может быть» от того, кто хотел

больше времени на размышления, и в течение последующих недель оно превратилось в «нет». Но даже он чувствовал, то мы должны войти в Церковь. Мы обладали в Синоде большинством в четырнадцать голосов, вместе с семнадцатью приходами и почти двумя тысячами людей от Аляски до Атланты.

Я хотел бы сказать, что это был счастливейший день моей жизни, но этот день еще должен был прийти. Несомненно, я был счастлив. Но та часть меня, которая вырабатывает чувства, была перегружена в течение всего уикенда, и ощущение значимости только что происшедшего было притуплено. Мы прервали утреннее заседание перед полуднем и я предполагал пойти к телефону, чтобы позвонить митрополиту Филиппу. Но я встретил друга на факультете Свято-Владимирской семинарии и не успел. К тому времени, как мы закончили ленч, пора было возвращаться на заседания.

Мы закончили работу чуть раньше 4 часов и я быстро покинул помещение, спеша позвонить в Иглвуд. Ответила Кэти Мейер.

– У меня есть кое-какие хорошие новости для митрополита, если он на месте, – сказал я.

– Епископ Питер, благодарю Вас за звонок, – сказал митрополит, взяв трубку.

– Я с радостью сообщаю Вам, что нашим ответом является «да», но мы хотели бы сообщить вам об этом лично. Если мы заедем в 3 часа дня в среду, не могли бы Вы выйти на порог и дать нам благословение? Я имею в виду, самое большее, пять минут.

– Кэти, буду ли я здесь в три часа в среду? – спросил он мимо трубки. Что-то невнятно донеслось из другой комнаты о необходимости уйти с какой-то встречи.

– Я буду счастлив видеть вас. Приезжайте в три.

На следующее утро я сказал своим в начале собрания, что мы должны пообещать друг другу быть краткими в среду.

– Митрополит прерывает что-то для встречи с нами, – сказал я. – Давайте появимся точно вовремя, я скажу «да» от имени нас всех, попросим у него благословение и уедем.

Мы провели за обсуждением дел ЕПЦ весь вторник и утро среды. После ленча в среду мы быстро сели в свои автомобили и за 40 минут доехали до Иглвуда. В 2:55 последняя машина припарковалась к тротуару. На минуту мы собрались на дороге.

– Давайте подойдем вместе по дорожке к ступеням парадного входа. Диакон Говард Шеннон постучит в дверь, а дальше буду действовать я.

Помните, максимум пять минут.

Мы спустились по дорожке и встали вместе у подножья лестницы. Диакон Говард постучал и диакон Ханс подошел к двери, сопровождаемый митрополитом.

– Входите, – сказал митрополит Филипп, жестом приглашая нас внутрь.

– Спасибо, Ваше Высокопреосвященство, но вы заняты, а все, что мы хотим – это сообщить Вам о нашем решении и попросить Вашего...

– Я сказал, входите, – прервал он, может быть, немного взволнованно. – Ханс, ведите их сюда. Проходите, проходите.

Митрополит направился в банкетный зал в задней части дома и мы вынуждены были проследовать за ним. Я взглянул вперед – и не мог поверить своим глазам. Столы были расставлены в форме буквы «П», перекладина которой находилась в передней части комнаты, а палочки шли вдоль стен. Они были покрыты скатертью и уставлены фарфором, серебром, хрусталем и бесчисленными подносами со всевозможными видами восточных кондитерских изделий. Слезы навернулись мне на глаза, когда митрополит жестом предложил нам выбрать места и сесть. Сам митрополит Филипп остался стоять на своем месте в центре.

– Братья, – сказал он, широко улыбаясь. – Добро пожаловать домой!

Кнопка моего счастья, наконец, оказалась нажатой! После благословения каждый приступил к кофе, сладостям и разговору. Но чего-то все же не доставало. Ощущение было такое, что хотелось выбежать на улицу, чтобы танцевать и праздновать. Но люди, которым за тридцать, в воротничках духовных лиц, не танцуют друг с другом (по крайней мере, в православной Церкви). Может быть, нам стоило петь, нанять духовой оркестр или «короновать короля»?

– В чем дело, епископ Питер? – спросил митрополит.

Я сидел прямо через стол напротив него и переполнявшие меня чувства, очевидно, отражались на моем лице.

– Я настолько взволнован, я хочу как-то отпраздновать это событие. Все, что вы сделали, просто чудесно. Но должны же и мы сделать что-то такое, что даст выход этому чувству...

– Ханс, – позвал он, делая диакону знак подойти к столу. – Принесите сигары!

Весь зал взорвался от хохота. Это было именно то, что требовалось в данный момент. Диакон Ханс вернулся в комнату с двумя ящиками огромных импортных сигар. Люди, которые никогда не курили, взяли по одной и зажгли. Это было подобно вскрытию огромного выпускного

клапана. Минуту или около того спустя Кэти вошла в зал с новым кофейником.

– Ваше Высокопреосвященство, – сказала она. – Это выглядит как притон для курения опиума.

Мы снова расхохотались. Мы как будто забыли о своем сани на несколько драгоценных моментов и наслаждались каждой минутой этого состояния.

После того как эмоции смягчились за кофе и десертом, отец Гордон Уолкер задал вопрос:

– Ваше Высокопреосвященство, – начал он. – Многие из нас происходят из среды, которая была очень произраильской. Теперь мы входим в Церковь, которая была принесена в Америку арабскими христианами. Воспользуйтесь минутой, пока эти развращенные люди докуривают свои сигары (у него тоже была в руках сигара, а он их ненавидит) и расскажите нам, какова ваша точка зрения на воссоединение израильской нации.

Можно горько сожалеть о том, что ответ митрополита не был записан на магнитофон. В течение тридцати минут, начав с Авраама в Ветхом Завете, митрополит Филипп дал нам самое волнующее изложение библейского рассказа об израильской и арабской нациях, которое я когда-либо слышал. Он тщательно объяснил разницу между сионизмом, для которого характерны национализм и апартеид, и иудаизмом как уважаемой верой. Я не могу представить евангелического христианина, который не встал бы в очередь и не заплатил за вход, чтобы услышать эту речь. Я ушел с еще большим желанием мира и справедливости на Ближнем Востоке – как для Израиля, так и для палестинцев – чем имел до этого.

– Господь да будет со всеми вами, – сказал митрополит, закончив свой ответ, – и, пожалуйста, передайте мою любовь всем вашим прихожанам. Давайте, используем предстоящий год для того, чтобы лучше узнать друг друга. Будем рассчитывать не позднее следующего лета или, самое позднее, осени начать миропомазание и рукоположение для введения вас в Церковь.

Есть песнопение, которое православные христиане поют на свадьбах, годовщинах и особенно на архиепископских служениях Божественной литургии. Мы выучили это песнопение много лет назад и оно уже стало частью нашей традиции. Когда мы встали, чтобы выйти из-за стола, то, не сговариваясь, повернулись к нашему старшему другу и запели в один голос: «Многая лет, многая лета, многая, многая, многая лета!» Мы пели

во весь голос. Все помещение растворилось в слезах и объятиях. Никогда в жизни я не вкладывал столько значения в слова песнопения!

По дороге к выходу о. Джо Аллен, прибывший во время празднования, взял меня за руку и отвел в сторону.

– Я хочу кое о чем вас попросить. В декабре мы будем праздновать 20-летнюю годовщину служения митрополита в епископском сане. В воскресенье, 9 декабря, будет служить архиерейская литургия в соборе в Бруклине, а за ней последует банкет на острове Статен-Айленд. Не могли бы вы и ваша жена приехать в качестве наших гостей и представителей ЕПЦ?

Нью-йоркский уикенд

Мы решили приехать в Нью-Йорк на два дня раньше, чтобы посетить Рождественскую ярмарку на Манхэттене. За месяц или около того до нашего отъезда, когда я заказывал по телефону билеты на самолет, что-то подсказывало мне позвонить в Бостон нашим друзьям Тому и Лавлейс Говард – узнать, не захотят ли они подъехать на день, чтобы сделать субботние покупки и пообедать с нами вечером. «Подсказывает ли мне эту мысль Господь? – подумал я. – Вряд ли. У Говардов и так больше, чем достаточно дел в это время года». Я заказал билеты и забронировал номер в отеле.

Самолет приземлился в Ла Гардия после обеда, и мы с Мерилин отправились на автобусе в Манхэттен. Было 9:00, когда мы зарегистрировали свое прибытие в отеле – слишком рано, чтобы устраиваться на ночь. Поэтому, мы оделись потеплее и отправились бродить в Рокфеллеровский центр, чтобы посмотреть на конькобежцев и елку, к «Саксу» – взглянуть на анимированные рождественские окна, в собор Св. Патрика, по Пятой авеню к башне Трам и обратно в отель.

Суббота была оставлена для магазинов. Мы решили начать с «Сакса» на Пятой авеню. Выйдя из отеля и направившись вниз по улице, мы наткнулись на Валдорф Астория.

– Давай попробуемся через вестибюль и посмотрим рождественские декорации, – предложил я Мерилин, чувствуя, что мы должны были пройти через вестибюль.

Мы вошли внутрь, поднялись на эскалаторе и спустились вниз через холл. Все декорации были вывешены и выглядели красиво. Мы провели некоторое время, дрейфуя из одного конца в другой, пока не вышли на улицу. Толпа снаружи была уплотнена до предела – локоть к локтю, плечо к плечу. Я посмотрел вперед в направлении угла и вдруг увидел протискивающихся вниз по тротуару Тома и Лавлейс Говард и их сына Чарльза! Это казалось еще одним символическим событием в нашем путешествии. «Господь прямым путем привел меня...» ([Быт. 24:27](#)). Мы все вошли снова в Валдорф, все еще не веря этой случайной встрече после того, как мы несколько лет не видели друг друга и назначили время для обеда в этот вечер.

Воскресное утро настало очень быстро. Мы взяли такси до собора и прибыли туда точно к девяти. Православные христиане собрались

со всей страны, и миряне, и духовенство, включая митрополита Феодосия и архиепископа Иакова. С проповедью на литургии выступил о. Павел Шнейрла. После службы о. Энтони Габриэл из Монреаля отвез нас на праздничный банкет. В течение нескольких часов мы пировали, чувствуя человека, которого нам скоро предстояло называть «Сайдна» – почтительное арабское слово, означающее «господин». Понедельник мы провели с друзьями в Свято-Владимирской семинарии, а на вторник мы с Мерилин, согласно предварительной договоренности, должны были встретиться с митрополитом Филиппом, чтобы кратко проинформировать его о нашем продвижении за последние три месяца.

Программа вторника состояла из двух частей: ленч и «Сюрприз». Ибо в дополнение к красивому медному подносу с Ближнего Востока сайдна Филипп приготовил для нас еще один рождественский подарок.

– Как дела у людей в ЕПЦ, – спросил он, когда мы собрались в гостиной после ленча. – Готовы ли они быть приведенными в Церковь?

– Они готовы, – заверил я его, предполагая, что он может предложить начать миропомазание и рукоположение на съезде Североамериканской архиепископии в Детройте следующим летом.

– Хорошо! Я буду в Калифорнии в начале февраля и мы начнем миропомазание и рукоположение 8 февраля в церкви Св. Михаила в Ван-Нуйсе, – ответил он без колебаний.

8 февраля! Это через два месяца. Год был сокращен до пяти месяцев. Я думаю, что сказал: «Это будет захватывающе», или что-то вроде этого. Через два месяца около двух тысяч евангелических пилигримов завершат свое путешествие к православному христианству.

– Кэти, принеси сюда календарь. Мы начинаем миропомазание евангелических православных в феврале, – крикнул он своему секретарю в соседнюю комнату.

Оставшуюся часть времени после полудня мы составляли расписание. В Лос-Анджелесском регионе большинство членов ЕПЦ должны быть миропомазаны, а духовенство рукоположено в диаконов 8 февраля. В следующее воскресенье в соборе Св. Николая будет миропомазана остальная часть мирян Лос-Анджелесского региона, а диаконы будут рукоположены в священников. Оттуда митрополит Филипп отправится вверх по побережью и повторит тот же процесс в Санта-Круз, а затем, на следующий уикенд, – в Нэшвилле.

Епископ Антуан подключится в середине марта, чтобы ввести в Церковь наши приходы в Джексоне, Мемфисе, Бэри, Индиане, а также три прихода в Канаде. В конце концов, митрополит должен был полететь в

Анкоридж и Сиэтл, чтобы завершить процесс к началу апреля.

– Таким образом, к Пасхе ЕПЦ в полном составе перейдет в Святое Православие, – улыбнулся митрополит. – Друг мой, Питер, ваше путешествие почти окончено – или, я бы сказал, оно только начинается.

Попрощавшись, мы пожелали друг другу счастливого Рождества. В этом году было так много поводов для благодарности. И год 1987 обещал быть еще лучше.

Во время полета домой на следующий день я составил список людей, которым необходимо было позвонить. У семнадцати приходов было в распоряжении два месяца, чтобы окончательно подготовиться к встрече одного из наших новых епископов. Знакомство подходило к концу, приближалась свадьба.

12. На пути в третье тысячелетие

Диакон Ханс выразился лучше всех.

– Каждая из этих служб миропомазания и рукоположения подобна небольшой Пятидесятнице, – заметил он во время Божественной литургии в Нэшвилле, когда люди выходили вперед, чтобы в первый раз причаститься в качестве православных христиан.

Служба в соборе Св. Михаила в Ван-Нуйсе двумя неделями раньше продолжалась около четыре часов, в течение которых более двухсот прихожан были миропомазаны и много человек рукоположены в диаконы. На самом деле, толпа была настолько огромной, что пришлось снять все стеклянные панели в западной части храма и растянуть огромный взятый напрокат тент, чтобы вместить всех собравшихся. – Это выглядит как возрождение Пятидесятницы, – сказал я отцу Джону Бартке перед началом службы.

В классическом смысле этого термина, так оно и было.

Первым, кого я встретил, когда мы вошли в церковь этим февральским утром, была Ульяна Шмеман, жена покойного о. Александра Шмемана. Она проделала весь путь от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса, чтобы стать свидетельницей этого события. Ее присутствие было огромной радостью для каждого из нас и мне трудно выразить ей свою признательность за приезд.

Все мы, и духовенство, и миряне ЕПЦ были миропомазаны в начале службы. Затем, во время самой литургии, состоялось рукоположение диаконов – митрополит возложил руки на каждого в отдельности. Новые калифорнийские приходы были представлены: Св. Варнавы, Хантингтон, – о. Уэйном Уилсоном; Св. Афанасия, Санта-Барбара, – о. Ричардом Бэлью; Св. Тимофея, Ломпос, – о. Дэвидом Оганом; Св. Афанасия, Сакраменто, – о. Томасом Рэнфри, и из Невады, Св. Иакова, Рено, – о. Тимоти Мак-Коем.

Хотя в Новом Завете и на протяжении большей части истории Церкви имели место одновременные рукоположения нескольких человек, позднее в Православии вошло в обычай рукоположение во время службы только одного диакона или пресвитера. Но нас было так много, что обычай уступил место традиции и митрополит Филипп, подобно апостолу Павлу, «возложил на них руки» ([Деян. 19:6](#)), низводя благодать Святого Духа.

Молитва, которой епископ молится за каждого нового диакона включает такие слова:

Дажь ему любити благолепие дому Твоего, предстояти дверем храма святого Твоего, возжигати светильник селения славы Твоея, и насади его во святей Твоей Церкви яко маслину плодовицу, плодоносяща плод правды, и совершенна покажи раба Твоего, во время пришествия Твоего, благо угодивших Тебе воспряти воздаяние.

Мы входили в святую чреду диаконов, начавшуюся с семи человек, включая Св. Стефана, первомученика за Иисуса Христа в новорожденной Церкви.

В то утро в соборе Св. Михаила отсутствовал один человек. Пегги Томас находилась в Санта-Барбаре, выдерживая битву с раком, находящимся в последней стадии. Она была слишком больна, чтобы приехать. Ее семья была миропомазана, а ее муж, Стив, рукоположен этим утром в ее отсутствие.

– Она должна принять миропомазание на следующей неделе, – сказал он, когда мы вышли из храма. – Молитесь за нее.

После службы прихожане собора Св. Михаила устроили нам настоящий пир. Это был один из нескольких раз, когда я готов был допустить, что частичной причиной моего перехода в Православие была пицца!

Следующее воскресенье принесло новые миропомазания и рукоположения диаконов в священники в соборе Св. Николая в Лос-Анджелесе, где настоятелем является о. Павел Роили. С нами был епископ Питтсбургский Максим, а также епископ Японский Серафим, который в свое время, будучи евангелическим протестантом, закончил Ньюк Байбл колледж. Вдобавок к этому, около двадцати православных священников приехали со всех концов Северной Америки. Прихожане Собора, множество друзей и родителей, включая моих собственных, находились здесь же, чтобы стать свидетелями этого славного события.

Это была еще одна Пятидесятница. Радость о Господе наполняла Его храм. В то время как священники рукополагались один за другим, митрополит Филипп молился:

Божественная благодать, всегда немощная врачующи, и оскудевающая восполняющи, пророчествует ... благоговейнейшего диакона во пресвитера.

Я знал, что с того момента, когда должны быть сказаны эти слова, я буду полагаться на благодать, которая восполняет все недостающее, всю оставшуюся часть моей жизни и служения. Господь воистину избирает немудрых мира сего, чтобы посрамить разумных.

На последовавшем за службой банкете выступил епископ Максим. Он

поблагодарил Бога за Его неизменную поддержку нас, в нашем странствовании, а митрополита – в его смелости и решимости в открытии нам двери в Церковь. Я с радостью воспользовался возможностью представить своих родителей этим двум Божиим избранникам, которые приняли нас так великодушно.

Выйдя на улицу из задней двери собора, чтобы пройти к своему автомобилю, я заметил фургон припаркованный поблизости к тротуару. Задвижная дверь с его боковой стороны была открыта, и я заглянул внутрь, проходя мимо. Там, отдыхая и улыбаясь до ушей, находилась Пэгги Томас.

– Я сделала это! – сказала она. – Это было моей целью – стать православной.

Всего месяц спустя митрополит Филипп написал о. Стиву Томасу такое письмо:

Мы только что с глубокой скорбью узнали об успении во Христе Вашей возлюбленной жены. Пэгги. Пусть Всемогущий Господь примет ее в Своих святых обителях, где лица святых сияют подобно звездам на небесах. За пределами этого мира страдания и слез Христос пообещал нам другой мир, где нет ни болезни, ни печали, ни боли. Нашим утешением служит то, что рано или поздно мы соединимся с теми, кого мы любили, за покровом этого временного существования.

К другим приходам

Каждый приход, хотя и имеет одного Господа, одну веру и одну надежду, обладает вместе с тем индивидуальными особенностями. В православной церкви Св. Петра и Павла, расположенной в непосредственной близости от Санта-Круз и возглавляемой о. Уэлдоном Харденбруком, такой индивидуальной чертой является энтузиазм. Он проявляется в молитве священников и пении прихожан во время службы. Митрополит Филипп миропомазал более пятисот человек в этом приходе всего через три дня после воскресного торжества в соборе Св. Николая. Я искренне допускал, что небеса могут раскрыться и принять всех нас, когда собрание верующих встало, чтобы спеть многолетие митрополиту.

На следующий день мы поднялись на борт самолета, следующего рейсом в Нэшвилл, имея целью ввести в Церковь прихожан и духовенство церковью Святой Троицы, возглавляемой о. Гордоном Уолкером и Св. Стефана, руководимой о. Эндрю Муром.

В следующем месяце, марте 1987 года, наши приходы, включающие Св. Петра в Джексопе, Миссисипи; Св. Иоанна в Мемфисе и святого Воскресения в Тэрри, Индиана, принимали епископа Антуана в течение двух уикендов и испытали те же исполненные Духа радость и веселие, что и другие. Еще три епископа ЕПЦ – Кларк Хендерсон, Дейл Отрей и Грегори Роджерс, пасторы этих приходов, стали священниками. Позднее в том же месяце епископ полетел в Саскатун в центральной Канаде, чтобы миропомазать местных верующих и рукоположить духовенство. К концу месяца приход о. Даниэла Матесона, Святая Епифания, в Оттаве; Св. Викентия в Саскатуне, руководимый о. Бернардом Функом и Св. Андрея в близлежащем Бордене, возглавляемый о. Ларри Рейнемейером, стали православными.

Две последние остановки были сделаны в начале апреля: в Анкоридже, Аляска, для введения в Церковь прихода Св. Иоанна в пригороде Игл-Ривер, руководимого о. Хэролдом Данавэем, и, наконец, в Сиэтле, штат Вашингтон, для объединения с Церковью прихода о. Джозефа Коуплонда при храме Святого Креста в Якиме, а также Св. Павла в Сиэтле, ранее управлявшегося о. Кеннетом Бервеном и о. Мелвином Джимакой, а ныне – о. Дэвидом Андерсоном.

Я должен был встретить митрополита Филиппа в первую среду апреля в Анкоридже. Кэти Мейер позвонила за несколько дней до этого с

сообщением, что авиа-агентство вынуждено было запланировать его прилет на вторник. О. Хэролд встретил его и диакона Ханса в аэропорту и отвез в общину на Игл-Ривер.

– Когда Сайдна Филипп вошел в Церковь, – рассказал мне о. Хэролд на следующий день, – он сказал: «Это собор».

В тот вечер по просьбе митрополита было созвано собрание прихода и церковь освящена как собор Св. Иоанна Богослова. Люди стояли безмолвно. Они спроектировали и построили церковь три года назад своими собственными руками. И она стала православной на день раньше их!

На второй день, сразу после ленча, восемь из нас, включая митрополита, были приглашены совершить двухчасовой экскурсионный полет над горой Мак-Кинли и несколькими ледниками. Мы прибыли в назначенное время в аэропорт, чтобы сесть на борт самолета, но тот так и не прилетел. Самолет потерпел аварию в то утро, и двое пилотов трагически погибли. Мы решили совершить путешествие на следующий день, зная, что наша жизнь – в руках Божиих.

– Это самый прекрасный полет, который я когда-либо совершал, – заметил митрополит, когда мы приблизились к величественной горе Мак-Кинли.

Пятница застала нас на пути в Сиэтл. Там ощущалась та же радость, и, несмотря на усталость, было грустно, что праздничные мероприятия закончились.

– Мне будет не хватать столь частых встреч с вами, – сказал я диакону Хансу, когда мы прощались в аэропорту.

Национальный съезд

В следующее лето митрополит публично приветствовал нас в Детройте на Национальном Съезде.

– Дамы и господа, мы празднуем в этом году событие, происшедшее не в отдаленном прошлом, а всего несколько месяцев назад, – начал он.

Он рассказал о нашей первой встрече с патриархом в Лос-Анджелесе, а затем перешел к встрече с Синодом ЕПЦ 5 сентября 1986 года.

– После четырех часов интенсивных богословских обсуждений, случилось нечто, чего я никогда не забуду. Епископ Гордон Уолкер из Теннесси не выдержал и со слезами на глазах сказал нам: «Братья, мы стучались в двери Православия десять лет, но тщетно. Сейчас мы пришли к вашему порогу, ища Святой Кафолической и Апостольской веры. Если и вы не примите нас, куда нам идти?»

– Я был глубоко тронут и взволнован искренностью епископа Уолкера и, начиная с этого момента у меня не было никаких сомнений в том, что такой диалог, очищенный слезами, будет увенчан небесной радостью.

Позднее в своем выступлении митрополит рассказал о тех чувствах, которые вызвали у него североамериканские службы миропомазания.

– Мне трудно найти слова, чтобы описать вам ту радость, которую я испытал, когда миропомазывал маленьких детей евангелических православных. Каждое впечатление, которое я получил, было подобно главе из книги Деяний. Я чувствовал, как будто Церковь возвращала свой апостольский дух и вновь обретала свое миссионерское измерение.

– Среди некоторых православных существует ошибочное мнение, что Православная Церковь не занимается прозелитизмом. Это крайне далеко от истины. Вы можете представить, где находилась бы Церковь, если бы Петр и Павел, Филипп и Андрей и другие апостолы не занимались прозелитизмом? В чем Америка нуждается сегодня, особенно после краха электронной проповеди, так это в православном евангелизме, основанном на подлинном толковании Писания, учения Апостолов и святых отцов в литургической и сакраментальной жизни Церкви.

– Еще раз из глубины своего сердца я говорю евангелическим православным: Добро пожаловать домой!

Начало

Орден Св. Игнатия – это состоящая из восьмисот человек группа поддержки в структуре Антиохийской архиепископии, которая осуществляет специальные проекты. Один из них – двадцатидвухминутная видеопрезентация под названием «Добро пожаловать домой!», в которой заснято на пленку вхождение ЕПЦ в Православную Церковь. В конце фильма, когда вы ожидаете увидеть на экране «Конец», вместо него появляется слово «Начало». Я считаю это слово пророческим.

В течение нескольких месяцев после нашего приема в Православную Церковь еще сотни людей пришли к Православию. Новые миссии начали свое существование в нескольких американских городах – таких местах, как Фарго, Северная Дакота; Солт Лейк Сити, Юта; Ист Лансинг, Мичиган; Блумингстон, Индиана; Бивер фоллз, Пенсильвания и Витон, Иллинойс. В дополнение к этому, стали поступать запросы, иногда по несколько в один день, от пасторов, любящих Христа и Его Церковь и ищущих полноты Православного богослужения и веры.

Многие из них – это евангелические протестанты, которые рассматривали православие в течение многих лет, но считали его слишком этническим для себя. Другие – протестанты, римо-католики, благочестивые люди, разочарованные тем, что каждый раз, когда они оборачиваются вокруг, почва под их ногами оказывается поколебленной. Они ищут вероучительные, литургические и экклезиологические корни.

Интерес к православию проявлялся также в кампусах христианских колледжей и семинарий. Мы получали предложения выступить там, часто при поддержке администрации. Школы, которые двадцать лет назад не задумываясь, отвергли бы православного священника – и я сам в этом участвовал – сегодня вторично, более внимательно, всматриваются в эту древнюю веру. Почему?

В последней книге Ветхого Завета – собственно, это последний стих Ветхого Завета – было сделано вдохновенное пророчество. Бог пообещал, что Он «обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их» ([Мал. 4:6](#)). Народ Божий разделяет общее неутолимое желание найти основателей своей веры, Церковь, которую Иисус Христос основал через Своих Апостолов и отцов Церкви. Малахия говорит нам, что это произойдет перед «наступлением дня Господня, великого и страшного» ([Мал. 4:5](#)).

Когда Воплотившийся Бог Господь наш Иисус Христос пришел на землю в первый раз, именно люди, всерьез воспринимавшие Закон и Пророков, узнали Его и последовали за Ним. Как это будет в Его второе пришествие – узнаем ли мы Его? Будем ли мы готовы? Иисус предупреждает, что некоторые, считающие себя подготовленными, на самом деле таковыми не являются.

Сегодня значительная часть христианства раздроблена. Огромное количество людей, считающих себя христианами в той или иной степени, оставили веру. Верующие осиротели и оторваны от своих корней. Но, несмотря на всю трагичность положения, помните, что Бог использует даже гнев человека для Своего прославления. Ибо наше вероотступничество вызывает жажду полноты новозаветной веры, новой жизни во Христе, поклонения Святой Троице и самой Церкви.

Чего хотим мы, православные христиане? Что является нашей мечтой, нашим желанием? Просто следующего: мы хотим быть настоящей Церковью для всех всерьез преданных своей идее христиан в англоязычном мире. Христиане в Северной Америке, например, имеют возможность решать, хотят ли они быть римо-католиками, баптистами, лютеранами, пресвитерианами, методистами или даже независимыми. Очень мало у кого был шанс решать, хотят ли они быть православными. Мы хотим сделать выбор возможным и убедить людей стать частью подлинной Церкви Иисуса Христа.

В книге Откровения Иисус неоднократно говорит: «Кто имеет уши слышать, да слышит, что Дух говорит Церквам!» Я думаю, что в эти дни Святой Дух обращается с призывом к народу Божьему: «Дети, вернитесь домой к вере ваших отцов, к вашим корням в христианстве, к зеленым пастбищам и спокойным водам Церкви, которая выдержала испытание временем». До принятия православия у нас не было подлинного Спасителя, хотя мы пришли к лучшему знанию Его, вместе с Богом Отцом и Богом Святым Духом. У нас была подлинная Библия, которую нам также удалось постигнуть глубже. Но мы просмотрели огромный недостающий фактор – подлинную Церковь. Дух и Невеста поманили нас, и мы с радостью пришли к Ним.

Вот то сокровище, которое мы нашли. И мы не осмеливаемся его скрывать.

О. Джеймс Мина был прав в тот день в соборе Св. Николая. Наши отцы приняли эту православно-христианскую веру и принесли ее в Америку. Теперь наш черед привести Америку – и Запад – к Православному христианству. Вперед к третьему тысячелетию!

Эпилог

Шесть лет спустя

Ноябрь 1992 года

В это трудно поверить, но к моменту написания этих строк пролетело почти шесть лет с тех пор, как происходили события, описанные на предшествующих страницах.

Когда митрополит Филипп миропомазал нас в 1987 году, назвав нашу группу бывших лютеран, пятидесятников, баптистов, независимых и представителей прочих конфессий Антиохийской евангелической православной миссией (АЕПМ)», он дал нам особое поручение – принести полноту православной веры той огромной части Северной Америки, которая никогда прежде не удостоивала эту веру даже беглого взгляда.

Я по-прежнему хорошо помню набор поразительно различных посланий, приходивших к нам от всех частей христианства по мере того, как мы начали сближаться с Антиохийской церковью. Некоторые приглашали нас домой, и готовили торжественную встречу. Другие всеми силами старались нас отговорить, предупреждая о неминуемых бедствиях.

Можно предположить, что христиане, осознающие историческую реальность Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, подбадривали нас, захваченные перспективой устранения хотя бы еще одного разделения в христианстве. Однако другие, с независимым религиозным уклоном, предупреждали, что мы атрофируемся и потеряем остроту своего евангелизма. Даже некоторые православные предостерегали нас от поглощения этнической культурой.

Те, кто принимал участие в нашем путешествии, и те, кто читал рассказ о нем, вспомнят, что вхождение бывшей ЕПЦ в Антиохийскую православную церковь было серией радостных, славных и святых евхаристических литургий, проведенных в течение двух месяцев в семи различных североамериканских городах – от Лос-Анджелеса до Нэшвилла, от Бри до Анкориджа. В ходе этих мероприятий в Церковь было введено в общей сложности семнадцать приходов.

Новые отношения с Антиохийской церковью начались на ноте великой надежды.

Это самый яркий момент в моей жизни, – сказал митрополит Филипп в интервью. – Я вложил так много надежд в АЕПМ.

Но оправдались ли эти надежды?

Новые православные миссии

Работа АЕПМ в прошедшие шесть лет состояла в поиске путей для выполнения задания, возложенного на нас митрополитом Филиппом. Мы постарались донести свою веру до неправославных – как христиан, так и неверующих – через проповедь, обучение и литературу, и в православную церковь стали входить уже существующие христианские общины. В каждом случае пастор разыскивал нас и устанавливал контакт. Невероятное число пасторов просили информацию о том, как войти в православную Церковь. Большинство из них в своем стремлении стать православными руководствовались теми же причинами, что и мы.

Исходя из своего огромного опыта в евангелизме и работе в кампусах, мы старались везде, где возможно, познакомить протестантов и студентов колледжей с православием. В Чикаго, например, мы решили основать миссию около Витон колледжа. Эта школа любезно согласилась сдать нам комнату в Пирс Чепл, и мы предприняли попытку передачи православной веры студентам-протестантам. Из этой попытки выросла Миссия Преображения Господня в Витоне. Бывшая независимая протестантская община около Ист Лансинг, принявшая Православие и носящая теперь имя Св. Иакова, создала свой филиал на территории кампуса в штате Мичиган.

Значительное количество запросов поступило недавно от епископального духовенства, мирян и приходов, ищущих утешения в неизменной вере православной Церкви. В дополнение к отдельным людям и семьям, пришли также священники и части их паствы, включая два прихода в Дэнвере, Колорадо, и по одному в Форт Ворт, Техас, и в пригороде Миллуоки, Висконсин.

В общей сложности пятнадцать приходов начали свое существование в составе миссии с 1987 года, почти удвоив число «обращенных общин». Другие пятнадцать, или около того, делают приготовления, чтобы присоединиться в следующем году.

Печатные издания

За прошедшие пять лет мы смогли издать некоторое количество книг и статей, которые вызвали неожиданно сильный отклик у читателей. О. Джек Спаркс дополнил примечаниями для протестантов недавно переизданный прекрасный перевод «Апостольских мужей» (издатель – Роберт М. Грант). Эта книга познакомила многих людей с ранней Церковью. «Божественная энергия» Джона Брауна и первое издание «Пути к православию» пробудили новый интерес к этой древней вере. Книга «Возвращение домой: почему протестантское духовенство становится православным» рассказывает историю восемнадцати пасторов, перешедших за последние годы в православие. Круг читателей нашего журнала «Эгейн» продолжает расширяться как здесь в Северной Америке, так и в небольшом, но постоянно растущем числе заокеанских стран.

Вскоре после нашего вхождения в Церковь центральные периодические издания стали задаваться вопросом – не наблюдается ли в Америке движения к Православию? Появились статьи в «Лос-Анджелес Тайме» и «Атлантик Мансли». Некоторое время спустя в «Ю.С. Ньюз энд Уорлд Репорт» было опубликовано интервью, а еще через год – статья о православном христианстве. Несколько христианских журналов, в основном евангелического и харизматического толка – включая «Фэйс энд Реньюэл» и «Кристиэнити тудэй» представили очень положительные статьи и интервью.

За несколько лет до пятой годовщины нашего пребывания в православной Церкви Дэвид Хейм, исполнительный издатель «Крисчен Сэнчури», попросил меня написать небольшой материал о нашем пятилетнем опыте. Поскольку я вышел из консервативного крыла протестантизма, мне было интересно посмотреть на отклик читателей. Статья, опубликованная в марте 1992 года, принесла самый большой объем почты, который я когда-либо получал от какого-нибудь журнала. Большинство корреспондентов были обыкновенными христианскими пасторами из основных деноминаций, желавшими узнать, найдется ли для них место в православии.

Я обнаружил еще одну интересную вещь, относящуюся к «Крисчен Сенчури». В тот день, когда я привез свою статью – это было в январе 1992 года – о. Билл Калдарони, наш священник в Витоне, и я были приглашены присоединиться к персоналу издательства для завтрака и беседы. По

дороге в комнату, где мы должны были собраться, я обратил внимание на целую серию ящиков, поставленных друг на друга у стены – штук около тридцати. Мне бросились в глаза несколько первых названий: пресвитерианский, методистский, иудейский, римо-католический... Я сразу прекратил чтение и повернулся к о. Биллу.

– Видишь эти ящики? В них складывают пакеты с религиозной периодикой и выпуски новостей, поступающие в издательство. Готов поспорить, что ящика со словом «православие» там не окажется.

Мы поискали и самым подходящим, что удалось найти на букву «П» оказалось «прочие».

Поддавив краткую вспышку гнева на журнал за «игнорирование нас», я ясно осознал причину отсутствия нашего ящика. Мы, православные, хуже, чем, возможно, любая другая религиозная организация в Америке, работаем над установлением контактов с теми, кто находится вне нашей церкви. И поэтому православие, к нашему стыду, является самым строго хранимым секретом Америки.

В начале 1993 года Томас Нильсон опубликует первый том издания «Православные изучают Библию» (Новый Завет и Псалтырь), который мы готовили в течение трех лет совместно со многими православными учеными и богословами из разных стран. Мы надеемся, что этот труд, написанный простым языком, с пространными комментариями, привлечет православных христиан к серьезному изучению Библии, а другим поможет познакомиться с православием «стих за стихом».

Попытки миссионерской деятельности

В 1988 году мы начали проводить ежегодные конференции по православной миссионерской деятельности. Насколько мне известно, это были первые православные мероприятия такого рода, судя по тому, что для обучения приехали несколько сот священников и мирян – как православных, так и представителей иных конфессий. В результате возникло несколько новых миссий и стремление к миссионерской деятельности со стороны православных христиан заметно растет.

О. Джозеф Фестер, который отвечает за миссионерскую деятельность в Американской православной церкви (АПЦ), принял участие в конференции 1990 года, и благодаря его энтузиазму АПЦ стала одним из спонсоров этого мероприятия в 1991 году. Мистер Джек Хилл из американской епархии Греческой православной церкви в том же году выполнял роль наблюдателя, и в результате греческая епархия стала спонсором конференции 1992 года. Наша радость от этого нового проявления православного единства еще более усилилась, когда архиепископ Иаков назначил своим представителем на конференции епископа Максима. Таким образом, возникло еще более тесное единение между АПЦ, греческими православными и нами. Конференция не только постоянно повышает свою эффективность, но и выросла из мероприятия Антиохийской церкви во всеамериканское православное движение.

В ходе совещаний с митрополитом Филиппом по вопросам стратегии нашей деятельности мы в АЕПМ поставили своей целью создать 500 новых православных приходов в Северной Америке к 2000 году.

Между тем в русле нашей миссионерской деятельности нам представилась возможность проповедовать Евангелие весьма драматичным образом. В августе 1992 года четверо перешедших в православие священников были приглашены в двухнедельную миссионерскую поездку по Румынии. О. Грегори Роджерс, о. Джон Ривс и Роман Брага в качестве переводчика составили одну команду, о. Дэвид Оган, переводчик Дэн Сусиу и я – другую. Мы проповедовали перед аудиториями, размер которых колебался от нескольких сот до 100000 человек. Тот факт, что мы были американцами и относительно новыми новичками в православии, оказался огромным преимуществом. Многие, включая нас самих, почувствовали обновленную решимость посвятить себя Иисусу Христу, и нам всем очень хотелось бы вернуться в Румынию.

Открытие богослужения и духовной жизни

Если говорить только о себе – хотя я подозреваю, что моя ситуация в 80-е годы была характерна для многих из нас – я пришел к православию не потому, что почувствовал новый потенциал для духовной жизни. Причиной моего перехода явилась убежденность, основанная на библейских и исторических фактах, в правильности и истинности учения Церкви. И лишь со временем я осознал подлинную духовную глубину православной веры.

В 1950 году А.В.Тозер, преподававший в Библейском институте в Чикаго, выступил с проповедью, оказавшейся столь достопамятной, что она была издана в виде брошюры и переиздается до сих пор. Она называлась «Потерянное сокровище протестантизма», которое автор определил как подлинное богослужение. К сожалению, это сокровище не найдено до сих пор.

В течение двух десятилетий моей жизни я оценивал богослужения в таких категориях: Захватывает ли оно меня? Вселяет ли оно энергию? Является ли оно свежим и творческим? Отвечает ли оно моим потребностям? Однако по мере того как мы изучали корни христианского богослужения, начиная с Ветхого Завета, мы не находили подобных критериев оценки. Вместо этого мы сталкивались с такими вопросами: Совершается ли оно в Духе и Истине? Имеет ли оно прообраз на небесах? Прославляет ли оно Бога? Я воспринял литургическое и сакраментальное богослужение не из-за его живости или исступленной восторженности, но потому что оно истинно. Это было похоже на возвращение в забытый дом.

Реальность этого богослужения открыла нам дверь к присутствующей в нем полноте спасения. Оно принесло нашим людям ощущение целостности, которого они прежде не имели. Совместное служение в качестве коллективного священства, евхаристическая общность являлись аспектами спасения, пропущенными нами ранее. И это «сладостное мистическое общение с пребывающими в заслуженном покое» привносит в духовную жизнь элемент, не поддающийся описанию. Я знал эти слова наизусть, но совершенно не понимал их значения. Сейчас я знакомлюсь со святыми прежних времен не просто как с именами, которые должно помнить, но как с дорогими друзьями.

Чем дальше мы подвигались по нашему пути, и чем больше изучали по книгам и на собственном опыте православную духовность, тем больше

мы учились ценить ее несравненную глубину и красоту. Почва тут богата и плодородна; и достаточно места, чтобы пустить корни и возрастать в течение всей жизни.

Конечно, мы еще новички в этой области, мы совершали ошибки по мере продвижения, и нам еще предстоит много совершенствоваться. Вы просто не можете достичь духовной зрелости за один день или даже за шесть лет. Но даже когда мы делали свои первые неверные шаги, впечатление баланса дисциплины и свободы, физической реальности и мистического опыта, и в особенности замечательного акцента на молитве, как ежедневном и ежечасном образе жизни, было поистине благословенным.

Наконец, необходимо сказать об отношении к Священному Писанию. Хотя я старался этого избежать, но изучение Библии было для меня в значительной мере самоцелью, а не средством познания Бога и возрастания в общении с Ним. С моим рационалистическим уклоном было очень легко рассматривать Библию как мертвое тело, которое должно быть распростерто, рассечено на части и проанализировано.

Самым поразительным открытием для меня стало то, что в православии Писание используется литургически. Например, мы молимся псалмами, а не просто читаем или изучаем их. Мы путешествуем с Иисусом Христом через Евангелия, соучаствуем в драме спасения, привязанной к годовому циклу церковного богослужения. Библия является книгой Церкви, а не отдельной личности. Часто церковная жизнь заставляет меня возвращаться к библейскому тексту и вдумываться в стихи, прежде не привлекавшие моего внимания. Существует православное понимание Писания, которое я, честно говоря, только начинаю постигать.

Впечатления от пребывания в «этнической» церкви

Как Руфь Моавитянка поняла еще 3000 лет назад, для того, чтобы следовать за Богом, необходимо стать частью Его народа. Поэтому и мы соединились с этими удивительными восточными людьми, принявшими нас в православную веру.

Одной из особенностей при переходе американцев в православие является опасение – причем, я думаю, с обеих сторон, – что одна из культур растворится в другой. Об этом предпочитают не говорить, поскольку даже упоминание данного предмета неявно подразумевает расизм.

Однако по мере приближения дня соединения вы время от времени слышите с нашей стороны выражаемые вслух опасения: «Я надеюсь, они не попытаются сделать из нас арабов!» В то же время, представители другой культуры неоднократно задавали вопрос: «Что, если они попробуют сделать Церковь протестантской?»

В жизни мало вещей, которые оказываются лучше, чем вы ожидаете, и наш прием в Антиохийскую церковь стал одной из них. Я не скажу, что не было и нет барьеров и препятствий, которые приходилось преодолевать. Однако можно с уверенностью сказать, что соединение двух культур оказалось успешным. Различия в стиле, темпераменте и традиции органично вписались в одно целое, порождая взаимное уважение. В некоторых случаях наше общение приобретало юмористический характер.

Однажды мне потребовалось позвонить маститому антиохийскому священнику в Нью-Йорк. К телефону подошел его сын-подросток. Когда я попросил позвать отца, он сказал, что того нет дома. – А кто ему звонит? – спросил он.

– Я отец Питер Гиллквист, – ответил я.

– А, так вы тот, кто кричит, когда проповедует! – прокомментировал молодой человек.

Что ж, он попал в точку. Хотя моя проповедь православна, я по-прежнему произношу ее как евангелик. Честно говоря, я отношусь к своему православию с таким энтузиазмом, что, возможно, никогда не смогу приспособиться к тональности традиционной восточной проповеди. И я подозреваю, что Св. Иоанну Златоусту это также не удавалось.

С течением времени мы привыкли к внешним различиям в наших

культурах и опытно познали, что во Христе «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» ([Кол. 3:11](#)). Как Его духовные дети мы можем скорее ценить наши различия, нежели опасаться их. На протяжении этих шести лет мы вместе смеялись, вместе работали, иногда вместе набивали шишки. И во всех этих событиях мы научились по-настоящему любить друг друга как братьев и сестер во Христе.

Несмотря на сказанное, остаются серьезные проблемы. Я задаюсь вопросом: почему получается так, что люди в каком-нибудь Североамериканском приходе могут читать газету, торговать ценными бумагами, заказывать Биг Мак на английском, и в то же время настаивать на том, чтобы воскресная служба совершалась на греческом, славянском или арабском – особенно если их дети не могут понять из нее ни слова. Или, почему у нас в одном городе оказывается три православных епископа, каждый из которых представляет свою юрисдикцию. Как в такой ситуации мы можем эффективно и широко распространять эту древнюю веру в современной секуляризованной Америке?

Имя задачам, которые предстоит решить – легион. Но после пребывания в нашем новом православном доме с 1987 года мы испытываем чувства большие, чем благодарность.

Почему мы стали православными

Вопросы, которые мне периодически задают во время поездок и встреч с неправославными христианами по всему Североамериканскому континенту таковы:

– Что окончательно подтолкнуло вас к этому шагу?

– Что, в конечном счете, побудило вас оставить протестантский мир позади и отправиться к далеким берегам православия?

Я могу прямо сказать, что большинство из нас привело в православие не глубокое разочарование в евангелическом движении и не непреодолимое влечение к запаху ладана и колокольному звону, сопровождающим православное богослужение. Как я уже сказал вначале, перемена произошла тогда, когда мы прекратили попытки оценивать и судить историю Церкви и вместо этого пригласили историю Церкви оценивать и судить нас самих.

Мы уже были твердыми приверженцами богодухновенности Писания, божественности Христа и признания нашего Господа Мессией. Идентифицировать Церковь первого столетия на страницах Нового Завета не составляло для нас проблемы. Нашими вопросами были: 1) Какова дальнейшая история этой Церкви Нового Завета? и 2) Насколько наше собственное христианство соответствует тому образцу, который был установлен за века, прошедшие со времени написания книги Деяний?

К своему изумлению мы обнаружили, что Церковь первого тысячелетия составляла единое целое. Разумеется, время от времени появлялись и уходили со сцены некоторые ранние еретические группы и возникали трудные ситуации, включая несториан и монофизитов. Но внутри самой Церкви существовало единство вероучения, охраняемое великими Вселенскими Соборами. Была единая в своей основе форма, или чинопоследование, литургического богослужения. И структура церковного управления была одной и той же в каждой из пяти крупных патриархий. Вместо того чтобы спрашивать, находятся ли такие столпы христианства как Августин, Афанасий и Златоуст в нашей Церкви, мы стали задаваться вопросом: принадлежим ли мы к их церквям!

Чем больше мы прислушивались к древним апологетам веры, сопоставляя их труды со Священным Писанием, тем больше мы понимали, что для них центральными пунктами веры были догматы Троичности

Божества и воплощения Сына Божия. В свете этих догматов стали проясняться и другие вопросы, волновавшие нас как евангельских христиан – причастие, литургия, почитание Марии и святых, иконы, историческое преемство епископата.

Поэтому для нас переход в православие не был «сменой веры». Скорее это было возвращением домой. Как и множество верующих в прошлые века, мы решили действовать: войти в литургическое богослужение, причащаться, благословлять Ту, Которая родила Спасителя наших душ, молиться перед иконами, искать епископского окормления.

Движение Духа

В начале 1992 года я был с его преосвященством епископом Антуаном в Бефезде, Мериленд, где он миропомазывал и рукополагал мирян и духовенство из двух только что образовавшихся православных миссий в Виллингтоне, Делавэр, и Виржиния Бич, Виржиния. В своей проповеди в тот уикенд он сказал:

– В 1987 году в православной Церкви началось новое движение Святого Духа.

В последующие пять лет было много волнующих событий и впечатляющих результатов. Помимо обычного роста, поддерживавшегося в Церкви в течение многих столетий, это новое движение помогло тысячам христиан-протестантов впервые открыть православное христианство и сотням из них стать членами Церкви.

Многие из тех, кто читал эту книгу, прошли именно такой путь. Если вы еще не завершили его, позвольте вас заверить: вы обретете свой дом в этой древней вере. Независимым христианам Бог предлагает общину и историческую преемственность. Христиане, чей опыт сосредоточен на изучении Библии, добавляют к своим библейским познаниям реальность богослужения и таинств. Тем, кто находится в том месте, где произошел отход от основ апостольского вероучения, Церковь предлагает неизменную веру «однажды преданную святым» ([Иуд. 3](#)).

В самом деле, если мы – в большинстве своем вышедшие из евангелической «поп-культуры» шестидесятых годов – смогли принять православие с благодарностью и радостью, то это может сделать каждый! Нам никогда не предлагали изменить наши национальности, или наше евангелическое дерзновение, или нашу любовь к Писанию, или отрицать милости и дары Божии, полученные в прежнее время.

Вместо этого мы заполнили многие пустые места своей христианской жизни ценностями православия. И, наоборот, отказались оттого, что не было истинно для святой веры.

В точности как митрополит Филипп обещал нам в 1986 году. Святой Дух привел нас «в землю обетованную». Мы надеемся продолжать приобщение Северной Америки к сокровищам этой исторической веры.

Примечания

1

Кампус – амер. разг. колледж, университет и т.п. (вместе с прилегающей территорией).

Маранафа – евр., т.е. Господь грядет или Гряди, Господи. Это восклицание было обычным среди первых христиан, как нынешнее Аминь, и выражало напряженное ожидание второго пришествия и суда Господня (см. [1Кор. 16, 22](#)).

3

Первый понедельник сентября. (*Прим. Переводчика*).